К63.5(2)
К 90

В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина

ВАСЮГАНСКО-ВАХОВСКИЕ ХАНТЫ

в конце XIX—начале XX вв.

Этнографические очерки

К 63.5(2)
К 90

В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина

ВАСЮГАНСКО-ВАХОВСКИЕ ХАНТЫ
в конце XIX—начале XX вв.

Этнографические очерки

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв. № 127704/3-
3-КО.

Мандрика
Тюмень
2006

ББК 63.5 (2)
К 90

Кулемзин В. М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX вв. : этнографические очерки / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. — Тюмень : Мандр и К[а], 2006. – 208 с.

Монография посвящена трем группам хантов, проживающим в Томской и Тюменской областях. На основании литературных данных, музейных коллекций и полевых материалов авторов дается характеристика хозяйства, материальной и духовной культуры, социальной организации и семейного быта, анализируются некоторые стороны мышления и мировоззрения народа, рассматриваются отдельные вопросы его истории.

Книга представляет интерес для этнографов, историков, археологов, краеведов и может быть использована студентами и преподавателями дисциплин по истории и этнографии Сибири.

© Кулемзин С.В., 1977.
© Лукина Н.В., 1977.
© МУ БИС (г. Нижневартовск) (издание), 2006.
© Мандр и К[а] (оформление), 2006.

ISBN 5-93020-364-4

Введение

Ханты расселены по бассейну Оби и ее многочисленным притокам — Васюгану, Ваху, Агану, Тромъегану, Югану, Пиму, Конде, Казыму, Сыне, Куновату, Малой Сосьве, Надыму, Полую и др. По переписи 1969 г. хантов насчитывается 21007 человек, из них большая часть проживает на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области и небольшое число на севере Томской области. Длительный процесс этногенеза и этнической истории хантов, их широкое расселение при изолированности отдельных групп, контакты с другими народами определили сложный характер культуры этого этноса. В литературе неоднократно отмечались особенности языка и культуры разных групп хантов, вопросам их формирования посвящена специальная статья З.П. Соколовой (1975). Исследователи выделяют три большие группы хантов — северную, южную и восточную и несколько территориальных, проживающих на определенных участках бассейна Оби и Иртыша или их притоков (Соколова З.П. 1975). Предлагаемая работа посвящена этнографическому описанию трех территориальных групп восточных хантов — васюганских, александровских и ваховских (васюганско-ваховских)[1]. Ныне они проживают в Каргасокском и Александровском районах Томской области и Нижневартовском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области.

Этот район Западной Сибири рассматривается как одно географическое целое, входящее в Западно-Сибирскую равнину. Рельеф

---

[1] Васюганские и ваховские ханты называются по рекам, в бассейнах которых они проживают; александровские ханты территориально занимают промежуточное положение между ними. Термин «александровские», образованный от названия современной административной единицы — Александровского района, представляется нам не очень удачным. Но употребляемые в литературе названия этих хантов — верхнеобские, среднеобские, нарымские — вряд ли являются более точными. Верхнеобскими их нельзя назвать потому, что этот район, строго говоря, не относится к верхней Оби. Под среднеобскими имеются в виду ханты, живущие ниже Сургута. Нарымскими следует считать и васюганских хантов, так как Васюган входил в Нарымский край. Мы остановились на названии «александровские», тем более что оно уже применено Н.И. Терешкиным при выделении диалектов хантыйского языка (1967. С. 10).

хантами и нарымскими селькупами. В верховьях Васюгана в начале XX в. жило несколько семей зырян. Александровские ханты граничили на западе с юганскими, а на севере — с сургутскими хантами. С юга и востока к ним примыкала территория нарымских селькупов. Северными соседями ваховцев являлись тазовские селькупы и лесные ненцы, северо-западными — аганские ханты, а южными — нарымские селькупы. В верховьях Ваха жили, очевидно, кеты и сюда же подкочевывали эвенки. В Нарымском Приобье эвенки были как бы вкраплены в хантыйскую среду. Общение с русским населением началось с XVII в. Наибольшее влияние русская культура оказала на хантов низовьев Ваха и александровских.

По языку васюганские, александровские и ваховские ханты весьма близки друг другу. Известно несколько вариантов классификаций диалектов языка хантов, имеющих между собой существенные различия. Не вдаваясь в подробное перечисление различных точек зрения, используем лишь последнюю сводку диалектов и говоров хантыйского языка, по которой в группе восточных диалектов выделяется вах-васюганское наречие. Оно разделяется на два говора — васюганский, включая и александровских хантов, и ваховский (Терешкин Н.И. 1966. С. 340—341).

Историческое прошлое названных групп изучено недостаточно. Вероятно, раньше всего предки хантов заселили верховья Васюгана и, постепенно продвигаясь вниз по его течению, освоили Васюганско-Ваховское Приобье, а затем и Вах (Лукина Н.В. 1972). Этническая история исследуемых хантов связана как с соседними группами этого народа, так и с окружающим неугроязычным населением. Освоение края русскими началось в самом конце XVI в. В 1594 г. был построен Сургут, русские вплотную подошли с севера к ваховским и александровским хантам. Последние, видимо, не представляли собой крупных объединений, и среди князцов не было таких фигур, как Бардак у сургутских остяков (хантов) или Воня у нарымских остяков (селькупов), которые своими действиями вызывали особое внимание русской администрации. В конце XVI в. васюганские ханты входили в Васюганскую, александровские — в Лунпуколские, а ваховские — в Ваховскую волость Сургутского уезда Тобольской губернии.

Небольшая группа населения Сургутского уезда первоначально фигурировала в ясачных книгах под названием «ваховских татар и остяков». Высказывалось предположение, что это остяки, принявшие магометанство (Буцинский П.Н. 1893. С. 83). Присоединившийся вначале к этой точке зрения Б.О. Долгих позднее отказался

от нее и считал ваховских «татар» остатками южных групп населения, двигавшихся на север (Долгих Б.О. 1970. С. 233–234). Мнение о существовании остяков-магометан на Вахе не подтверждается никакими данными и, вероятно, ошибочно. Ваховские «остяки и татары» были отданы в вотчину Кодским князьям Алачевым и только шесть плательщиков ясака относились к государственной казне (Буцинский П.Н. 1893. С. 11). В период с XVII по начало XVIII вв. в административном устройстве исследуемых групп происходили неоднократные изменения.

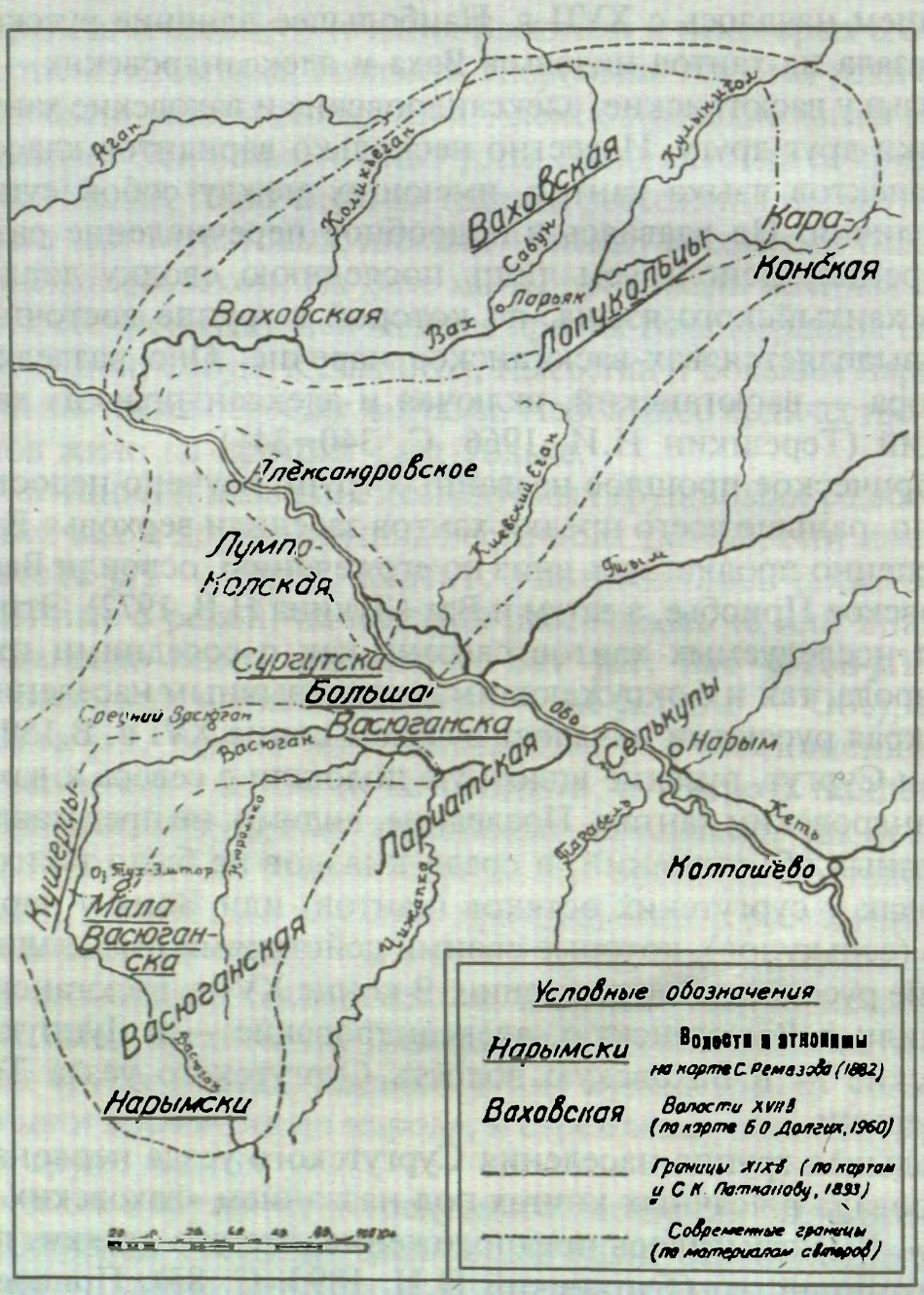


Рис. 1. *Расселение васюганско-ваховских хантов в XVII–XX вв.*

В начале XX в. васюганские ханты (586 человек) входили в Васюганскую инородческую волость Томского округа Томской губернии; александровские (1095 человек) занимали территорию Пирчинской, I Салтыковой, I Лумпокольской, II Лумпокольской и Ваховской волостей Сургутского уезда Тобольской губернии; ваховцы (1481 чел.) составляли часть Верхне- и Нижневаховской, II Салтыкову и Тымскую волости Сургутского уезда Тобольской губернии (Патканов С.К. 1911).

В этот период между названными группами существовали тесные контакты, что наглядно проявляется в ориентации их брачных связей. Судя по данным З.П. Соколовой, 95% браков васюганско-ваховских хантов заключалось внутри их групп, а остальные — с хантами Агана, Тром-Югана, Югана и представителями других народов[2]. Анализ показывает, что наиболее тесные брачные связи существовали между васюганцами и александровцами, с одной стороны, и между александровцами и ваховцами — с другой. Таким образом, александровские ханты являлись как бы промежуточным звеном между васюганскими и ваховскими, что вполне соответствует их территориальному положению. Подобная же картина наблюдается и в пофамильном составе. Некоторые фамилии были общими для васюганцев и александровцев (Карауловы, Кутамкины, Ахчимкины, Миткины), а другие — общими для александровцев с ваховцами (Могульчины, Пулины, Камины, Прасины, Кунины, Калины).

Итак, васюганско-ваховские ханты проживали в непосредственном соседстве друг с другом и были связаны исторически. Они были очень близки по языку и представляли замкнутую эндогамную общность. Перечисленные факторы допускают возможность выделения их в качестве самостоятельного объекта этнографического исследования. Задачами предлагаемой работы является систематизация имеющихся данных и публикация новых материалов по указанным группам хантов. При этом авторы стремились показать как общее, так и особенное в культуре разных групп и по возможности выявить факторы, влиявшие на складывание тех или иных особенностей. Работа построена на литературных сведениях, описаниях музейных экспонатов и полевых материалах авторов.

История изучения хантов насчитывает не одно столетие. Кроме русских и советских авторов большой интерес к этому народу проявляли и проявляют зарубежные этнографы, особенно венгерские и финские. При этом большинство исследователей обращали внима-

[2] Подсчеты произведены нами по данным табл. 3 в статье З.П. Соколовой (1976. С. 27).

ние в основном на северных и западных хантов. Восточные же ханты, к которым относятся исследуемые нами группы, являются менее изученными.

В самом конце XVII в. по территории александровских хантов проплыли И. Идес и А. Бранд направлявшиеся с посольством в Китай. Они кратко сообщают о некоторых сторонах культуры и быта остяков Оби от Сургута до Нарыма (Идес И., Бранд А. 1967), но не разделяют угроязычное и самоедоязычное население, что затрудняет использование их данных. В путевых отчетах и письмах финского ученого А.М. Кастрена (1860), путешествовавшего по Сибири в 1845–1849 гг., имеются краткие описания некоторых видов одежды, жилищ александровских хантов, впрочем, не всегда понятные. Верным является наблюдение А.М. Кастрена о сходстве образа жизни и материальной культуры угроязычного и самоедоязычного населения Нарымского края. В «Очерке Васьюганской тундры» (1859) кратко сообщается об охоте и рыболовстве, годовом хозяйственном цикле, поселениях, жилище и охотничьем снаряжении васюганских остяков (хантов). Эта работа позднее использовалась некоторыми авторами сочинений о Нарымском крае, впрочем, без ссылки на нее (*см.*: Плотников А.Ф. 1901). Затем томский краевед Б. Шостакович совершил поездку на р. Васюган и написал заметку, в которой бессистемно изложены наблюдения автора над жизнью остяков этого района (1877). Как и в большинстве других работ о Нарымском крае XIX — начала XX вв., здесь нет разделения между угроязычным и самоедоязычным населением Васюгана. Н.П. Григоровский (1884) приводит отдельные сведения о пище, убранстве жилища и некоторых моментах духовной культуры хантов Васюгана.

В начале XX в. появляется ряд исследований финского ученого У.Т. Сирелиуса, посвященные хозяйству и материальной культуре финно-угорских народов. Его работа о домашних ремеслах хантов и манси (1904, 1906–1907)[3] охватывает почти все обско-угорское население, но автор обычно указывает район бытования того или иного предмета. У васюганско-ваховских хантов он описал орудия и процессы прядения и ткачества, обработки шкур, кож и крапивы, дерева и бересты и привел краткие сведения о кузнечном мастерстве. Автор не ограничился веществоведческим описанием, а попытался проследить эволюцию отдельных орудий труда и ви-

[3] В 1904 г. работа вышла на немецком, а в 1906–1907 гг. на русском языках. Немецкий текст имеет то преимущество, что в нем приведены хантыйские и мансийские названия предметов.

дов утвари, определить в них угорские и заимствованные черты Солидные сочинения У.Т. Сирелиуса (Sirelius U.T. 1906 в, 1906 а — 1911) посвящены запорному рыболовству и жилищам финно-угорских народов. Общая оценка этих работ и концепций их автора дана советскими исследователями (Соколова З.П. 1957 а; Васильев В.И. 1962). По исследуемым нами группам хантов У.Т. Сирелиусом приведены наиболее полные сведения о типах и конструкции жилищ.

В тот же период публикует свои работы А.А. Дунин-Горкавич. Наиболее важным для этнографии является его труд «Тобольский Север» (1911), где описывается хозяйство, материальная и отчасти духовная культура населения этого края — хантов, ненцев, зырян. Автор, как правило, не разграничивает в своих описаниях указанные народы, что снижает ценность приводимых им данных. Более удачны в этом отношении некоторые из его иллюстраций. Отдельные замечания о материальной культуре и религии ваховских хантов имеются в путевых заметках финского ученого К.Ф. Карьялайнена (1911). Работа «Изделия остяков» (1911) содержит краткие описания хранящихся в Тобольском музее орудий труда, утвари и одежды хантов. Это первая серьезная работа русских авторов, посвященная специально материальной культуре хантов. Имея ряд достоинств, она все-таки проигрывает по сравнению с работами У.Т. Сирелиуса, так как не обладает целостностью и ограничивается простым описанием предметов. Использование ее для целей нашей работы затруднено, ибо почти в половине случаев не указаны районы бытования вещей.

Во втором десятилетии XX в. появляется ряд работ Г.С. Дмитриева-Садовникова, неоднократно посещавшего хантов Ваха по заданию Тобольского губернского музея. Его сведения относятся к разным сферам жизни народа — охотничьему и рыболовному промыслам, материальной культуре, обычаям семейной жизни, некоторым религиозным представлениям; приводятся и легенды о появлении хантов на Вахе. Наиболее подробно описаны изготовление и устройство лодок (1913), процесс изготовления лука и стрел, их виды и использование (1915), способы обработки бересты и изделия из нее (1916 а). Опубликованы также путевые заметки Г.С. Дмитриева-Садовникова (1916 б). Все его работы являются описательными и не претендуют на научный анализ.

В эти же годы увидело свет фундаментальное исследование К.Ф. Карьялайнена «Die Religion der Jugra-Völker» (1921—1922, 1927). В его основу положены известные к тому времени лите-

ратурные данные и богатый полевой материал, собранный автором у обских угров в конце XIX в. Автор поставил перед собой задачу выявления финно-угорских и угорских черт в религиозных представлениях угров. Такая задача определила и способ изложения материала — по отдельным группам и народам. У остяков (хантов) К.Ф. Карьялайнен выделяет несколько «культурных областей»: васюганскую и верхнеобскую (*александровскую, по нашей терминологии.* — **Н.Л.**), ваховскую, сургутскую, иртышскую, нижнеобскую.

Он характеризует многие стороны религиозного мировоззрения хантов: представления о сущности, рождении и смерти человека, верования и обряды, связанные с миром духов и с миром животных, понимание и объяснение явлений природы, шаманство. Достоинством работы является полнота приводимых в ней данных с указанием границ распространения того или иного представления, обряда. По исследуемым нами группам хантов больше всего сведений имеется у К.Ф. Карьялайнена с Васюгана, верхнеобские (александровские) и ваховские ханты упоминаются лишь изредка. Автор не ограничивается изложением матерала и решением вышеназванной задачи, но стремится к выявлению истоков и взаимосвязей отдельных явлений, прослеживает их развитие и трансформацию. Признавая большую научную ценность этого самого крупного и серьезного труда по религиозным представлениям хантов, следует, с нашей точки зрения, отметить определенный схематизм в подходе к решению некоторых вопросов.

Краткие и отрывочные сведения о хантах Васюгана имеются в журнальных статьях Е.Н. Орловой (1926) и П. Островских (1931). Обобщающая монография о хантах принадлежит Г. Старцеву (1928), который использовал данные литературы и свои полевые материалы. Его описания нередко поверхностны и не имеют указания на район, где они зафиксированы. Некоторые материалы Г. Старцева относятся к ваховским и александровским хантам.

Этнографические очерки М.Б. Шатилова о хантах Ваха (1931) остаются вплоть до наших дней наиболее крупной работой, посвященной локальной группе обских угров. Основой их послужили материалы экспедиции, организованной М.Б. Шатиловым на Вах в 1926 г. Книга состоит из разделов: природа, население, жилище, предметы домашнего обихода и утварь, пища, одежда, средства передвижения, родовые, семейные отношения, управление, суд и обычное право, общее миросозерцание и верования, промыслы. Из

материальной культуры наиболее подробно описаны предметы домашнего обихода, утварь, пища. В работе приводится описание почти всех видов жилья, хозяйственных и культовых построек ваховских хантов. Многие из них были уже ранее описаны Сирелиусом (Sirelius U.T. 1906 a — 1911), но М.Б. Шатилов основывался на материалах своей экспедиции. Будучи юристом по образованию, М.Б. Шатилов при сборе материалов особое внимание обратил на нормы обычного права. Ему удалось также посетить и описать целый ряд культовых мест, собрать сведения об обряде погребения, о шаманстве и в меньшей степени о других сторонах религиозных представлений хантов Ваха.

Серьезный вклад в изучение хантов сделан советскими исследователями Н.Ф. Прытковой и В.Н. Чернецовым. Их работы с важными положениями и выводами как по материальной, так и по духовной культуре хантов ценны для нас прежде всего в методическом и теоретическом отношениях (Прыткова Н.Ф. 1949, 1953, 1970, 1971 и др.; Чернецов В.Н. 1949, 1959, 1964, 1965, 1971 и др.); кроме того, Н.Ф. Прыткова занималась изучением одежды интересующих нас групп хантов — васюганских и ваховских. Ряд работ З.П. Соколовой содержит новые материалы по традиционному жилищу хантов Ваха и сведения об отдельных моментах их религиозных представлений (1957 а, 1957 б, 1960, 1963, 1971). Ею успешно разрабатывается проблема социальной организации хантов и манси (1970 б, 1974 и др.), ставятся вопросы формирования этнографических и территориальных групп у обских угров и намечаются конкретные пути их разрешения (1973, 1975).

При подготовке работы использованы музейные материалы. Наиболее содержательными являются коллекции, собранные П. Островских у александровских хантов (1894 г.) и М.И. Мягковым на Васюгане (1930-е годы); они хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ). В Тобольском государственном музее-заповеднике (ТГМЗ) имеются богатые этнографические материалы по ваховским хантам, привезенные в конце XIX — начале XX вв. Б.Н. Городковым и Г.С. Дмитриевым-Садовниковым. М.Б. Шатилов сдал в Томский краевой музей (ТКМ) в 1926 г. значительную коллекцию с Ваха. Авторы собрали для Музея археологии и этнографии Сибири (МАЭС) при Томском университете и для Томского областного краеведческого музея (ТОКМ) большое количество предметов быта исследуемых групп хантов. Преобладающая часть предметов во всех коллекциях отражает хозяйство и материальную культуру народа. Полевые материалы были

собраны в 1961–1974 гг. в ходе нескольких этнографических экспедиций Томского государственного университета (ТГУ) и отдельных поездок авторов[4].

Такова краткая сводка основных источников и литературы, использованных в работе. Больше всего сведений опубликовано по хантам Ваха, значительно меньше — по Васюгану, литературные данные об александровских хантах крайне скудны. Нужно отметить, что последний пробел не удалось восполнить в достаточной мере и в ходе наших полевых работ, что связано с утратой населением традиционной культуры. Большая часть полевых и музейных материалов отражена в разделах: средства передвижения, одежда, обувь и головные уборы, народные знания, социальная организация и семейно-брачные отношения. Другие вопросы рассматриваются в основном по литературным данным, но с использованием новых сведений.

Авторами совместно написаны разделы о хозяйстве и народных знаниях; В.М. Кулемзиным охарактеризованы космогонические и религиозные представления, остальная часть очерков подготовлена Н.В. Лукиной. Ею же подготовлены таблицы, выполненные С.Г. Бардиным и Л.И. Сенниковой. Работа авторов была по-настоящему коллективной, начиная с совместного сбора материалов и кончая взаимным обсуждением разделов очерков с внесением существенных корректив.

Выражаем благодарность сотрудникам сектора Севера и сектора Сибири Института этнографии АН СССР, особенно доктору исторических наук С.В. Иванову и кандидату исторических наук З.П. Соколовой, высказавшим ряд ценных замечаний при обсуждении рукописи.

[4] Экспедиция 1961 г. к александровским хантам: руководитель Г.И. Пелих, участники — В. Каплюк, Н. Лукина, Н. Томилов, Л. Тронова. Экспедиция 1969 г. к васюганским, александровским и ваховским хантам: участники — О. Евдокимова, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Н. Манжос, В.А. Посредников, П. Потрепалова. Стационарная работа среди хантов Ваха зимой 1969/70 гг., продолжительность семь месяцев, участники — В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. Экспедиция 1970 г. на Васюган: участники — С. Бардин, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Н. Манжос, П. Потрепалова. Экспедиция 1971 г. к васюганским и александровским хантам: участники — Т. Клещева, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Н. Манжос, Т. Никитина, Н. Пронина, Е. Титаренко. Экспедиция 1971/72 гг. на Вах: участники — В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. Средняя продолжительность экспедиций один-два месяца, руководитель — Н.В. Лукина (кроме 1961 г.), большинство участников — студенты исторического факультета ТГУ. В 1972, 1973 и 1974 гг. состоялись непродолжительные поездки В.М. Кулемзина на Васюган. Полевые материалы хранятся в архиве МАЭС.

Глава I

Хозяйство и материальная культура

Виды хозяйственной деятельности

В конце XIX — начале XX вв. хозяйство васюганско-ваховских хантов в значительной мере сохраняло натуральный характер. Основу его составляли охота и рыболовство, подсобное значение имело собирательство. На Вахе было известно транспортное оленеводство, заимствованное у русских разведение коров, лошадей и мелкого домашнего скота не получило широкого распространения. Рыболовство и охота удовлетворяли потребности в пище, давали материалы для изготовления одежды, утвари и других необходимых предметов. Однако в изучаемый период хозяйство хантов в некоторых отношениях зависело от продуктов и товаров рынка: муки, огнестрельного оружия, тканей, металлических изделий и т.п. Целям товарообмена служила пушная охота, а частично и рыболовство, особенно у александровских хантов.

Хозяйство исследуемых групп, будучи однородным в своей основе, имело локальные особенности, зависящие от местных физико-географических условий и других факторов. Например, на Вахе М.Б. Шатилов выделяет три группы хозяйства: пушное в верховьях реки, рыболовно-пушное в среднем течении и рыболовное в низовьях (1931. С. 132)[5]. Большая роль охоты на пушного зверя в верховьях Ваха объяснялась как наличием хороших промысловых угодий, так и возможностью использования оленьего транспорта, повышающего мобильность охотничьих групп. На Васюгане в равной мере были развиты рыболовство и охота; добыча рыбы, зверя и дичи служила в основном потребительским целям. Проживающие на Оби александровские ханты, естественно, в большей мере занимались рыболов-

[5] Подобное деление достаточно условно, так как учитываются лишь промыслы, имеющие товарное значение. Пушной промысел не был у хантов основным источником существования, так как пищу давало главным образом рыболовство и охота на мясного зверя.

ством, оно носило частично товарный характер, не теряла своего значения и охота. Охотничий промысел васюганцев, александровцев и безоленных ваховцев был связан с пешим передвижением и использованием собак для перевозки груза на нартах.

Годовой цикл исследуемых групп в своей основе был единым, в оленных хозяйствах Ваха он складывался с учетом этого вида занятий. Год делится на несколько периодов (**ики, иконтэр**)[6]. Некоторые из них имели устоявшиеся названия (орла, вороны, гусей-уток, малых запоров, больших запоров), совпадавшие у всех групп. Но в целом ряде случаев один и тот же период мог называться поразному даже одним и тем же лицом, в зависимости от того, какой из характерных признаков этого периода он хотел подчеркнуть. Неудивительны поэтому различия в их названиях, записанных в этнически однородной среде. Например, на Вахе для периода, следующего за временем больших запоров, зафиксированы названия: **jуҮ-лывәт-ики** (зеленого листа), **лонг-jорлат-ики** (середины лета), **тәҮтән-мок-вә Үәлтӓ-ики** (посадки птенцов гагары на гнездо). На Васюгане между периодами вороны и гусей-уток некоторые выделяют период **noj-ики** (наст). Продолжительность и количество периодов не были строго установленными. Некоторые из них длились несколько дней, другие больше месяца, поэтому

[6] *См.* об этом: *Шатилов М.Б.* 1931. С. 129–130; *Steinitz W.* S. 35–36. В табл. I приведены названия периодов, записанные нами.

Таблица I.

Название периода	Васюганские	Александровские	Ваховские
Опаденье листвы	jакаүәкт ики	ваүәти-ики	
Деревья без листьев	вӓләү-jуү-ики	вӓлӓү-тӧj-jуү-ики	вӓлӓү-jуү-ики
Осенняя охота, осень	кучиултӓ-ики	сӧүәс-ики	сӧүси-иконтэр
Семь лотлон день	jавә-пут нотам		
Середина зимы			тӓләү-jорлат-ики
Новый год, ярмарка	клвалы-ики	jармын ка-ики	клвалы-иконтэр
Пустой орел			соләнг-нӧрәк-ики
Орел пролетает	нӧрәк-ики	нӧрәк-ики	нӧрәк-ики
Ворона пролетает	урны-ики	урны-ики	урны-ики
Наст	noj-ики		noj-иконтэр
Гуси-утки прилетают	лонт-васӓү-ики	лонт-нӓсаү-ики	лонт-вӓсӓү-ики
Нерест рыбы	nojм-ики		kojм-ики
Милые запоры	aj-вӓр-ики	aj-вӓр-ики	aj-вӓр-ики
Большие запоры	аллә-вӓр-ики	аллә-вӓр-ики	аллӓ-вӓр-ики
Лист зеленый	нӓр аү-jуү-лывәт		
Посадка птенцов гагары на гнезда		тәүтан-мок	тәүтан-мок-вәүәлтӓ-ики
Гагара			тәүтән-ики

попытка уравнивания их с русскими месяцами вряд ли оправданна (*см.*, например, Шатилов М.Б. 1931. С. 129–130).

Хозяйственный цикл ваховских хантов вкратце сводился к следующему. Весной, когда снег оттаивал и снова замерзал, а тепло сменялось заморозками, наступал период **урны-ики** (вороны прилетают, апрель). В эту пору заканчивался промысел пушного зверя, другой охоты не было. Люди покидали зимние поселения и перебирались на осенние стоянки, где ими были оставлены на сухих местах готовые полотнища жильника. Еще стоял лед, и небольшое количество рыбы можно было добыть по принципу устройства зимних запоров. Поселения располагались обычно у заливных курей р. Ваха, где позднее, в период половодья, происходил лов рыбы. В это время готовили жильник для запоров. В период **лонт-вӓсәУ-ики** (гуси-утки прилетают, май) исчезал снег, а затем и лед.

Вскоре начиналась 10–15-дневная охота на перелетную водоплавающую дичь, пока она не начинала гнездиться. Запоры снимали и рыбу ловили сетями на заливаемых местах и в курьях. Оленей отпускали в лес. Зимние покрышки чума меняли на летние, берестяные. Мужчины делали долблёные лодки и продолжали изготовлять жильник. Женщины, пользуясь теплыми, светлыми днями, шили меховую одежду и обувь, чтобы готовые изделия летом прокоптить над дымом. Начало нереста рыбы означало наступление нового периода **кӧм-ики** (конец мая — начало июня). Уровень воды начинал понижаться, и нужно было успеть перегородить ручьи, чтобы рыба не ушла в Вах. Рыбачили по-прежнему сетями, с их помощью ловили в озерах карасей. Рыбы добывали немного, часть ее сушили. В конце мая съезжались на весеннюю ярмарку в с. Ларьяк.

Лето начиналось с периода **ай-вӓр-ики** (малые запоры, конец июня — начало июля). Вода быстро спадала, на берегах Ваха показывались пески. Вода светлела, и лов сетями прекращали. Теперь рыба не опускалась вниз по течению, как весной, а поднималась вверх, ее добывали, устанавливая малые запоры. В это время переселялись на высокие продуваемые места летних стоянок, так как появлялось много комаров и паутов; для оленей нужно было устраивать дымокуры. С деревьев снимали бересту, женщины готовили из нее покрышки для жилища и утварь. С наступлением периода **әллә-вӓр-ики** (большие запоры, конец июля — начало августа) начинался лов неводами на песках, большое количество рыбы запасалось впрок. На смену комарам появлялась мошка, и по-прежнему были необходимы дымокуры для оленей. Мужчины изготовляли лыжи и нарты, а женщины и дети собирали поспевшую морошку и голубику. В

период **таҮтээн-ики** (гагары, конец августа — начало сентября) рыба продолжала подниматься вверх по течению. Продолжался запорный и неводный лов, начиналась охота на молодую боровую дичь. Женщины рвали траву для подстилки в обувь и сушили ее. Начинался сбор кедрового ореха, запасали и ягоды.

В период **вӓләҮ-јуҮ-ики** (деревья без листьев, сентябрь — конец октября), когда выпавший снег быстро тает, определяли по цвету шкурки, можно ли стрелять пушного зверя. Если мех был доброкачественным, ходили пешком на охоту, ненадолго и недалеко, готовясь в то же время к зимнему промыслу. В начале периода жили еще в летних поселениях, а к концу — в осенних. Мужчины искали оленей, отпущенных в лес летом, а женщины собирали бруснику и варили ее на зиму. Основной пушной промысел начинался в период **сёҮәс-ики** (осенняя охота, ноябрь). К этому времени происходило переселение на зимние стоянки, имеющие оленей использовали их при переезде. Выбор места зимнего поселения зависел от возможности установки запоров на небольших речках, которые были перегорожены весной, чтобы рыба не ушла в Вах. Здесь жили всю зиму, переставляя иногда чум на новое место, богатое ягелем для оленей.

Период **тәләҮ-јорлат-ики** (середина зимы, декабрь-январь) по своим занятиям не отличался от предыдущего — пушной промысел и добыча рыбы зимними запорами. К концу декабря ханты ехали на ярмарку в с. Ларьяк, в связи с этим иногда выделяется еще период **јармын'ка-ики** (ярмарка) или **илвалы-иконтэр** (новый год). Здесь они продавали пушнину, платили ясак, рассчитывались за взятые в долг товары и закупали новые. После ярмарки снова разъезжались на места зимних промыслов. В сильные морозы охота прекращалась и совершались поездки в гости. Пушная охота, но без собаки, продолжалась и в период **солӓнг-кӧрӓк-ики** (пустой орел, февраль). Из-за недостатка кислорода рыба скапливалась у свежей воды, у ключей, где ее просто черпали, или устанавливали в запорах котцы. В последующий период **кӧрӓк-ики** (орел прилетает, март) в хозяйственной деятельности хантов не происходило особых изменений, появлялась лишь охота по насту за лосем.

Если исключить из описанного цикла занятия, связанные с содержанием оленей, то его можно в целом отнести и к хантам Васюгана. У последних большое значение имела осенняя охота на лося и дикого оленя. Мужчины отправлялись на промысел без семей и делали в лесу значительные запасы мяса, которые расходовались позднее, когда в урмане жила вся семья. Васюганцы ездили на ярмарку в Каргасок в конце лета, в это же время приезжали русские и татарские торговцы

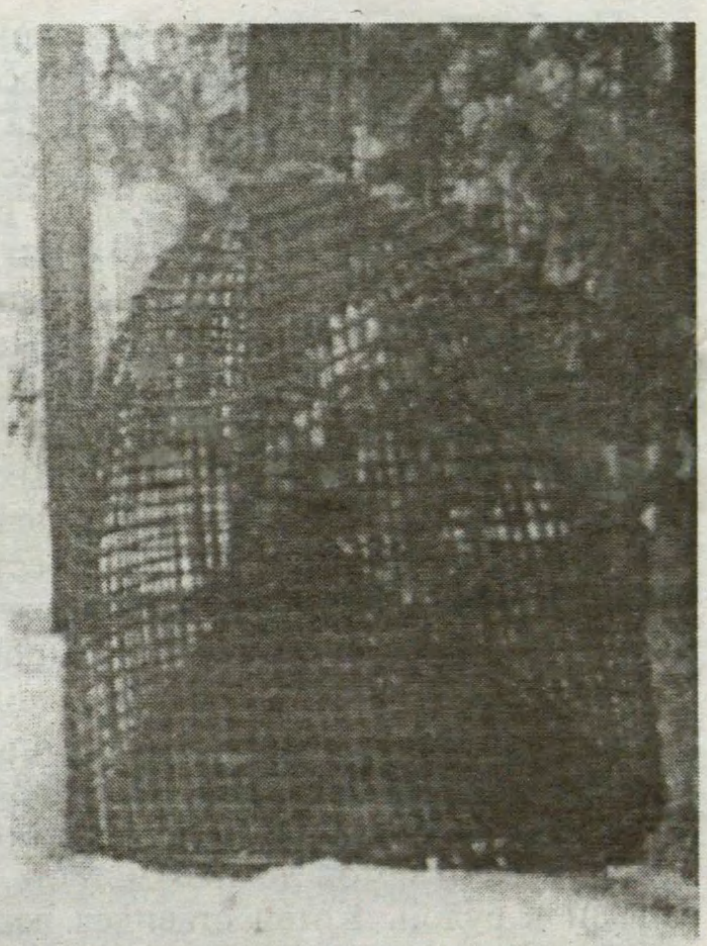


Рис. 2. Снаряд для ловли рыбы. Фот. В.М. Кулемзина, р. Вах

из Тары. Некоторые семьи, особенно у александровских хантов, летом нанимались в артели к рыбопромышленникам. Малое количество пушного зверя в местных урманах вынуждало иногда мужчин уходить без семей на сравнительно большие расстояния. Васюганцы и ваховцы охотились в урманах александровцев, представители всех групп уходили на р. Демьянку, с Ваха добирались до Енисея и Таза.

Различные хозяйственные потребности обусловили в прошлом появление, развитие и усовершенствование исключительного многообразия способов добывания рыбы, зверя и птицы. Подробное описание основных орудий и приемов промысла не входит в нашу задачу, так как это уже сделано другими авторами (Шостакович Б. 1882; Дочевский И.И. 1898; Sirelius U.T. 1906 б; Садовников Г. 1911; Дмитриев-Садовников Г.С. 1915, 1916 б; Шатилов М.Б. 1931 и др.). Ниже будут указаны лишь основные моменты промысловой деятельности исследуемых групп хантов и приведены новые данные по некоторым способам добычи. Большинство из них основано на максимальном использовании местных ресурсов. Рыболовный и охотничий инвентарь, изготовленный хантами вручную, иногда непосредственно на месте промысла, был настолько приспособлен к местным условиям, что не мог быть быстро вытеснен более эффективными орудиями. Большинство способов охоты и рыболовства хантов не требовало непосредственного активного участия промысловика в момент добывания зверя или рыбы. Эта характерная особенность присуща промыслам и других народов Сибири. Искусство промысловика сводилось к умению выбрать вид ловушки, определить ее место и правильно установить. При этом требовалось учитывать характер местности, погоду, время года, состояние рыбы и зверя и ряд других факторов.

Наибольшее значение в обеспечении пищей в течение всего года имела рыба. Ценные породы рыб: осетр, нельма, муксун — добывались главным образом жившими на Оби александровскими хантами. Большую часть улова повсеместно составляли щука, плотва, карась, ерш и др. Способы добычи рыбы можно условно разделить на «пассивные» (рыба сама заходит в установленные ловушки) и «активные» (ловля осуществляется непосредственно рыбаками). Среди первых основным был так называемый запорный способ ловли. На Васюгане и Вахе он был распространен более, чем у александровских хантов. Удобство этого способа заключается в том, что один и тот же запор (вӓр), состоящий из вбитых в дно реки или протоки кольев, переплетенных прутьями, обеспечивал рыбой дважды в год. Весной рыба спускается к местам нерестилищ на заливные луга. В это время в проходе запора устанавливается плетеная из ивовых прутьев или из сосновой дранки морда (**пон**) с учетом того, что рыба идет по течению. Осенью, когда рыба поднимается вверх, к местам зимовий, морда поворачивалась в противоположную сторону. При другом способе в проход запора ставили не морду, а котец (вӓрпут). Он представлял собой гибкое полотнище из переплетенных сосновых дранок высотой до трех метров, при необходимости его сворачивали в рулон. Котец ставился вертикально в проходе запора и загибался так, что попавшая в него рыба не могла выйти. Иногда проход в запоре отсутствовал. Рыба, наткнувшись на запор, поворачивала в сторону и попадала в котец. Котец мог быть довольно длинным и выполнять одновременно роль запора. Ловушкой служил один его конец, свернутый нужным образом. Из котца рыбу вычерпывали саком, сплетенным из сарги или кедрового корня. В основном котцами рыбу добывали зимой. В конце зимы, в период «загара» водоемов, рыба скапливалась у ключей. Устья ключей заваливали снегом и затаптывали, а неподвижную рыбу вычерпывали саком или просто выбрасывали руками.

Рис. 3. Вычерпывание рыбы из запора. Фот. В.М. Кулемзина, р. Вах

С давних пор существовали и такие способы добычи рыбы, как установка сетей, лов-

ля удочкой, острогой, блесной и т.д. Сети (Вю **сајвалынтоҮ**: В *кәләв)* и невода (В *сäјів*) изготовлялись из крапивного волокна или покупных ниток, были непрочными и не играли большой роли в добыче рыбы. Неводили чаще всего на песках, но также и в других местах. Так, в период невысокой воды в дно протоки втыкали полосой тальник, движение которого пугало рыбу. Рыба останавливалась, и здесь ее ловили неводом. Неводили и в озерных ямах, отгороженных высокими палками. Острогой (Вю **сар-поҮлом-ваҮ**; В **пос, кул-поглонт-товох**) добывали крупных щук в темные осенние ночи. Один освещал воду с лодки берестяным факелом, а другой бил замеченную рыбу. Острога имела от трех до шести зубцов, у каждого зубца был с одной стороны крючок, повернутый внутрь остроги (табл. II — 3, 13). Железная рабочая часть длиной 30—35 см насаживалась втулкой на древко длиной более полутора метров. Щуку добывали с помощью лука и стрелы с вильчатым металлическим наконечником. Осенью же ловили щуку «дорожкой» (Вю **каҮајӧв**; **кäскäн**). На Васюгане сохранились воспоминания о древнем типе этого рыболовного снаряда. Поводок делали из кедрового корня, к нему прикрепляли еловый крючок. В качестве приманки на крючок насаживали рыбку с распоротым животом или привязывали узкую ленту оленьей кожи. Употреблялись и блесны, выкованные вместе с крючком из одного куска железа, к ним привязывали красную тряпочку. Еловый сучок применялся в качестве крючка удочки (В **лоп**). Существовали и другие способы лова, описанные в литературе, — фитилями, атармами и т.д.

С добычей рыбы был связан ряд вспомогательных орудий. При неводьбе рыбу вспугивали «боталом» (В **лолкыв**). Это палка длиной более двух метров с небольшой округлой дощечкой на конце (табл. II — 1). Пойманную крупную щуку оглушали колотушкой (Ал **сарт-мӧгур**) из куска дерева с естественным изгибом (табл. II — 4). Ханты считали, что при большом скоплении щук в лодке или посуде образуется небезопасная для человека жидкость, поэтому их брали не руками, а крючками (Вю **вынав-сар-пӧнк**). Железный крючок на деревянной рукояти (Ал **вынав**) использовался при вытаскивании осетров из воды. Рыбу из запоров вычерпывали саком (Вю **сәјвалын-јоҮов**) из черемуховых лент или кедрового корня, укрепленным на деревянной рукояти. Лед долбили пешней (В **пәрәл'**), вычерпывая его саком (Вю **јоҮов**; В **сәнгкыв**), у которого рукоять была короче и черпак не столь глубокий, как у сака для рыбы.

Основным источником мясных продуктов был лось. На лося устраивались засеки (В **норвы**) из жердей, привязанных к деревьям. В проходе изгороди выкапывалась яма или использовалось есте-

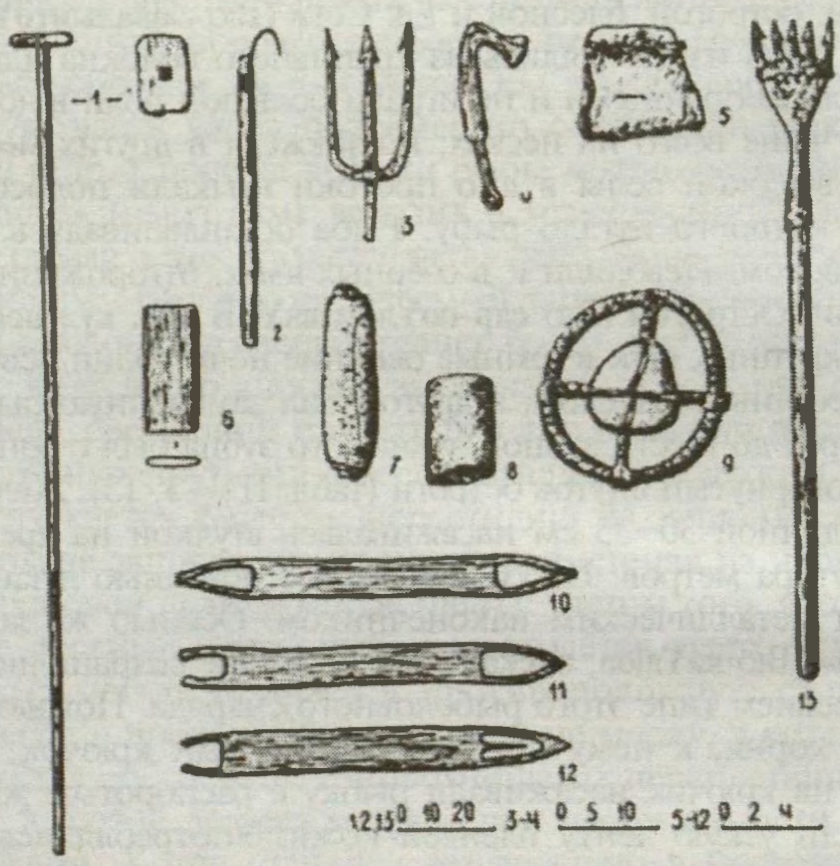


Табл. II. Орудия рыболовства: *1* — палка для вспугивания рыбы (р. Обь); *2* — багор для вытаскивания осетров (р. Обь); *3* — острога (р. Вах); *4* — молоток для забивания щук (р. Обь); *5, 8, 9* — грузила; *6* — пластинка для определения размеров ячей сети; *7* — поплавок из бересты (р. Васюган); *10—12* — иглы для вязания сетей; *13* — острога (р. Васюган)

ственное углубление, у которого обрабатывались края. Данный способ применялся в сухих местах, которых в настоящее время, по мнению хантов, стало значительно меньше. В засеках настораживали также луки-самострелы (**В ат'-joYəл**) с таким расчетом, чтобы зверь был поражен в переднюю лопатку. Стрелы на лося (**н'θY-н'ал**) имели копьевидный наконечник из бивней мамонта или железа, способный пробить кость. Луки устанавливали и на тропах зверя, ведущих к водопою. Примечательно, что летом ханты не искали тропы непосредственно на берегу или в лесной чаще. Для того чтобы установить место выхода лосей к воде, охотник плыл по водоему и тщательно осматривал его поверхность. Наличие шерсти лося на воде свидетельствовало о близости водопоя и тропы. Учитывалось также, что мясо добытого зверя летом вывозилось только на лодках, поэтому считалось нецелесообразным настораживать лук вдали от воды. Зимой лук настораживался в наиболее удобном для транспортировки мяса месте. Ранней весной лося добывали гоньбой

по насту на лыжах-голицах. По некоторым данным, ханты использовали при охоте любопытство лося к незнакомым звукам. Один из охотников бил в бубен, звуки которого привлекали зверя, а другой стоял неподалеку с луком или ружьем. На лося ставили петли, иногда на человеческой тропе, по которой ходят и звери. Петля прикреплялась к дереву или к березовой чурке на высоте 160 см. Попав в петлю, лось быстро задыхался.

Охота на медведя производилась коллективно, в одиночку вступали в схватку со зверем лишь в исключительных случаях. Медведя чаще всего добывали в берлоге с помощью пальмы (**пал**). Этот способ не утратил своего значения и с появлением огнестрельного оружия, хотя пальме отводилась вспомогательная роль: ею добивали зверя. Пальма представляла собой большой нож, укрепленный в древке. На Вахе нож был односторонним и имел лезвие длиной 32 см, шириной 6 см. Черен его укреплялся в древке длиной 160 см. В верхнем конце последнего отрезали половину ствола

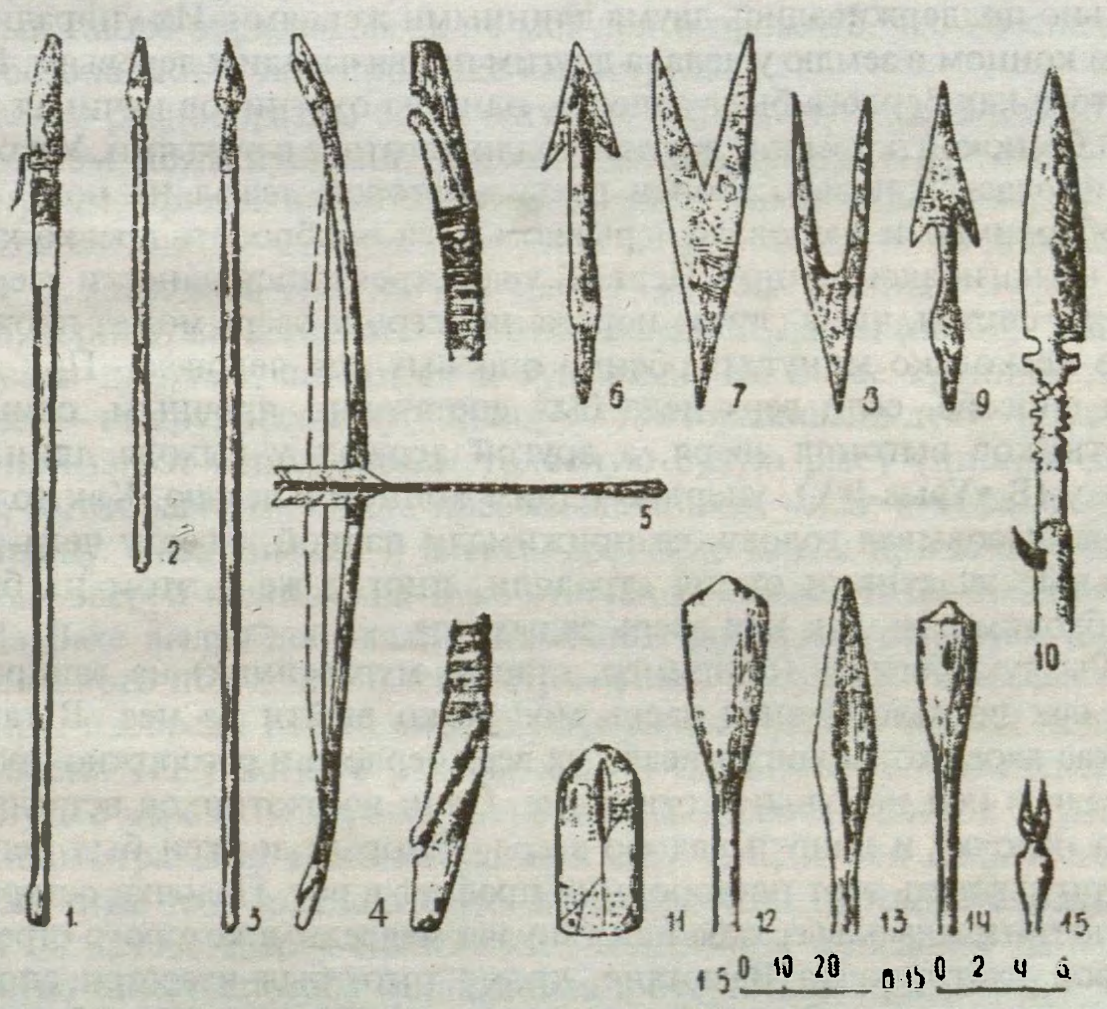


Табл. III. Орудия охоты: *1* — пальма в чехле (р. Вах); *2* — пальма (р. Васюган); *3* — копье (р. Васюган); *4, 5* — сложный лук со стрелой; *6—15* наконечники стрел

по длине черена ножа. В обеих половинах делали выемки, черен вставляли в древко и прикладывали отрезанную часть. Половины древка с помещенным внутри череном склеивали рыбьим клеем и сбивали гвоздями, у самого лезвия их обматывали сухожильными нитками; весь конец обклеивали сверху по спирали узкой и тонкой полосой бересты и обматывали бечевкой, при наличии насаживали и железные кольца. На Васюгане и у александровских хантов были известны и двусторонние ножи такого рода; они имели меньшие размеры и считались тунгусскими по происхождению. Здесь же бытовали копья, рабочая часть которых, в отличие от пальмы́, насаживалась втулкой на древко.

Ханты использовали различные приемы выманивания медведя из берлоги. Прежде всего проверялась ее прочность. У прочной берлоги чело можно было запереть стволами пихты или ели, направленными комлями внутрь берлоги; в этом случае сучья препятствовали выталкиванию их зверем обратно. Иногда стволы дополнительно поддерживались двумя длинными жердями. Их упирали одним концом в землю у чела, а другим привязывали к деревьям. После того как берлога была заперта, один из охотников начинал палкой беспокоить зверя, а другие стояли наготове с ружьями. У каждого имелась и пальма́, конец древка которой лежал на ноге. При необходимости требовалось рывком ноги подбросить древко кверху, не нагибаясь за ним. Первый удар стремились нанести зверю в горло, считая, что в случае поражения сердца зверь может прожить еще несколько минут, особенно опасных для человека. При другом способе, если верх чела был достаточно прочным, один из охотников выгонял зверя, а другой держал у выхода длинную палку (В **уУрыв-јуУ**), упертую одним концом в землю. Как только зверь высовывал голову, ее прижимали палкой к верху чела. Остальные участники охоты стреляли, иногда же в этом не было необходимости, так как зверь задыхался.

Рыхлую берлогу (например, старый муравейник) не запирали, так как встревоженный зверь мог легко выйти из нее. В таком случае двое охотников вставали на верх берлоги и осторожно проделывали в ней небольшое отверстие. Один из охотников вставлял в него палочку и нащупывал ею зверя, который должен был непременно схватить этот посторонний предмет в рот. Палочка осторожно подтягивалась вверх, за ней тянулся медведь, в которого стрелял второй охотник. На Васюгане, кроме того, был известен способ охоты с помоста. Один из охотников выгонял зверя из берлоги, остальные находились на помосте. Такой способ применялся тогда,

когда берлога была сквозная, т.е. с двумя выходами, расположенными один против другого. При охоте в одиночку тупой стороной пальмы ударяли медведя по подбородку, отчего он поднимал голову, и охотник вонзал пальму в горло. Ханты считали, что медведь знает о уязвимости своего горла и защищает его, опуская голову.

Ставили на медведя кулемы, слопцы и петли. Ханты учитывали то обстоятельство, что медведь значительно сильнее лося и его горло защищено толстым слоем мышц и шерсти, поэтому петлю привязывали не к дереву, а к березовой чурке длиной более метра. Попав головой в петлю, медведь старается избавиться от чурки, отбрасывает ее от себя лапами, отчего петля затягивается еще туже. Иногда зверь взбирается на дерево, бросает с него чурку, падает сам и разбивается; в других случаях охотник идет на рев медведя и стреляет его. Луки-самострелы применялись для охоты редко. Стрела (**иУ-н'ал**) имела металлический вильчатый наконечник, образующий рваную рану при поражении жизненно важных органов. Раненный таким образом зверь не мог долго прожить, что обеспечивало безопасность при проверке самострела.

Весьма разнообразны были способы добычи пушных животных. В прошлом, когда пушнина не являлась товаром, а шла на собственные нужды, применялись главным образом способы, не требующие непосредственного участия охотника. Нужно было лишь периодически осматривать снасти. На тропах мелких пушных зверей — белки, горностая, колонка — устанавливали черканы (**пэтэв**). Зайца добывали петлями, слопцами и кулемами. На более крупных животных — выдру, росомаху, лисицу — настораживали луки. В качестве приманки использовали толченую сухую рыбу (иногда свежую), заготовленных с лета пресмыкающихся, мясо, а также боровую птицу. Васюганские и александровские ханты применяли для пушных зверей кляпцы, на Вахе этот вид ловушек встречался редко. На Вахе выдру добывали с помощью самолова (**пён-кот**), устанавливаемого под лед. С распространением железных капканов васюганцы изобрели новый способ добывания белки в период глубокого снега. На участке с редким лесом, где белка не может перепрыгнуть с дерева на дерево, устраивалась «дорога» длиной в один-два километра. Для этого на рыхлый снег укладывали цепь тонких жердей, а на них устанавливали капканы. При переходе с одного места на другое зверек пользовался жердями и попадал в капкан. Удобство такого способа заключается в отсутствии приманки.

В охоте на пушного зверя большую роль играли способы, требующие непосредственного участия человека, предполагающие дли-

тельную ходьбу на лыжах, выслеживание и скрадывание. Особенно часто они стали применяться с развитием товарно-денежных отношений, изменивших как организацию охоты, так и ее приемы. Утверждению активных способов охоты в качестве основных способствовало вытеснение ручного лука огнестрельным оружием.

Охота на пушного зверя производилась луком, склеенным из двух или трех пород деревьев. Шишкообразный деревянный или костяной наконечник стрелы предотвращал порчу меха. Стрелы на зайца и лису имели вильчатый металлический наконечник, закрепленный в деревянном утолщении. При охоте на выдру учитывалось то обстоятельство, что раненый зверь мог унести стрелу под воду, поэтому в древке имелся жалообразный металлический выступ, к которому прикреплялся шнур от лука. Для защиты руки от удара тетивы к запястью привязывали ремешками изогнутую пластинку (**кать'кар**) из кости мамонта или металла. Замена лука ружьем (**пэчкăн**) увеличивала возможности охотника в добыче зверя. Интересно, что ханты стремились перенести некоторые традиции охоты с луком и стрелами на использование ружья. Так, при охоте на белку в патрон вместо дроби вкладывался деревянный шарик (иногда фишки лото), чтобы не портить шкурку.

Белок отстреливали чаще всего на деревьях. Их выслеживала собака или отыскивал сам охотник. Как правило, он старался обнару-

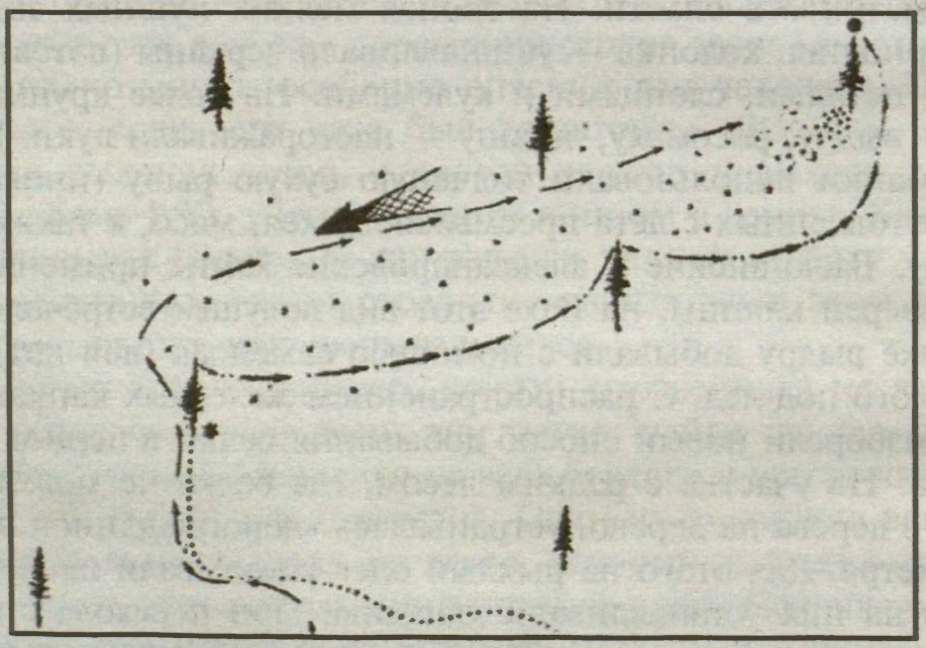


Рис. 4. Схема охоты на белку: • место кормежки белки и ее отстрела; .... след белки понизу; .. → след белки поверху; ⇨ направление ветра и полета семян; *** разнесенные ветром семена сосны; → путь охотника. По полевой зарисовке В.М. Кулемзина, р. Вах

жить след белки на снегу и шел по нему до тех пор, пока зверек не выходил «наверх». Во время движения по деревьям зверек так или иначе оставлял след в виде хвои, семян деревьев и т.д. Охотник придерживался этих указателей и шел до тех пор, пока не наталкивался на место кормежки белки. На его близость указывало наличие семян сосны или мусора от кедровых орехов, которые в большем количестве, чем прежде, находились внизу. Ориентируясь направлением ветра и полетом семян, охотник точно определял место кормежки. Иногда зверек делал «ложный след», т.е. шел в направлении, где нет запасов корма. Важно определить, где находится ближайший участок леса с кормом для белки. В таком случае охотник анализировал конкретную ситуацию, делая порой сложные умозаключения. Например, он принимал решение искать белку не в бору, где она обычно живет зимой, а на соседнем болоте. Он рассуждал следующим образом. В начале этой зимы прошел дождь. Затем ударил мороз. В сосновых шишках образовался лед, и белка не может достать из них семена. Однако на болоте, где лес редкий и короткий, ветер выдувает лед из шишек. Белка живет в лесу, но питаться ходит на болото. Здесь, на выходе из болота, ее лучше всего и отстреливать. Порой, на взгляд непросвещенного человека, происходили парадоксальные случаи: след зверька шел в одном направлении, а преследующий его охотник двигался в противоположную сторону.

Спрятавшуюся в дупле или гнезде белку нужно было выгнать. Васюганские ханты били для этого по дереву бичом (**каттив**), сплетенным из дикой конопли и конского волоса. Ваховцы скребли ствол дерева лыжным посохом, что напоминало звук когтей взбирающегося хищника. Испуганная белка выскакивала из укрытия, бежала вверх по стволу или кроне, и в нее стреляли.

Белка была основным объектом охоты на Вахе, а на Васюгане, пожалуй, не меньшую роль играл соболь. Охота на этого зверя выглядела сложнее. До появления пружинных капканов ханты не ставили известные им ловушки специально на соболя, в них он попадал случайно и очень редко. Чаще всего его гнали с собакой, а в период глубокого снега и без нее. В последнем случае погоня осуществлялась не за каждым соболем, а лишь за сытым: состояние зверя определялось по борозде на снегу. Голодный соболь сразу же оставлял охотника далеко позади себя и долго не уставал, сытого зверька догнать было легче. Погоня могла продолжаться несколько суток. Имея собаку, старались выгнать соболя в молодой сосняк, где он не мог взобраться на деревья, так как у него соскальзывали когти с гладкой поверхности ствола. Это облегчало собаке

поимку соболя. В старом глухом лесу у зверька было много убежищ: под корнями деревьев, в валежнике, в дуплах и т.п. В тех случаях, когда собака не могла выгнать соболя из укрытия, его предполагаемое местонахождение огораживалось сетью (**сајвинтәУ**) длиной до 100 метров. Если было точно известно, где спрятался зверек, то у входа в укрытие устанавливался небольшой мешок из рыболовной сети. Соболя выкуривали или выгоняли каким-либо другим способом, он выскакивал и попадал в мешок, откуда его вынимали руками, защищенными рукавицами. Иногда соболь прятался в дупле. Если вход был виден, его закрывали специальной затычкой, которую поднимали на нужную высоту при помощи двух жердей, связанных на концах. Затем дерево сваливали. Вообще же ханты считали себя неопытными соболевщиками. Возможно, это объясняется утратой накопленного коллективного опыта в связи с частым исчезновением соболя в последние века.

«Нагоном» добывали и выдру. Если охотнику не удавалось ее догнать, то он оставался с собакой у полыньи, куда зверь неизбежно уходил от преследования. Дальнейший успех зависел от сноровки собаки. Лучшие собаки хватают выдру за нос, едва та высунется из воды, чтобы набрать воздух. Весной и осенью, когда отсутствует ледяной покров, некоторые собаки ловили выдру в воде.

Потребность в мясной пище частично удовлетворялась промыслом птиц, особенно у васюганских и александровских хантов. На глухарей ставили слопцы и петли из конского волоса. Последним способом добывали также рябчиков и куропаток. Уток в период линьки можно было добыть без всяких ловушек. Их вспугивали и гнали в сторону собак, которые давили птиц, затем били их палками. В охоте на водоплавающую дичь использовали небольшие простые луки, стрелы имели вильчатые металлические наконечники. Когда у уток были выводки, небольшую стрелу с тонким железным наконечником пускали по воде, что вызывало сильные брызги. Утка налетала на стрелу, принимая ее за утенка. Перед летящей стаей уток пускали стрелу (табл. III — 13, 14), издающую звук, подобный ястребиному свисту. Стая опускалась на воду, здесь ее настигали стрелы. Изредка охотились и с помощью ружей, особенно на гуся, лебедя и гагару.

Охота на водоплавающую птицу производилась как на берегу, так и непосредственно на воде, с использованием маленькой долбленой лодки. Вообще же преимущественным способом продвижения при разных видах охоты была пешая ходьба. В бесснежный период запас пищи, провианта и необходимых вещей доставлялся к

охотничьей стоянке в берестяном кузове за спиной. При возможности часть пути проплывали на лодке. С выпадением снега охотники двигались к месту промысла на лыжах и тянули за собой нарту с грузом. В помощь человеку подпрягались собаки. Наличие оленей у хантов Ваха облегчало возможности продвижения и перевозки грузов, а также членов семьи к местам охоты. О преимуществах владельцев оленей перед безоленными охотниками Ваха подробно писал М.Б. Шатилов (1931. С. 133–136). Выходя на установку или проверку ловушек, на охоту с луком или ружьем, ханты продвигались по глубокому снегу на камусных лыжах, а по насту на голицах; на Вахе производился отстрел белки непосредственно с оленьих нарт.

Одежда охотника и его снаряжение включали лишь самые необходимые вещи и не должны были мешать быстрому продвижению: лук и ровдужный колчан с 30–40 стрелами, на поясе нож и мешочек с прибором для добывания огня, за поясом топорик (его носили и на сгибе левой руки), а у васюганцев и охотничий бич. С появлением огнестрельного оружия его стали носить за спиной в кожаном чехле, а в снаряжение охотника стал входить заимствованный у русских комплект из роговой пороховницы (Ал **сылăк-ангат**), мешочка для дроби (Ал **н'ал-кырəУ**), пистонницы (Ал **төнтөккы-кат**) и мерки для пороха (Ал **ил'та**). Лыжная палка с лопаткой на конце использовалась для установки ловушек, а с крючком — для вспугивания белок. Добытых мелких зверьков подвешивали к поясу. Мясо крупных животных можно было доставить к стоянке, погрузив на лыжи, которые тянули за бечеву, привязанную в отверстия в носках лыж.

На пушной промысел ханты обычно отправлялись группами в несколько человек, но охотились индивидуально. Лишь добыча крупных мясных животных в таких ситуациях производилась коллективно. Основную промысловую нагрузку нес мужчина, но были известны и женщины-охотницы. Женщины нередко проверяли ловушки, во время погони за оленем или за лосем они могли сопровождать охотника, неся для него постель и пищу; помогали они и в обработке шкур.

Непосредственно с охотой было связано содержание собак, имевших неоценимое значение в быту хантов. Здесь была известна только сибирская лайка, которая называлась **кантəУ-ăмп** — хантыйская собака. Мер по улучшению породы не предпринималось, но следили за ее сохранением, в связи с чем появившихся со стороны непородистых собак убивали. Весьма ценились белые лайки, черные же собаки вспугивали зверя и их боялись домашние олени,

поэтому черных щенков уничтожали. Особой заботы о собаках не проявляли, но не допускалось и жестокое обращение, в общем отношение к ним было как к равным партнерам, спутникам жизни. Это вполне объясняется ролью собаки в охотничьем промысле, зачастую невозможном без ее помощи. Собака выслеживала и отыскивала зверя, а иногда и доставляла его хозяину. Интересно отметить, что хант-охотник считал для себя обязательным убить найденного собакой зверя, так как в противном случае ему будет «стыдно» перед своей помощницей.

Некоторые собаки проявляли одинаковые способности в охоте на любого зверя, другие же «специализировались» на каком-либо одном. Ханты умели определять способности собаки по некоторым внешним данным. Например, наличие «зарубки» на носу они рассматривали как признак склонности к охоте на белку. Признаками хорошей охотничьей собаки считались черный зев и черные десны, наличие от 9 до 12 поперечных рубцов на небе или трех усов на подбородке (по другим сведениям — одного уса). Охотничья собака должна была иметь острые когти, выступающую затылочную часть, карие глаза, холодный и черный нос. Не проявившие себя в добыче зверя особи запрягались в нарты, но этой участи подвергались и охотничьи собаки. Для окарауливания и ловли домашних оленей собаки не применялись, напротив, их держали на привязи ради спокойствия оленей. Если собака постоянно лаяла на них, ее пытались отучить или же убивали. Постаревших собак содержали до наступления естественного конца, а после смерти хоронили, привязав к ноге красный и черный лоскутки тканей. Нередко в хантыйских семьях выращивали детенышей зверей или птиц. Некоторых из них позднее убивали, например, пушных зверей, но чаще мотивы были другие — стремление к общению с животными и получаемое от этого удовольствие.

На Вахе, особенно в его верховьях, было известно оленеводство; отдельные попытки содержания оленей были также у васюганских и александровских хантов, но они кончались, как правило, неудачно. Для оленеводства ваховских хантов было характерно наличие небольших стад, вольный отпуск оленей в осенне-летний период, устройство дымокуров и специальных построек, применение колодок, транспортное назначение животных и слабое отражение этого вида занятий в духовной культуре[7].

К традиционным видам занятий относится собирательство, которым занимались женщины, подростки, дети и старики. Наибольшее

[7] Подробнее об оленеводстве *см.*: Шатилов М.Б. 1931. С. 154–160; Лукина Н.В. 1973.

значение имел сбор ягод: брусники, клюквы, голубики, черники, морошки, на Васюгане — черемухи и смородины. На заготовку ягод отправлялись пешком или на лодках. При многодневных поездках ставили временное жилище. Голубику и чернику собирали иногда деревянным совком с зубцами из гвоздей или проволоки (вероятно, заимствовано у русских), чаще все виды ягоды рвали руками. Низкорослые ягоды собирали в низкие широкие набирки с ручкой (табл. XIII — 6), находящиеся в руке или на земле; для черемухи или смородины подвешивали на шею узкое берестяное ведро (табл. XIII — 5). Ягоду собирали в большие заплечные кузова с крышками и доставляли на себе домой или к лодке. При переносе ягод в набирках их закрывали сверху мхом и закрепляли гибкими палочками. Для хранения использовались водонепроницаемые берестяные коробки и бочки.

Заготовка кедрового ореха велась с участием мужчин, для этого приходилось уезжать иногда на расстояние до 100 км. Осенью били по стволу кедра деревянным молотом на длинной жерди, отчего шишки падали. Весной собирали шишки на земле. Их растирали рубчатым вальком, а затем просеивали в деревянном сите с дном в виде решетки из узких деревянных планок (Шатилов М.Б. 1931. С. 161—162). Угодья, богатые ягодой или орехом, не считались чьей-либо собственностью. Преимущественное право на сбор принадлежало тому, кто прибыл первым; лишь на Васюгане зафиксированы сведения о распределении кедровых урманов на собраниях. Ягоды и орехи имели некоторое товарное значение, особенно в верховьях Васюгана и у александровских хантов. Для собственных нужд заготавливали весной чагу, ею заваривали чай. Весной собирали березовый сок и ножом скоблили ствол березы с удаленной корой, полученные сочные стружки ели сразу; березовая губка заготавливалась впрок для смешивания с табаком. В верховьях Васюгана рвали дикий лук.

Благодаря русским ханты, особенно александровские, освоили содержание лошадей, коров и в меньшей степени мелкого домашнего скота. Наиболее полезной в хозяйстве хантов была лошадь, используемая для перевозки тяжестей, доставки охотников к местам зимних промыслов, при поездке на ярмарку и дающая некоторый заработок при перевозке пассажиров и грузов. У русских ханты научились обрабатывать землю и выращивать некоторые культуры, главным образом картофель. Распространению новых видов занятий препятствовали неблагоприятные природные условия и традиционный уклад жизни народа. Содержание скота, выращивание и хранение огородных культур требовало постоянного проживания в одном месте, а это ограничивало возможности охоты, рыбо-

ловства и собирательства. Заготовка сена и сбор урожая совпадали по времени с осенним ловом рыбы, сбором ягод и ореха. Покидая в это время поселение, приходилось выкапывать картофель недозрелым, а скот оставлять без присмотра. Оставшиеся в поселке могли доить всех коров и брать удой себе. В изучаемый период ханты отдавали предпочтение традиционным занятиям, что не могло не сказаться на развитии земледелия и скотоводства.

Орудия труда и домашнее производство

Домашнее производство имело, за редким исключением, потребительский характер. Ханты сами изготовляли все необходимое в быту и хозяйстве: жилища, лодки, нарты, лыжи, одежду, обувь, орудия охоты и рыболовства, утварь. Профессионалов-ремесленников не было, но выделялись умельцы в изготовлении лодок, металлических изделий и т.д. Существовало разделение труда между мужчиной и женщиной. Мужчины занимались обработкой дерева, кости, металла, плетением арканов и сетей, изготовлением оленьей упряжи. Женщины выделывали шкуры, шили одежду и обувь, изготовляли берестяную утварь.

Универсальным орудием труда был нож, употребляемый при различных операциях по обработке дерева, шкур и кож, кости и рога. Повсеместно были распространены ножи (**кӧчəУ**) с прямой спинкой и односторонней заточкой лезвия. На Вахе встречались и двусторонние ножи, одна из сторон выковывалась круто-выпуклой, ею обстругивали дерево (Шатилов М.Б. 1931. С. 57). В изучаемый период бытовали ножи из металла, но еще сохранялось умение изготовлять их из кости или зуба медведя. У васюганских хантов ножи были длиной 23—25 см, ширина лезвия 3—4 см. Ваховские ножи были уже — 1,5—2 см, нередко их изготовляли из напильников. Таким ножом удобно ремонтировать нарты, лыжи и т.п. Рукоятку ножа (В **нӧл**) изготовляли из кости или березового нароста и иногда украшали жестяными накладками или обшивали кожей. Женские ножи украшали подвесками из бус. Ножи постоянно находились в ножнах (**сəтəв**) из кожи или бересты, вырезанных из одного куска дерева либо составленных из двух деревянных пластинок. Деревянные ножны украшали жестяными полосками или рядами забитых гвоздей с медными шляпками. На промысле нож постоянно висел на поясе охотника[8]. Для заготовки бересты и рубки зарослей при продвижении по лесу применялось охотничье

[8] У ваховских хантов сохранились воспоминания о подвешивании ножей на шею.

орудие — пальма. По устным сообщениям, васюганские ханты пользовались в старину ножами до полуметра, но определенных сведений об этом нет. Рыбу чистили маленьким ножом длиной до 12 см; его лезвие длиной 7 см и шириной 2,5 см сужалось от рукоятки. Такой же нож вкладывали в стружок.

Жизнь населения тайги и лесотундры немыслима без использования дерева, как древесины, так и других частей — коры, корней, прутьев, хвои. В быту васюганско-ваховских хантов эти материалы служили топливом, шли на изготовление всех типов жилищ, хозяйственных построек и средств передвижения, в значительной мере использовались в традиционных орудиях труда, ловушках и устройствах для добычи рыбы и зверя, при изготовлении посуды и другой утвари. Ханты умели раскалывать стволы на доски, знали технику долбления, распаривания, выгибания и другие приемы обработки дерева. Набор инструментов был весьма большим. Валили деревья с помощью топоров (Вю **jäjəм**; **läjə**) и пил (В **лант-пӧнк**). Железные топоры были покупными или самодельными, топорище же всегда изготовлялось на месте из березы, а при недостатке времени из толстого сука сухой ели. Охотничьи топоры имели рукоять длиной 60 см и лезвие длиной 12 см. Женские топоры для заготовки дров были больше и тяжелее; их характерные особенности — длинное, сравнительно тонкое топорище и односторонняя заточка лезвия рассчитаны на откалывание тонких поленьев. В случае необходимости топор делали из кости. При обработке дерева использовались двуручные пилы и маленькие пилки, по рассказам, пилки прежде делали из хребтовой кости рыб.

Характерно, что при работе с поваленными деревьями ханты пользовались приемами, с нашей точки зрения, затрудняющими разделку деревьев. Свалив дерево зимой, они распиливали его на короткие чурбаки здесь же, иногда увязая по грудь в снегу, хотя было бы рациональнее расчленить его на несколько длинных частей и доставить к жилому месту, на площадку без снега (как это делает местное русское население). Дерево не поднимали на возвышение, а пилили лежащим на земле, находясь при этом в неудобном согнутом положении, а чаще всего сидя на земле или на снегу. Двуручными пилами ханты работали в одиночку.

Удаление коры производилось топором, а раскалывание на доски — топором и клиньями разных размеров, которые вбивались обухом топора. Здесь требовалась особая осторожность, поэтому мастер не только зрительно следил за образовавшейся трещиной, но и постоянно прослушивал характерное потрескивание заготовки. С помощью топора,

клиньев и ножа изготовлялись тонкие планки (так называемый жильник), используемые в ловушках для рыбы, при устройстве кузовов нарт, сит для просеивания орехов и т.д. На Вахе их изготовляли из тальникового, а на Васюгане — из соснового дерева. Происходило это обычно в июле, до наступления ягодного и орешного сезонов. Прежде всего нужно было найти подходящее дерево — ровное, несуковатое, без крутых извилин на коре. Дерево разрубали на кряжи нужной длины, раскалывали пополам, затем на четыре, восемь и т.д. частей. Полученные секторы расчленяли при помощи ножа на пластины нужной толщины, их тщательно обстругивали, чтобы позднее не занозить руки. Искривленные планки клали на землю и выпрямляли, прижимая тяжелыми чурбаками, палками. Затем их переплетали расщепленным кедровым корнем, таловым лыком или веревками.

Многие виды изделий из дерева требовали применения стружков, тесел, резцов, проколок, сверл. Стружки для обработки дерева были трех типов. Два из них назывались **волтыв вəлтəв** и применялись для обстругивания и сглаживания крупных изделий — долбленок, досок, лыж, нарт. Стружок первого типа (табл. IV — 10) представлял собой деревянную изогнутую пластину, сужающиеся концы которой служили рукоятями. В середине пластины имелось отверстие, над которым вдоль прикреплялось узкое металлическое лезвие. Длина стружка 27 см, ширина 10 см, длина рукоятей 7 см, лезвие шириной 4 см. Деревянная основа стружка второго типа имеет форму буквы Т с опущенными вниз концами перекладины, они служат рукоятями (табл. IV — 11). На внутренней стороне стружка между рукоятями вырезано углубление и над ним укреплено узкое лезвие. Длина инструмента 25 см, ширина 6 см, длина рукоятей 7 см, ширина лезвия 1,5 см. Третий тип стружка наиболее прост, но и оригинален по устройству. Он применялся для обработки круглых поверхностей небольших предметов — стержней стрел, шомполов, хореев (табл. IV — 14). М.Б. Шатилов называет его **волтыв** и **сугар-тыв-юх,** У.Т. Сирелиус — **nal-vej-sogortev** (В); **sogortiuv** (Вю). На Васюгане были известны стружки такого рода, изготовленные из рога, но чаще их делали из тонкого ствола (диаметром 5 см) березы или осины с гнилой сердцевиной. Круглую заготовку (длиной 15 см) раскалывали надвое и удаляли из нее сердцевину. Получалась изогнутая в виде желобка пластина, в которой делали два-три прорезных отверстия, идущих поперек и наискось. В отверстие вкладывали лезвие так, что оно выступало внизу, им и производили скобление. Для первичной обра-

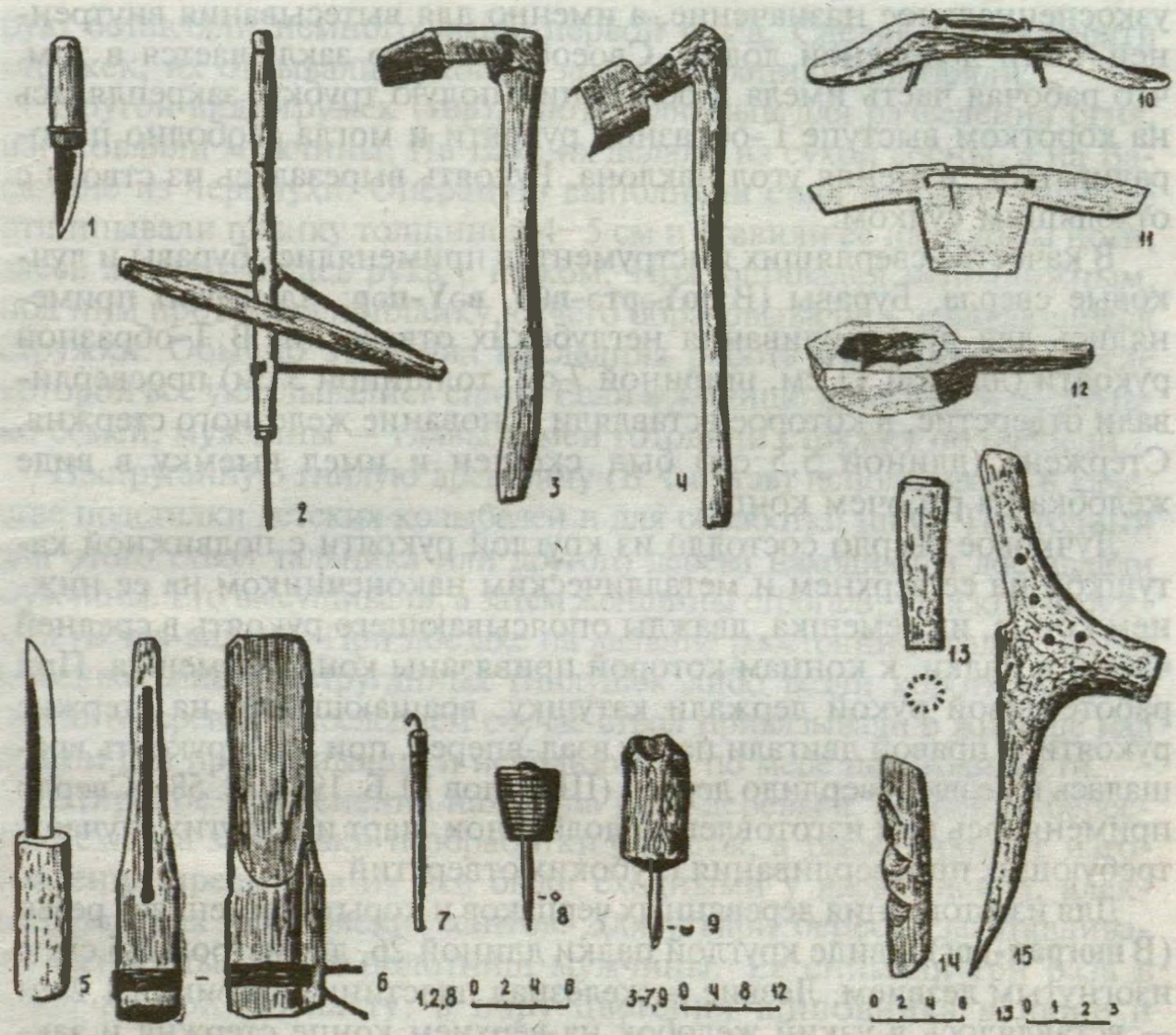


Табл. IV. Мужские орудия труда: *1* — нож для работы со стружком (р. Васюган); *2* — лучковое сверло; *3, 4* — тесла; *5, 6* — нож из напильника и ножны (р. Вах); *7* — резец для дерева (р. Вах); *8* — проколка (р. Васюган); *9* — бурав (р. Васюган); *10, 11, 14* — стружки; *12* — ложка для литья металла (р. Васюган); *13* — штамп для бересты (р. Васюган); *15* — рог для протягивания аркана (р. Вах)

ботки делали более глубокое отверстие, позволяющее выступать большей части лезвия, для более тщательной отделки лезвие вставляли в неглубокую прорезь.

Тесла были известны двух типов (табл. IV — 3, 4). Тесло первого типа (Ал **кыр**, В **кур**, букв.: желобок, бороздка) применялось для выдалбливания желобка при изготовлении долбленок, строительстве жилищ и в других случаях. Оно состояло из деревянной рукояти длиной 65 см, толщиной 4 см, с насаженным железным теслом длиной 13 см. Особенностью тесла являлись загнутые внутрь под прямым углом стенки. Второй тип тесла (**сугол, суҮәл**) имел

узкоспециальное назначение, а именно для вытесывания внутренней части долбленой лодки. Своеобразие его заключается в том, что рабочая часть имела в основании полую трубку, закреплялась на коротком выступе Г-образной рукояти и могла свободно поворачиваться, изменяя угол наклона. Рукоять вырезалась из ствола с отходящим сучком.

В качестве сверлящих инструментов применялись буравы и лучковые сверла. Буравы (В **joYəртə-пθр, вəY-пəр**; Ал **пθрθн**) применялись для просверливания неглубоких отверстий. В Т-образной рукояти (длиной 11 см, шириной 7 см, толщиной 3 см) просверливали отверстие, в которое вставляли основание железного стержня. Стержень (длиной 5,5 см) был скошен и имел выемку в виде желобка на рабочем конце.

Лучковое сверло состояло из круглой рукояти с подвижной катушкой на ее верхнем и металлическим наконечником на ее нижнем конце, из ремешка, дважды опоясывающего рукоять в средней части, и палки, к концам которой привязаны концы ремешка. При работе левой рукой держали катушку, вращающуюся на стержне рукояти, а правой двигали палку взад-вперед, при этом рукоять вращалась и лезвие сверлило дерево (Шатилов М.Б. 1931. С. 58). Сверло применялось при изготовлении долбленок, нарт и в других случаях, требующих просверливания глубоких отверстий.

Для изготовления деревянных черпаков и корыт применялся резец (В **нюгран-вог**) в виде круглой палки длиной 26, диаметром 2,5 см, с изогнутым лезвием. Лезвие — железная пластинка шириной 1,2 см — вставлялось в узкий желобок на верхнем конце стержня и закреплялось бечевкой.

Из древесины изготовляли стружку (В **чивəY, чивəк**), которая служила вместо полотенца и тряпок для прокладки бьющейся посуды, ее использовали в качестве туалетной бумаги, а женщины в период менструаций. Приготовлением стружки занимались женщины. Для этого брали ствол тонкой сырой березы, иногда рябины или черемухи, длиной около 1,5 м, снимали с него кору и гладко обстругивали стружком. Заготовку устанавливали наклонно, упирая одним концом в землю, а другой прижимая к дереву, стене дома и т.д. Нож для выполнения этой операции затачивали по-особому. Рукоятка его находилась в одной руке, а другой, защищенной мягкой тряпкой, держали спинку лезвия. Нож ставили поперек ствола и с сильным нажимом вели вниз, в результате снималась очень тонкая прозрачная стружка. Первую стружку не снимали до конца ствола, а оставляли висеть неотделенной, вто-

рую оставляли немного выше первой и т.д. Сделав около десяти стружек, их отрывали рукой, а затем операцию повторяли.

Другой вид стружек (**тор**), употребляемый для разведения огня, изготовляли мужчины. На Вахе их делали из сухой сосны, а на Васюгане из черемухи. Операцию выполняли сидя на полу. Вначале отщипывали планку толщиной 4—5 см и ставили ее на подъем ноги, здесь же находилась рука с ножом. Нож оставался неподвижным, под ним протягивали планку, отчего образовывались завивающиеся стружки. Обычно это была последняя работа в конце дня, после которой все укладывались спать. Если в жилище проживало несколько семей, мужчины — главы семей готовили стружку по очереди.

Наструганную гнилую древесину (В **чэв, тэв**) использовали в качестве подстилки детских колыбелей и для обработки шкур. Пригодный для этого ствол тальника или другого дерева находили и доставляли мужчины. Его высушивали, а затем женщины строгали женским стружком (В **чэв-вəлтəв**). При поездке на дальние расстояния брали с собой в мешке запас наструганных гнилушек либо везли короткий ствол гнилого дерева. В последнем случае ствол привязывали в жилище над очагом для просушивания и использовали по мере необходимости.

Широкое применение находила кора деревьев, особенно береста. Техника заготовки и обработки бересты, а также процесс изготовления предметов из нее были сходными у васюганских, александровских и ваховских хантов. Для утвари бересту заготавливали женщины, а для полотнищ мужчины. Ее снимали три раза в году: весной по насту, в пору цветения шиповника в июне и осенью, когда опадает лист. Выбирали березы, растущие в глубине леса среди высокого осинника, где они прямее и имеют от корня высокий и гладкий ствол. Вначале ножом делали вертикальный надрез, углубляясь до луба, затем — два горизонтальных надреза, определяющих высоту снимаемой части. Потом ножом слегка отделяли бересту от луба и отдирали руками, оттягивая ее в левую сторону (Дмитриев-Садовников. 1916 а. С. 9). После этого с бересты снимали верхний шероховатый слой, а ее дальнейшая обработка зависела от назначения. При изготовлении утвари, охотничьих манков, поплавков и т.п. бересту подвергали первичной обработке — удаляли белую пленку и разрезали на куски нужной формы. Для тисок — больших полотнищ, идущих на покрытие жилищ, лодок и для пологов — бересту проваривали. Этот процесс у хантов Ваха описан М.Б. Шатиловым (1934. С. 49) и вкратце сводился к следующему: свертки бересты ставили в котел и верхние концы покрывали мхом. По стенкам котла и поверх мха накладывали пих-

товую кору, котел наполняли водой и кипятили не менее дня. Обработанная береста получала гибкость и эластичность кожи, хорошо сшивалась волосяными нитками и не была столь хрупкой на морозе. Для большей эластичности и прочности ее проваривали на рыбьем жиру. При сшивании бересты пользовались проколкой из ребра молодого оленя или лося, позднее стало применяться обычное шило. Узоры наносили ножом или штампами из рога.

Кора тальника шла на заготовку лыка (В **sink, кысьве, син'т'**; Вю **tevur-sint**). В июле, когда дерево дает сок, кору снимали длинными полосами и очищали от верхнего слоя. Оставшийся луб годился в употребление без дальнейшей обработки. Хранили его свернутым в кольцо. Корой лиственницы или черемухи окрашивали оленьи кожи, холст, сети. Как отмечалось выше, кора пихты использовалась при обработке бересты. Из молодых побегов черемухи женщины готовили ленты (**кθсвə, косвə**), известные среди местного русского населения под названием сарга. Побег толщиной в палец и длиной 100—120 см размачивали и раскалывали ножом на несколько пластин. Затем их расщепляли на тонкие ленты следующим образом: ножом отделяли самый кончик ленты и немного ниже делали надлом на пластине. Пластину перегибали через колено, и лента отделялась от нее сама; дойдя до места надлома, делали следующий надлом, и операция повторялась. Хранили ленты свернутыми в кружок и перед употреблением размачивали. Изготовляли ленты и из кедровых корней. Их собирали летом по обрывистым подмывным берегам рек, долгое время размачивали в воде и расщепляли так же, как черемуховые прутья. Корни кедра очень извилисты, поэтому ленты пропускали через несложный инструмент — дощечку с возвышением в виде желобка на конце. Ленту протягивали через желобок, сильно нажимая на нее острием ножа позади желобка. Обработанные ленты связывали в кружок и перед употреблением размачивали. Из них мужчины плели рыболовные снасти, изготовляли коробки-корневатики, а женщины вили веревки.

Способ витья описан У.Т. Сирелиусом (1907. С. 50) и М.Б. Шатиловым (1931. С. 52). В землю втыкали колышек с расщеплением на конце; в нем зажимали начало веревки, предварительно свитое в руках из двух или нескольких лент лыка или кедрового корня. К готовой части прикладывали новые ленты и скручивали. Получаемую бечевку наматывали на веретено (В **vinkäle**; Вю **köriv**) в виде палочки с поперечными брусками на концах. Скрученные две или три бечевки свивали затем в веревку подобным же обра-

зом. Выполняли работу сидя на земле. Веревки из лыка (**сахал-синь-тонтох**) и кедрового корня особенно ценились на промысле рыбы ловушками и сетями. Другое приспособление для витья веревок на Вахе (Попов А.А. 1955. С. 48) представляло собой забитый в землю кол со сквозным отверстием наверху; через отверстие пропускали кривошип с гвоздеобразным утолщением на конце. Две бечевки привязывали к переднему концу кривошипа. Двое держали мотки с бечевкой, третий вращал кривошип, при этом бечевки скручивались в одну веревку. Работа производилась мужчинами, так как требовала большой физической силы. Веревки изготовлялись также с помощью колеса и наматывающей крестовины, этот способ, очевидно, заимствован у русских.

Из лыковых бечевок и камыша женщины плели циновки (В **нарва-пям**). Для этого в землю вбивали два кола с развилками наверху, куда клали жердь с поперечными нарезками-желобками. Через желобки перевешивали бечевки с грузом на концах. Вдоль жерди поперек бечевок клали пучок камыша, затем концы бечевок перекидывали в обратную сторону, отчего камыш переплетался с бечевками. Затем операция повторялась, пока не получалась циновка нужной длины. Оставшиеся свободными концы камыша переплетали друг с другом, создавая кромку циновки.

Одной из серьезных обязанностей женщин было приготовление травяных оберток для ног, их носили с камусной обувью. Для оберток использовалась особая лесная осока (Вю **вонт-пам**; В **песлих-пäм**), которая в отличие от обычной не резала рук. Урождалась такая осока не каждый год и встречалась редко — на топких местах в тайге. Ее нарезали осенью, в связках приносили домой и оставляли на ночь, чтобы погибли живущие в ней насекомые; затем расстилали для просушки в темном месте — на чердаке, в амбаре. Высохшую траву связывали в маленькие пучки и опускали в горячую воду для смягчения, после чего тщательно расчесывали специальным гребнем (**пäм-кунчив**). Гребень — две склеенные деревянные пластинки с металлическими иглами между ними — имел длину 10 см, ширину 4 см, длину зубьев 1,5 см. Приготовленная таким образом трава предохраняла ноги лучше всяких других видов оберток, а намокнув, оставалась теплой. Мягкость ее создавала удобство для ног при длительных переходах. Из пырея (В **кун-пäм**) делали стельки в зимнюю обувь. Васюганским и александровским хантам была известна обработка крапивы (Вю **kanza-polon**). Способ обработки крапивы в Нарымском крае подробно описан в литературе (Григоровский Н.П. 1882; Сирелиус У.Т. 1906), мы приводим лишь

основные моменты этого процесса. Осенью, когда крапива начинала высыхать, женщины ее срывали, вязали в пучки и подсушивали в подвешенном состоянии. Верхний слой, содержащий лубяные волокна, снимали с размоченных стеблей пластинкой из кости передней ноги лося (на Васюгане), деревянной пластиной или ножом (на Оби). Снятое волокно просушивали и хранили небольшими пучками. Позднее его разминали с помощью тех же орудий.

На Васюгане пряли, используя шест, укрепленный между полом и крышей или нарами и крышей. Женщина вставала на колени возле шеста с куделью, которую вытягивала левой рукой, а пальцами правой руки крутила веретено в воздухе. Когда навивалось много пряжи, мастерица снимала пряслице и надевала на другой стержень (Сирелиус У.Т. 1906. С. 26–27). Несколько по-иному пряли купленную куделю на Вахе. Ее держали в берестяной коробке и тянули оттуда через крючок на продольном брусе в юрте, накручивая на стержень веретена, которое вращали в воздухе двумя пальцами. Веретена (**јонәт, јонәт**) состояли из круглого деревянного стержня длиной 30–35 см с незначительным уголщением, на котором удерживалось пряслице диаметром 5–6 см, изготовленное из рога, кости, камня или дерева. Ссучивание напряденных нитей производи-

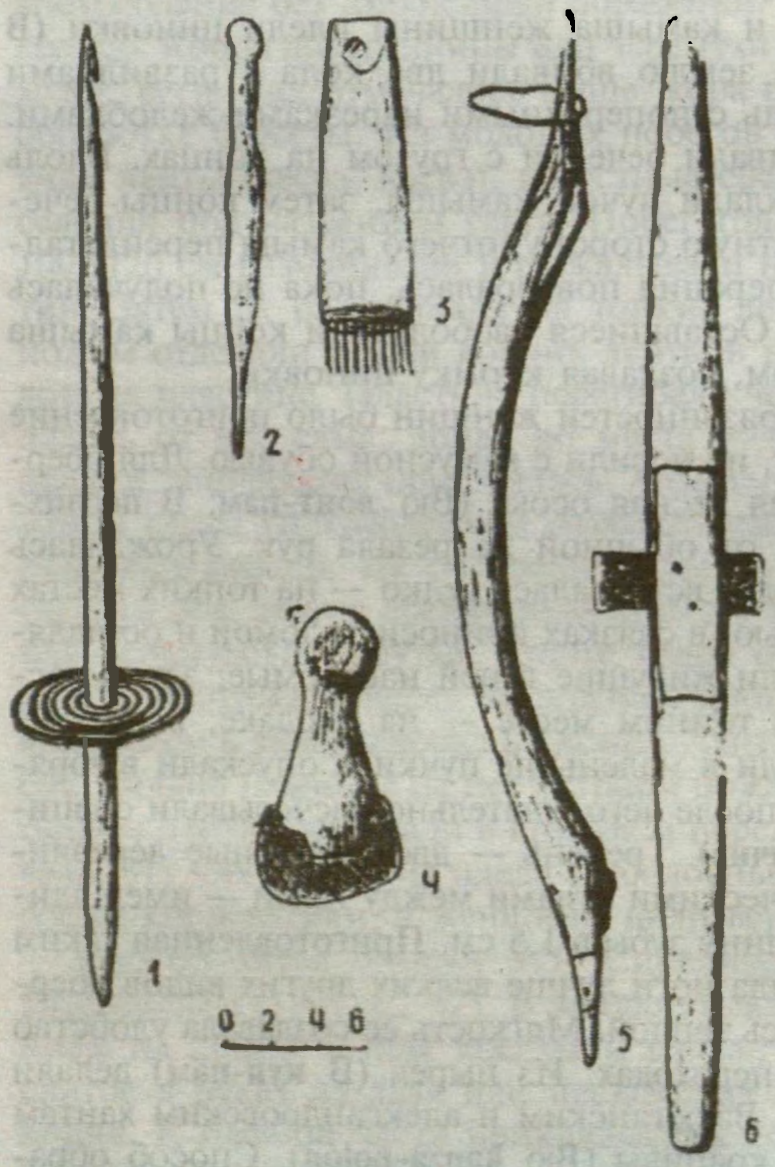


Табл. V. Женские орудия труда: *1* — веретено (р. Васюган); *2* — проколка из ребра оленя (р. Васюган); *3* — гребень для расчесывания травы; *4–8* — скобели для шкур

лось на более крупных веретенах, с длиной стержня до 40 см и диаметром пряслица до 10 см. Такие нити шли на вязание сетей, на Вахе для этой цели использовались также нити расщепленной мешковины. Сети плели мужчины с помощью «иглы» (**савас**) — деревянной пластинки длиной 25—30 см, шириной 2,5—3 см, с вырезами на обоих концах. Васюганские ханты называли иглу с язычком «мужчиной», а безъязыкую — «женщиной».

О ткачестве васюганско-ваховских хантов определенных сведений нет, имеются лишь устные сообщения о ткацких станках на Васюгане. Станок состоял из двух деревянных пластин: одна закреплялась неподвижно и имела отверстия для нитей основы, вторую пластинку с круглым отверстием для нитей поднимали при пропускании челнока.

Широкое применение в домашнем производстве находили продукты животного мира — кость (рог), сухожилия и шкуры. Кость обрабатывали мужчины, сухожилия и шкуры — женщины. Чаще всего использовали кость или рог оленей и лосей, но особенно ценились бивни мамонта, находимые в берегах рек. Кость и рог вываривали в воде, пока они не становились мягкими, затем ножом вырезали предмет нужной формы и наносили орнамент. Из кости изготовлялись пряслица, крепилки для сухожильных нитей и для кузова, детали оленьей упряжи (Вах) и охотничьих натрусок, в редких случаях и орудия труда.

Обработка шкурок пушных зверей была несложной. Их натягивали на распялку (Вю **pertän-jux**; **pöYtoy-pert**) соответствующей формы и размера и просушивали. Для размягчения шкурку намазывали составом из вываренных рыбьих внутренностей, а затем разминали руками, пока она не становилась мягкой и эластичной. Шкуры оленя просушивали на воздухе, особенно благоприятным был весенний воздух с ветром. Зимой шкуру расправляли и давали ей замерзнуть для сохранения формы. Такая просушка требовала длительного времени. На Вахе устраивали распялки из двух палок, укрепленных поперек длинной жерди. К верхней палке прикрепляли головную часть шкуры, к нижней — выступающие части нижних конечностей. Шкуру дополнительно распяливали перекрещивающимися планками, а жердь с укрепленной таким образом шкурой втыкали в землю.

Для дальнейшей обработки шкур использовались инструменты трех типов. Первый тип скобеля (Вю **мθрəв**) был известен только на Васюгане. Это универсальное орудие, которым можно выполнять обе необходимые при обработке шкур операции — снимать

Рис. 5. Просушка шкуры с головы оленя. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

мездру и разминать шкуру. Устройство скобеля очень примитивно. Прежде это был кусок оленьего рога, которому придавали форму слегка изогнутой лопатки.

Позднее он стал составным, с деревянной рукоятью длиной 13 см и металлическим лезвием шириной 8 см (табл. V — 4). Работать таким скобелем трудно, его держат одной рукой, и рука быстро утомляется. Два других типа инструментов имели каждый специальное назначение. Для удаления мездры пользовались скобелем (**ол**), состоящим из деревянной рукоятки и металлического лезвия (табл. V — 6). Рукоять — обструганная палка длиной до 50 см, сужающаяся к концам, с углублением в средней части. В углубление, поперек рукояти, вкладывалось и закреплялось лезвие с загнутыми в разные стороны концами длиной 6—7 см. При работе сверху на рукоять накладывали палку, равную ей по длине, брали скобель двумя руками и скоблили движениями от себя. При затуплении одного лезвия инструмент переворачивали и работали другим лезвием. Однолезвийные скобели такого типа встречались реже. Инструментом третьего типа (Вю **tenlexenta**, В **jθYтывjyY**) разминали шкуры (табл. V — 5). Он представлял собой изогнутую деревянную пластину с рукоятками, в вогнутой стороне пластины во всю ее длину укреплялось металлическое лезвие. Длина инструмента 55 см, ширина пластины 4 см, длина ручек 6 см.

Обработку шкур женщины производили сидя на полу. Для удаления мездры их клали на гладкий чурбан или перевернутое деревянное корытце. С помощью инструментов **мθрəв** или **ол** короткими энергичными движениями от себя снимали тонкие стружки мездры. Затем внутреннюю часть шкуры намазывали упомянутым составом, а на Васюгане и барсучьим салом. Шкуру складывали и

выдерживали шесть-десять часов, для ускорения просушки ее можно было протереть наструганной гнилушкой. Выравнивание и размягчение шкуры производилось частично руками, но больше инструментами **мθрəв** или **jθYтыв-jyY**, при этом ее расстилали на полу или на земле ворсом вниз. Если использовали **мθрəв** (Васюган), то становились коленями на шкуру, в правой руке держали **мθрəв**, а левой приподнимали край шкуры и энергичными движениями нажимали на него инструментом, расправляя все складки и неровности. Одновременно расправляли и вытягивали края шкуры, снимая руками или **мθрəв**'ом остатки мездры. Часть работы выполнялась руками, без инструмента. **JθYтыв-jyY** позволял выравнивать и разминать только основную часть шкуры, но вначале обрабатывали ее выступы. Их мяли руками и разглаживали ладонью движением от себя и пальцами — движением к себе. Основную часть шкуры обрабатывали по участкам. Женщина садилась на землю, вытянув вперед ноги, и клала участок шкуры себе на голени, прижимая остальную часть ступнями к стене. Инструмент был в правой руке, этой же рукой захватывалась складка шкуры у

Рис. 6. Обработка камусов. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

колен. Складку накладывали на инструмент и протягивали его по шкуре к себе. Размягчение производилось от середины к краям, как бы по радиусам. На выделку одной шкуры требовался день.

Лосиные шкуры ханты не выделывали из-за их твердости. Шкуры медведя выделывали в исключительных случаях, при этом обязательно отрезали нос, чтобы медведь «не учуял», кто обрабатывал его шкуру. Так же поступали и со шкурами волка. Из камусов оленя и лося шили в основном обувь, предварительно их обработав. При просушке камусы распяливали с помощью заостренных с обоих концов палочек, на концах камусов их располагали крестообразно, а в средней части параллельно друг другу. При выделке камусов особенно тщательно выделывали края, эту работу выполняли зубами. В остальном процесс обработки камусов был одинаковым с обработкой шкур. За день можно было выделать не более двух-трех камусов.

Для получения ровдуги на Васюгане шкуру оленя помещали на несколько дней в воду, чтобы удалить ворс. Иногда ворс срезали скобелем. Кожу размягчали обычным способом и окрашивали отваром из коры лиственницы. На Вахе шкуру сначала продымливали на костре, накинув ее на остов из прутьев, под которым разводили огонь из гнилушек. Затем удаляли мездру, смачивали шкуру водой, высушивали ее гнилушками и разминали, натирая «березовой губой», после чего снимали ворс скобелем (Шатилов М.Б. 1931. С. 160).

Из шкуры с удаленным ворсом изготовлялись ремни. Их вырезали во всю длину шкуры. У васюганских хантов бытовало два вида орудий для размягчения ремней. Один из них представлял собой доску длиной 60 см с тремя параллельными сквозными отверстиями в средней части, а другой — брусок, также со сквозными отверстиями в средней части, но сделанными в разных плоскостях, перпендикулярно друг к другу. Ремень намазывали рыбьим жиром и размягчали, протягивая вдоль него описанный выше инструмент (Сирелиус У.Т. 1906. С. 17–18). На Вахе зафиксировано плетение веревок из кожаных ремней. Для трехременной веревки их сматывали клубком, концы соединяли и закрепляли. Веревку плели, как косу, выполняя эту операцию на полу. Для получения аркана трехременную веревку оплетали еще четырьмя ремнями. При этом третий из расположенных рядом четырех ремешков пропускали позади двух соседних и, перекидывая его через крайний ремешок, клали между ними. Четвертый ремешок оставался свободным и несколько отдалялся от переплетения, в следующей операции его пропускали позади двух соседних и, перекидывая через крайний, клали между ними. Теперь оставался свободным другой ремешок, и операция

повторялась. Для выравнивания аркан протягивали через отверстия, просверленные в лосином роге, прибор этот назывался **ангэт**. В результате получался аркан, круглый в сечении. Плетение арканов и веревок из кожи было обязанностью мужчин.

Для шитья изделий из шкур, кож и бересты женщины изготовляли из сухожилий оленя или лося нитки (В **ланпэнэ**), о чем есть упоминания в литературе. Сухожилия брали из задних ног, а также со спинного хребта, где они были наиболее прочными. Очистив ножом от мяса, их высушивали в подвешенном состоянии, затем разбивали деревянным молотком, пока они не становились мягкими и не распадались на волокна. Пучок волокон отрывали и выравнивали. Его держали в левой руке и клали на бедро у колена, в правой руке был нож, под которым протягивали волокна. Затем их пропускали через рот для смачивания слюной и еще раз выравнивали описанным способом. Далее пучок волокон разделяли надвое, затем еще раз надвое и т.д., пока не получали нити нужной толщины. Они были слишком коротки и поэтому вначале их удлиняли. Для этого пальцем левой руки накладывали концы нитей один на другой, а указательным и большим пальцами правой руки скручивали движением на себя. Скрученную нитку держали во рту, прихватив ее за середину, пока готовилась вторая. Затем две нитки складывались рядом и скручивались в одну. Выполнялось это ладонью правой руки на бедре, движением от себя. Один конец нитки делали очень тонким, для вдевания в иглу, другой — небрежно, иногда здесь завязывался узелок, но это можно было сделать и непосредственно перед шитьем. Особенно прочными были нитки из конского волоса (В **варес-синь-тонтох**). Они шли на шитье бересты и изготовление петель для ловли куропаток. Для каждой нити брали три волоса из гривы или хвоста лошади и скручивали их с добавлением золы (Шатилов М.Б. 1931. С. 54).

В домашнем производстве находили применение также продукты рыболовства. Выше упоминался состав (Вю **сапа**; В **пθлθва**) для смягчения шкур. При его изготовлении внутренности рыб проквашивали и затем долго кипятили. Всплывающий жир вычерпывали, а оставшуюся массу долго проваривали на медленном огне до загустения. Из рыбьей чешуи, кожи и костей ханты Ваха варили клей (В **kul-ejem, эjэм**). Его варили долго, с добавлением небольшого количества воды. Получался клейкий состав, употребляемый для соединения деталей из дерева и бересты, для подклейки камусов к лыжам, им же пропитывали струны музыкальных инструментов и тетиву лука для придания упругости. Васюганские и александровские

ханты варили клей (Вю **ejem**) из рыбьей чешуи зимней щуки или язя и из стерляжьих пузырей (Вю **kore-ejem**). Пузыри закатывали в мокрую тряпку и мяли в течение получаса, затем от них отдирали внешний слой и соединяли вместе несколько пузырей. В таком виде их просушивали. Перед употреблением высушенные пузыри кипятили с добавлением воды. В легендах упоминается осетровый клей, который в случае необходимости употреблялся даже в пищу.

Кузнечное мастерство к концу XIX в. васюганско-ваховскими хантами было почти совершенно утрачено. Дольше всего оно сохранялось на Васюгане. По сведениям У.Т. Сирелиуса, здесь «из красного металла» умели изготовлять ножи, топоры, мотыги для льда, котлы (1907. С. 58). Современное население указывает места древних кузниц у с. Айполово, Салагичи, около озера Тух-эмтор, где находят орудия кузнечного производства. В 30-х годах XX в. на Васюгане еще встречались мастера-кузнецы. Определенных сведений о самом процессе нет, известен лишь ряд терминов, связанных с кузнечеством на Вахе: клещи — **пäYäлтəкöт**, молоток — **кäYи**, наковальня — **ылт** (Терешкин Н.И. 1961). Несомненно, хантам было известно и литье, но сведения об этом фрагментарны. На Васюгане пользовались деревянной разливательной ложкой.

Ханты умели добывать огонь без посредства спичек. Чаще всего это производилось с помощью кремня, огнива и трута из березовой губки, вываренной с порохом. На Васюгане тлеющий трут закладывали внутрь высушенных черемуховых стружек или сухой травы и взмахом руки воспламеняли их (Очерк Васьюганской тундры. 1859. С.243).

Виды домашнего производства и приемы народной техники васюганских, александровских и ваховских хантов в значительной степени определялись природными условиями и уровнем развития их хозяйства. Очевидно, этим объясняется большое сходство народной техники исследуемых нами хантов не только с другими группами хантов, но и с соседним неугроязычным населением. Так, заслуживает внимания сходство техники вырезания ремней у васюганско-ваховских хантов и саяно-алтайских народов. Их технические приемы обработки шкур обнаруживают, в свою очередь, аналогии с кетской и эвенкийской техникой, в то время как северные ханты имеют в этом отношении сходство с ненцами. Нельзя не отметить незначительное развитие прядения и ткачества у васюганско-ваховских хантов в конце XIX — начале XX вв., хотя ткани находили у них в этот период широкое применение.

Некоторые из охарактеризованных орудий труда были однотипны у целого ряда народов Сибири, а иногда встречались и за ее

пределами. К ним относятся стружки для обработки стрел, тесла, лучковое сверло, резец для изготовления черпаков, скобель, применяемый для обработки шкур, с лезвием во всю длину рукояти. Установление этнической принадлежности этих видов орудий труда, ввиду их весьма широкого распространения, вряд ли возможно. Отдельные орудия труда отражают специфику угорско-самодийско-кетского мира, например, двулезвийный скобель для обработки шкур. Приспособление для плетения циновок, известное у васюганско-ваховских хантов, обнаруживает связи в другом направлении — с народами Средней Азии и Поволжья. Следует также отметить, что в орудиях труда васюганских хантов вплоть до XX в. сохранились очень древние черты, очевидно, утраченные к этому времени другими хантами. Это универсальный скобель для обработки шкур, ножи и шилья из кости, веретена с каменными и костяными пряслицами. Приспособление для плетения кожаных веревок у ваховских хантов также отличается своей примитивностью.

Транспорт

Средством передвижения по воде служили лодки-долбленки (Вю **ај-ри**; Ал, В **рыт**)[9]. Местное русское население называло ее «обласок», «облас». Характерными признаками долбленки были: малая ширина по отношению к длине, выпуклое или выпукло-острое днище с острыми водорезами, остро выдающийся вперед нос, одинаковое устройство носа и кормы (за исключением деталей), низкие борта, наличие распорок для сохранения формы лодки. Гребли на долбленке одним веслом (Вю **ајме-јув**; В **лув**) с выгнутой лопастью ланцетовидной формы. Мужское весло изготовляли из кедрового или соснового кремля. Оно имело в длину 150 см, с длиной лопасти 70 см и шириной 15—20 см. Женское весло, изготовленное из березы, отличалось меньшими размерами, имело короткую сердцевидную лопасть, рукоятка его на конце украшалась продольными прорезями.

При общей конструкции и форме лодки васюганско-ваховских хантов не были совершенно похожими друг на друга. Долбленки на Васюгане и Вахе отличались от обских более острыми водорезами и низкими бортами с приподнятой кормой и носом. У обских нос и корма лодки почти не выдавались над бортами. Кроме того, обские долбленки были шире. Эти особенности объясняются различными

[9] Долбленые лодки хантов Ваха подробно описаны в литературе: Дмитриев-Садовников Гр. 1913; Шатилов М.Б. 1931. С. 72—75. В указанной работе М.Б. Шатилова имеются также сведения о других средствах передвижения хантов Ваха, они значительно дополнены нашими материалами.

Рис. 7. Изготовление долбленки. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

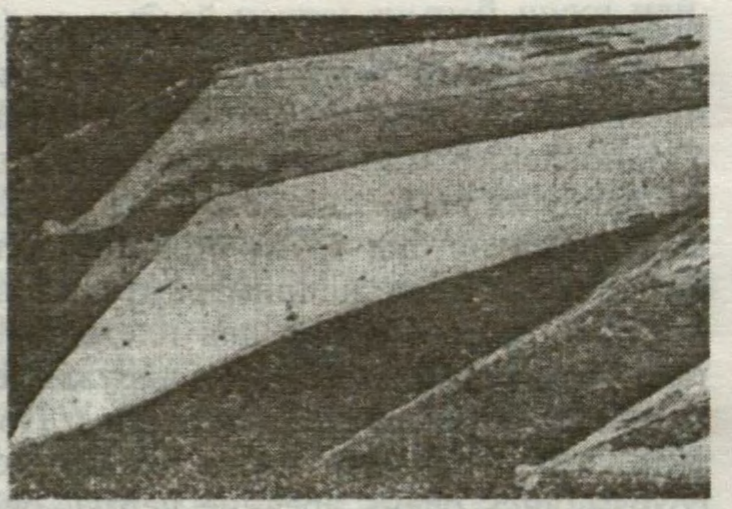


Рис.8. Долбленки на берегу. Фот. В.М. Кулемзина, р. Васюган

гидроусловиями Оби и ее притоков — Ваха и Васюгана. Но существовали, видимо, и иные факторы, определявшие различия в деталях долбленок. Васюганские ханты сообщают о том, что в недавнем прошлом у каждой из фамилий был особый «вид» долбленки.

Местные жители могли по виду долбленки определить, кем она изготовлена. Различия состояли в форме головки на корме и носу, в степени крутизны уклона носа и кормы. У васюганских и александровских хантов особенностью долбленок были своеобразные головки, которыми заканчиваются нос и корма.

Не ясно, были ли известны васюганско-ваховским хантам берестяные лодки. На Васюгане пожилые ханты сообщали нам, что в древности у их предков были берестянки. Ваховские же ханты считали своим традиционным судном долбленку и противопоставляли себя в этом отношении ненцам, имевшим берестянки. Согласно фольклорным данным, в древности васюганские ханты плавали на «корытах», но определенных сведений о данном средстве передвижения нет.

Во время поездок с семьями на места промысла или на ярмарку применялись большие дощатые лодки (Вю **кирив**). Иногда на них сооружали жердяной сводчатый каркас, покрытый берестяными полотнищами, такая лодка называлась Вю **кӑрəн-кирив**, В **кθран-кирив** — корьевая лодка. Покрытие делали и из досок. При продвижении пользовались веслами и шестами, ваховские ханты тянули лодку с помощью лямок. На шестах (Вю **шéста**, **кирив-jyY**) шли против течения, ими работали два человека с каждого борта. Люди, толкающие лодку шестами, передвигались по мостикам, установленным вдоль бортов. Шест втыкали в дно и шли по мосткам к корме, пока

лодка не проходила вперед, затем снова заходили в нос лодки и т.д. На корме, за рулем, обязательно сидел мужчина, толкали лодку мужчины и женщины. В низовьях Ваха ходили на парусах, представляющих простую холстину или потрепанный брезент (Шатилов М.Б. 1931. С. 75), парусная мачта называлась **ӑнкӓл-парвыс**.

При продвижении и доставке грузов по суше ханты делали значительные пешие переходы. Летом продвижение по суше затруднялось болотами, для перехода через них употреблялись шесты. Два из них клали параллельно на кочки, а на третий опирались. Дойдя до конца шестов, вначале клали на землю шест из руки, к нему один из лежавших, а третий опять служил опорой. Во время пеших переходов довольно значительный груз — до 70 кг — и детей несли в большом кузове из бересты или в сумке из шкуры лося. Лямки кузова соединяли на груди специальной крепилкой из дерева или рога. При переноске небольшого груза на плече использовали обычную палку. Зимой васюганцы и александровцы передвигались на лыжах, а груз и детей везли на ручной нарте, подпрягая иногда в помощь собак. Этот же способ был характерен для безоленных хозяйств Ваха. У оленных хантов Ваха роль пешего передвижения была меньшей, они имели возможность ездить и перевозить груз на большие расстояния на оленях.

В промысловой деятельности всех групп хантов большое значение имели лыжи. Зимой на охоту ходили на подшитых лыжах (подволоках), а весной по насту — на голицах, последние использовались также при заготовке дров и других домашних работах. Подволоки (Вю **тӓлӘY-нимӓл'**; Ал **нимӓл'**, **лимӓл'**; В **нимӓл'**) были нескольких типов, два из них — общие для всех групп. В качестве образца первого типа приводим описание подволок васюганских хантов (табл. VI — 1). Лыжи изготовлены из ели, обработаны не особенно тщательно, имеют острый носок и острозакругленный задник. Длина — 155 см, ширина (одинаковая во всех точках) — 22 см, толщина — 1 см, под ступней — 2 см. Носок загнут незначительно, основа лыжи не выгнута. Лыжи подклеены лосиными камусами (Вю **н'θY-ковӓл'**). К ступательной площадке прибито гвоздями черемуховое кольцо, на которое надевается защитный меток из белой ткани, укрепляемый под коленом с помощью вздержки. Крепление (В **вӓт**; Вю **нимӓл'-вӓт**), типичное для лыж васюганских и александровских хантов, состоит из двух ременных петель — одна для носка, другая для пятки. В ремне для носка продета тонкая ременная бечевка, ее концы пропускаются под петлей для пятки и завязываются на подъеме ноги. У александровских хантов

подволоки данного типа иногда имели выгиб, расположенный ближе к задней площадке. Кроме того, у них в качестве подшивки использовались шкуры жеребят и конские камусы. Ваховские подволоки данного типа имели иное крепление — трехпетельное.

Общеизвестным был и другой тип подволок: тонкие, широкие и короткие, с выгибом под ступней (табл. VI — 2). Ханты Васюгана изготовляли такие лыжи очень редко, большое распространение они имели на Вахе, особенно в его верховьях. Длина лыж — 155 см, ширина одинакова во всех точках — 35 см, толщина — 0,7 см, под ступней — 1,5 см. Носок приподнят, слабо закруглен, задник приподнят, округло заострен. На верхушке носка — отверстие, в нем закреплена бечевка для привязывания лыж к нартам. Лыжи имеют выгиб под ступательной площадкой. К ней гвоздями прибито черемуховое кольцо (Вю **нимэл'-кат**), имеющее углубленную бороздку на внешней стороне внизу. В эту бороздку входит нижнее основание защитного мешка. Встречались лыжи такого типа и без мешка. Васюганские ханты считали этот тип подволок «тунгусским».

Интересный экземпляр подшитых лыж (третий тип) был встречен нами в бывших юртах Озерных на р. Васюгане (табл. VI — 3). Данные лыжи имеют иную форму: сужаются к носку и заднику, носок заострен и вытянут, на боковых кромках задника имеются выемки, что создает так называемый фигурный задник. На ступательной площадке прибита дощечка толщиной 1 см, к ней прикрепляется защитный мешок. Приподнятая ступательная площадка была характерна для лыж васюганцев, а фигурную форму они считали заимствованием от васюганских хантов.

Четвертый тип лыж (табл. VI — 4) был известен только ваховским хантам. Длина лыж — 170 см, ширина у носка — 27 см, под креплением — 26 см, у задника — 23 см. Округлый носок приподнят, на вершине его отверстие, которое служило для привязывания подволок к оленным нартам при переездах. Задник имеет удлиненную и заостренную форму. Толщина лыж — 0,4 см, под ступней — 1 см. Имеется подшивка, прежде довольно распространенная, но к настоящему времени вышедшая из употребления — из шкур выдры. Лыжи не имеют выгиба[10], но на Вахе нам приходилось встречать лыжи такого типа с выгибом под ступней. Женские лыжи (специального названия нет) отличались от мужских меньшими размерами, обрабатывались не столь тщательно и часто не имели выгиба. У женщин-охотниц подволоки отличались от мужских лишь меньшими размерами.

[10] ТГМЗ, колл. № 500. При неправильном хранении лыжи иногда утрачивают выгиб.

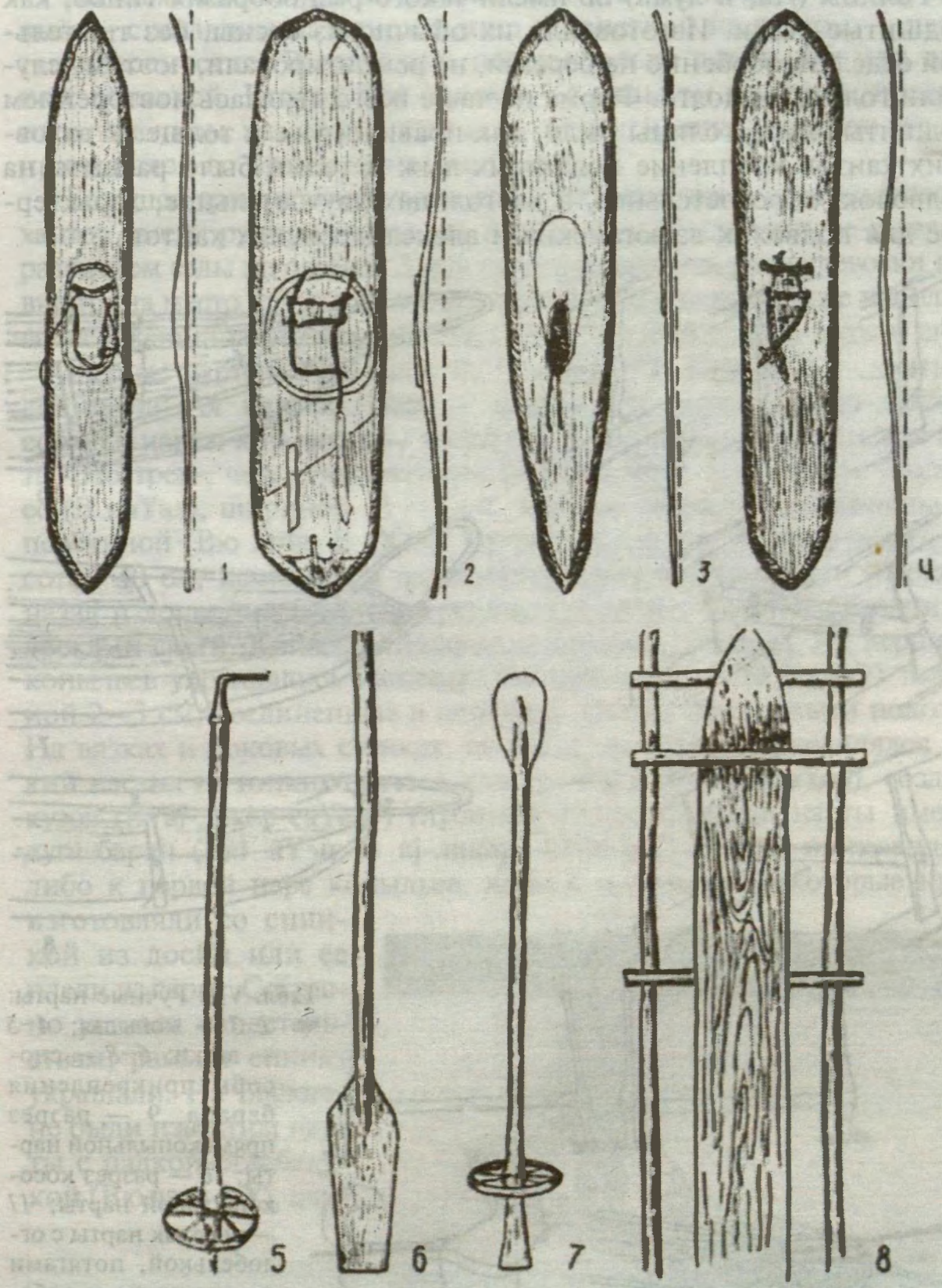


Табл. VI. Лыжи и посохи: *1, 6, 7* — с р. Васюгана; *2—5* — с р. Ваха; *8* — лыжа в станке для изгибания носка (р. Васюган)

Голицы (Ал, В **лумп**) не имели такого разнообразия типов, как подшитые лыжи. Изготовляли их обычно из сосны, без тщательной отделки, особенно не берегли, не ремонтировали, поэтому служили голицы недолго. Форма их чаще всего являлась повторением подшитых лыж, голицы были, как правило, уже и толще. У ваховских хантов крепление подшитых лыж и голиц было разным: на подволоках трехпетельное, а на голицах двухпетельное, характерное для подволок васюганских и александровских хантов.

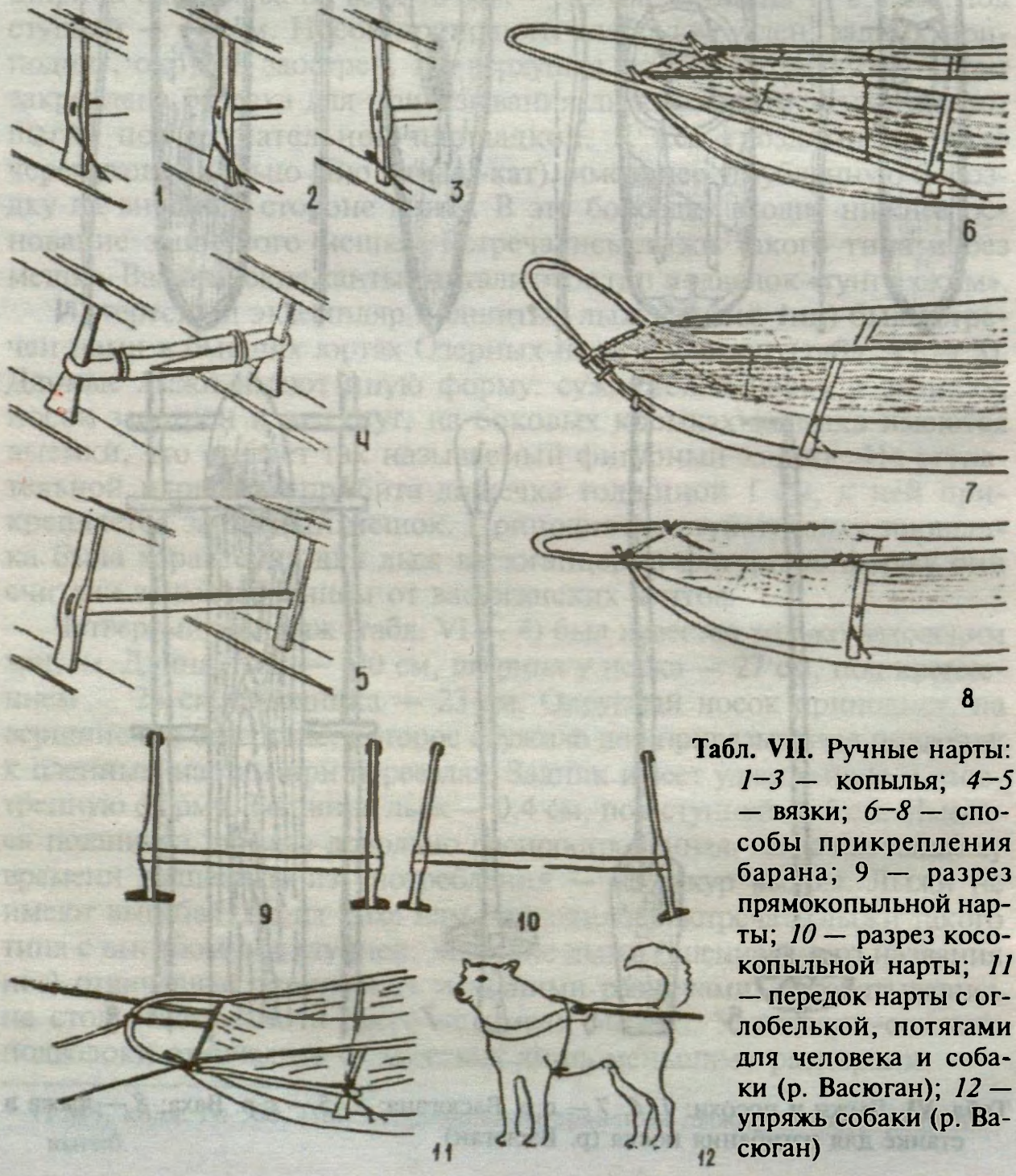


Табл. VII. Ручные нарты: *1–3* — копылья; *4–5* — вязки; *6–8* — способы прикрепления барана; 9 — разрез прямокопыльной нарты; *10* — разрез косокопыльной нарты; *11* — передок нарты с оглоблькой, потягами для человека и собаки (р. Васюган); *12* — упряжь собаки (р. Васюган)

Лыжные посохи (В **кочән-соY, соY-jyY**) были двух типов. Первый — с кольцом на одном конце и лопаткой на другом — известен повсеместно. Встречались посохи только с кольцом или только с лопаткой. Второй тип посоха — с кольцом на одном и железным крючком на другом конце — отмечен лишь на Вахе, где он применялся во время охоты на белку.

Большое транспортное значение у васюганских и александровских хантов имели ручные нарты, на Вахе роль их была меньше в связи с развитием езды на оленях. Здесь они применялись для перевозки провианта на место промысла в безоленных хозяйствах, а также использовались женщинами для домашних нужд: подвозки дров, воды и снега.

Ручные нарты назывались по-разному: Вю **канк-икәр** — хантыйская нарта; Ал **кантәк-ләкар** — хантыйская нарта; В **ämп-ликәр** — собачья нарта, **кöт-ликәр** — ручная нарта, **aj-ликәр** — маленькая нарта. Это трех-, четырехкопыльная нарта длиной 200—220 см. Полозья ее (В **пәYәл**), шириной 11—12 см, загнуты спереди и соединены поперечиной (Вю **эгән**, В **äYән**). Прямые копылья (В **ликәр-кöра**), высотой 40 см, поставлены перпендикулярно полозьям или наклонно назад и дополнительно прикреплены к полозу переплетенными полосками сарги. Копылья попарно соединены вязками. На вершинах копыльев укреплялись нащепы (Вю **ваYәл-jyY**; В **ваYәл-jyY**) толщиной 2—3 см, соединенные в передней части с верхушками полозьев. На вязках и боковых стенках, от вязок до нащепов укреплялся редкий настил из тонких прутьев или дранок (Вю **пыгә-саYәл**), создавая кузов (В **aj-ликәр-саYәлт**) глубиной 20 см. Спереди нарты имелась дуга-баран (Вю **äYэн**; В **aj-ликәрт-äYән-jyY**). Баран прикреплялся либо к первой паре копыльев, либо к полозьям. Некоторые нарты изготовляли со спинкой из доски или ее плели из сарги. Согласно устным свидетельствам, раньше спинку украшали. На Васюгане были известны нарты с палкой-оглобелькой (Вю **нээн-jyY**), дли-

Рис. 9. Охотник с ручной нартой. Фот. В.М. Кулемзина, р. Васюган

ной до 250 см, которая с помощью ремешков присоединялась к переднему копылу ниже вязки. Прямых свидетельств о делении охотничьих нарт на мужские и женские нет.

Этот общий для васюганских, александровских и ваховских хантов тип ручной охотничьей нарты имел сходство таких конструктивных признаков, как размеры, форма, основные детали нарты, размеры и способы соединения этих деталей, а также близость терминологии. На Вахе выделяется вариант ручной нарты, отличавшийся по ряду признаков от основного типа нарт. Копылья его повторяет форму копыльев оленных нарт, кузов приподнят выше, поперечный разрез имеет форму трапеции, что сближает этот вариант нарт с оленьими.

Повсеместно, хотя и не в равной мере, было распространено тягловое собаководство с использованием ручной нарты. Обычно охотник шел на место промысла на подволоках и тянул за собой нарту с провиантом. У васюганских хантов веревка-потяг для человека (Вю **ваппӱУәл**; В **пӱУәл**, **ваппуУәл**), длиной 150 см, прикреплялась к барану двумя свободными витками, конец ее привязывался к середине передней вязки нарты. На Васюгане лямку-петлю надевали через одно плечо или так же, как на Вахе, — поперек груди в верхней ее части. В помощь человеку подпрягались собаки. Во время передвижения охотник одной рукой держал палку-оглобельку, а другой рукой придерживал потяг для собак (Вю **ам-сиУә**; В **ӓмп-сиУә**). Он был длиной до 300 см и прикреплялся к нарте справа или слева, в месте соединения полозьев поперечиной. Лямка-петля для собаки (В **ӓмп-сиУә-ӧУол**) состояла из двух петель: одна надевалась собаке на шею, другая обхватывала туловище в области лопаток, соединяясь на животе собаки. Нарту помогали тянуть одна или несколько собак. У васюганских хантов была известна продольная упряжка «елочкой». При таком типе упряжки потяг прикрепляли к барану нарты, а собаки располагались гуськом. У александровских и ваховских хантов упряжка была также продольной (парный вариант). Собак запрягали попарно, а ближняя к нарте собака тянула без пары.

В отличие от васюганских и александровских ханты Ваха использовали олений транспорт. Здесь было известно лишь нартенное передвижение на оленях зимой, упряжка была парной[11]. Передовой олень (**пӓк-онтәм-вэли** — возжечный, послушный)[12], шел слева, немного впереди. Пристяжной олень (**кочәнтәУ-вэли** — при-

[11] Изредка при недостатке оленей запрягали одного.

[12] Вся хантыйская терминология, связанная с оленьим транспортом, относится к ваховским хантам.

вязанный) присоединялся к поясу передового с помощью цепочки, прикрепленной к его уздечке у левого рога.

Упряжь (**н'ур, вэли-н'ур**) различалась у грузовой и ездовой упряжек. В ездовой упряжке пояс передового оленя (**сэ́ла**), длиной 120, шириной 15 см, отличался от пояса пристяжного бо́льшим количеством деталей. На поясе, на правом боку передового оленя, была прикреплена цепочка недоуздка пристяжного оленя (**вэ́Y-сыYэ́л'**). Лямка (**сθYы**), длиной 150, шириной 5 см, имела подгрудный ремешок. Тяж (**вэли-сэ́Yэ́л**) был один на два оленя. Он начинался там, где лямка соединялась с поясом, и проходил под животом между задними ногами оленя. С нартой его соединяли с помощью двух блоков (**jуY-пул'**, **лиYрэ́н-jуY**), прикрепленных к нащепам нарт ремешками. Недоузок передового оленя (**пэ́к-почончоY**) состоял из двух изогнутых роговых пластин. На затылке за рогами и под подбородком пластины соединялись ремешками. Вожжа прикреплялась с левой стороны недоуздка у рога. Для поддержания ее на поясе передового оленя, на левом боку, имелся крючок из рога или металла. У пристяжного оленя недоуздок (**почончоY**) состоял из четырех пластин: двух изогнутых налобных и двух нащечных. К левой нащечной пластинке присоединялась цепочка, ведущая к передовому оленю. Своеобразным украшением недоуздков ездовой упряжки являлась бахрома (**пэ́к-рут**) из плетеных кожаных бечевок.

Недоуздок оленей в грузовой упряжке состоял из двух деревянных нащечных пластин. У них был длинный повод, которым олень присоединялся к нарте, идущей впереди. Подобные недоуздки применялись и

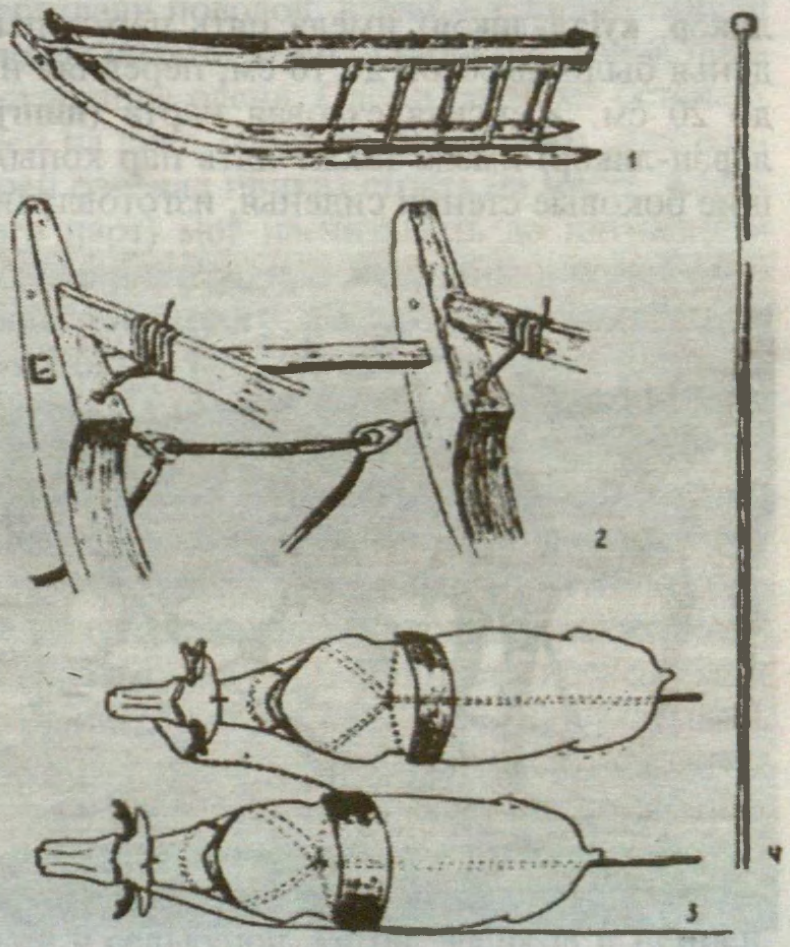


Табл. VIII. Олений транспорт: *1* — мужская ездовая нарта; *2* — передок нарты; *3* — схема ездовой упряжки; *4* — хорей

для оленей, не запряженных в нарты, но идущих в обозе на привязи. Упряжь оленя в грузовой упряжке отличалась отсутствием пояса и соответственно вожжи. Для управления оленями применяли хорей (**вӓлӘY**). Он представлял собой длинный тонкий сосновый шест до 5 м длиной, с шишечкой на конце.

Общая конструкция оленьих нарт (**вэли-ликӘр**) была едина. Копылья (**ликӘр-кθра**) поставлены наклонно внутрь и назад преимущественно в задней половине нарты. Полозья (**ликӘр-пӘYӘл**) толстые, круто загнутые впереди, верхушки их соединены между собой поперечиной (**сӘYӘл**; **ликӘр-нор-jуY**). Нащепы (**ликӘр-ваYӘл-jуY**) составляют одновременно и боковые стенки сиденья, а закрепляются в верхушках полозьев. Передний борт (**син-пэрт**) и задний (**ликӘр-пучы-пэрт**), а также настил (**ликӘр-пэрт**) изготовляли из досок. Баран (**минӘн-jуY**, **ликӘр-ӓYӘн**) был обязателен только у нарт неопытных ездоков либо у грузовых. Крепление всех деталей нарт было пазовое, привязывали лишь баран.

Ездовые нарты отличались от грузовых легкостью и тщательностью отделки, большим количеством копыльев и большим углом наклона их. Различалось и устройство сиденья. Мужская ездовая нарта (**kуjаY-ликӘр**, **куjал-ликӘр**) имела пять пар копыльев, боковые стенки сиденья были высотой до 10 см, передняя и задняя стенки — высотой до 20 см. Женская ездовая нарта (**нингjаY-ликӘр**, **нинг-jал-ликӘр**, **лорӘн-ликӘр**) имела также пять пар копыльев. Нащепы, составляющие боковые стенки сиденья, изготовляли из специально подобран-

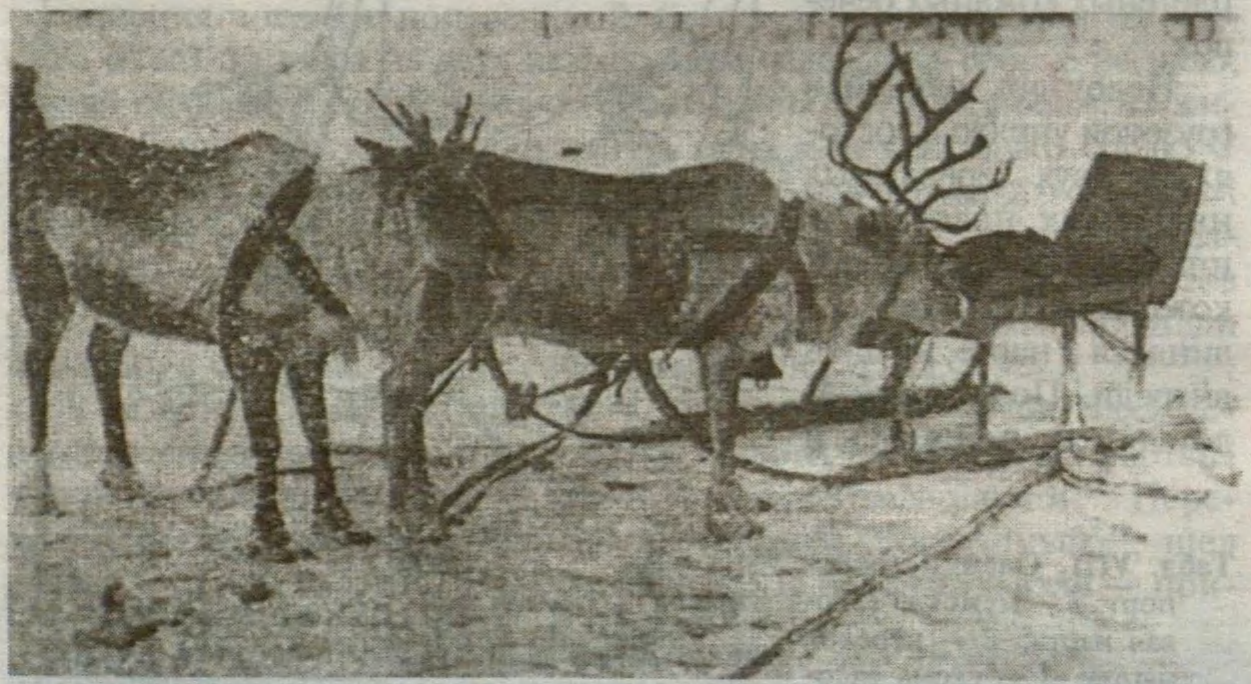


Рис. 10. Оленья упряжка с женской нартой. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

ных корней березы. Их естественный изгиб создавал в задней части нарты опору для спинки (**ликӓр-лор**). Спинка делалась из досок высотой до 50 см. При поездках у спинки усаживали детей, закутанных в одеяло, и привязывали к ней веревками. На ездовой нарте обязательно была подстилка из оленьей шкуры (**нырва**).

Грузовые нарты имели три пары копыльев. Первый вариант нарты имел одинаковые по высоте стенки — от 8 до 10 см.

Второй вариант грузовой нарты (**пэрт-ликӓр**) отличался наличием ящика с крышкой (**пэрт-ликӓр-лоУ**), установленного на вязках копыльев. Эта нарта применялась зимой при переездах, а также в течение всего года для хранения продуктов и зимней одежды.

Сидели на нарте слева, в передней ее части. Мужчина подгибал правую ногу под себя, левая находилась на полозе. Женщины ставили на полоз обе ноги, а иногда только левую, правая при этом свободно свисала с нарты. Поводок держали в правой руке, хорей — в левой. Управление производилось определенными движениями ездока, поводком и хореем. При посадке на нарту слегка толкали хореем передового оленя, и упряжка трогалась. Для ускорения движения оленя подгоняли, иногда толкая хореем в круп, сбоку от хвоста. Для поворота вправо часто подергивали поводок, влево — с силой тянули на себя. Для остановки поводок сильно дергали один раз, ездок привставал и убирал хорей от туловища оленя. Олени сразу же останавливались, ездок бросал хорей на снег, сбоку от передового. Для оленей лежавший на земле хорей означал приказ стоять на месте. Караван нарт (**ӓр-ликӓр** — много нарт) мог насчитывать до пятнадцати упряжек. Мужчины обычно ехали впереди, а женщины в конце обоза. Но этот порядок соблюдался не строго, а в случае необходимости женщины вообще могли ехать одни. При дальних переездах нагрузка на одну нарту достигала 150 кг. На ездовой нарте обычно ехал один человек, но можно было ехать и двум.

Средства передвижения васюганских, александровских и ваховских хантов дают наиболее наглядное представление об отношениях данных групп между собой и позволяют выявить иноэтнические пласты. Наличие однотипной нарты и долбленой лодки, а также большое сходство в типах лыж свидетельствует об общности исследуемых групп. Широкое распространение лыж без выгиба может указывать на связи васюганско-ваховских хантов с саяно-алтайским кругом народов. В лыжах хантов Ваха прослеживается влияние селькупов, кетов и эвенков. Наличие оленьего транспорта у хантов Ваха отличает их от васюганцев и александровцев. Упряжное оленеводство ваховцев имеет много аналогий у селькупов, кетов, эвенков и ненцев.

Поселения и жилище[13]

Типы поселения исследуемых хантов определялись комплексным рыболовецко-охотничьим, а на Вахе частично и оленеводческим видами хозяйственной деятельности. Нередко ханты имели по три-четыре поселения, в зависимости от времен года, — зимние, весенние, летние и осенние. Зимой поселялись в борах на возвышенных незаливаемых местах, в некотором отдалении от основного русла реки, у ее небольшого притока или рукава. Весеннее поселение стремились устроить там, где поблизости произрастает тополь или осина, необходимые для изготовления долбленок. Летние поселения располагали на песках, ближе к реке, на чистых продуваемых местах, где меньше гнуса. Иногда селились летом против зимних юрт, на противоположном берегу реки. Осенью ханты переселялись в тальники, защищавшие жилище от ветра. Оленные ханты Ваха учитывали при выборе места поселения наличие вблизи ягеля для прокорма оленей.

Нередко рыболовные и охотничьи угодья находились далеко от постоянного жилья. В этом случае на местах промысла имелись охотничьи избушки или устанавливались временные жилища. У оленных хантов Ваха наряду с постоянными зимними поселениями, расположенными, как правило, поблизости от зимних запоров, существовали и временные — в местах охоты на пушного зверя. Поселения были расположены на значительном расстоянии друг от друга, иногда до 100 и более километров. Это обусловливалось потребностями рыболовецко-охотничьего хозяйства, особенно на территории Васюганско-Ваховского Приобья с его малочисленными борами, удобными для охоты. Характерная особенность поселений — их малонаселенность, они состояли обычно из двух-трех хозяйств. Планировка отсутствовала, фасады домов могли быть обращены в любую сторону. В поселениях, расположенных у воды, дома были вытянуты в линию вдоль реки, фасадами и входами смотрели на реку. Между жилищами располагались амбары, сооружения для просушки сетей и приготовления рыбы, печи для хлеба. В поселениях васюганских хантов на улице устанавливали большой котел с горячей водой для общего пользования. Рядом с жилищами находились дрова, сложенные в конические кучи. У хантов Ваха на краю летнего поселения нередко находилась оленья изба. Временные поселе-

---

[13] Описание жилищ дано в основном по опубликованным материалам (Sirelius U.T. 1906 а—1911; Шатилов М.Б. 1931; Соколова З.П. 1957 б, 1960, 1963, классификация типов заимствована у З.П. Соколовой).

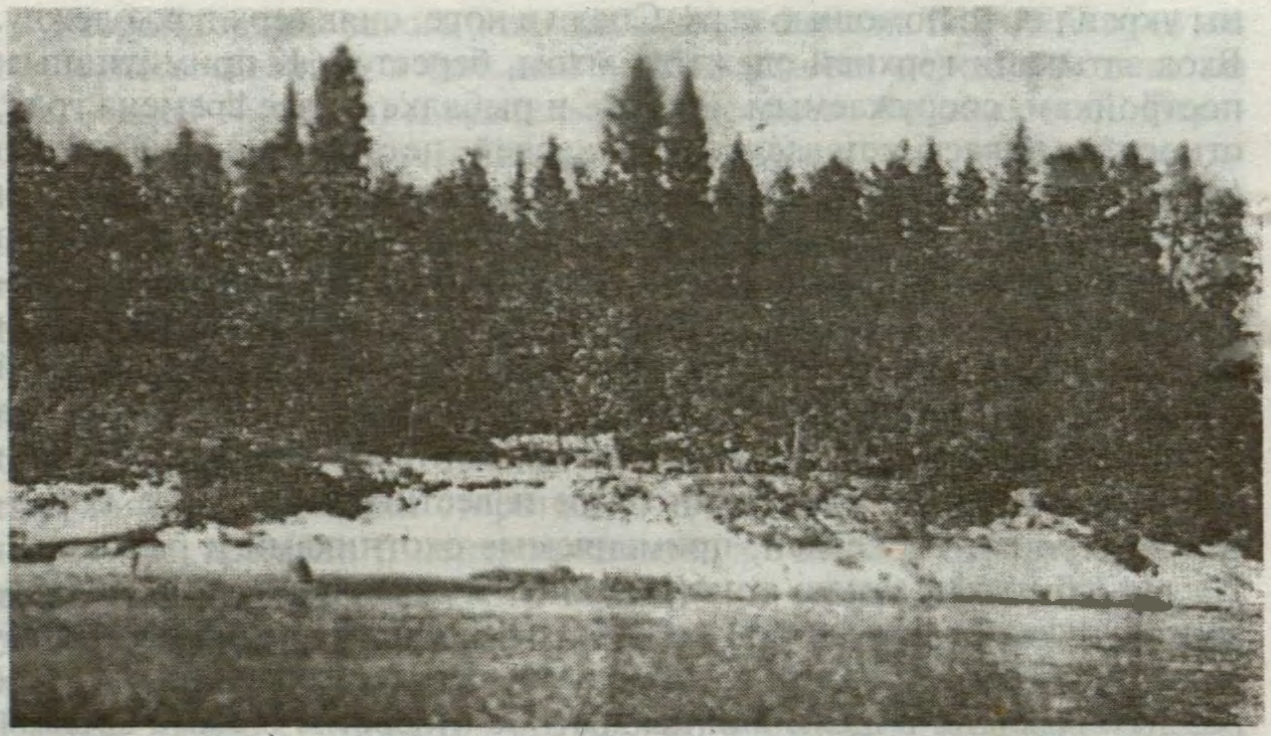


Рис. 11. Летнее поселение на берегу р. Ваха. Фот. Н.В. Лукиной

ния назывались на Вахе **вəлəвсə** — стоянка, временное поселение, **эла-вəлтə-вəлвəс'**, а на Васюгане — **суркал**[14]. Постоянные поселения назывались одинаково у всех групп — **пуYəл**. Этот термин употреблялся для обозначения поселения любого размера, начиная от одного жилища и кончая поселениями «ста дымов». Каждое поселение имело название по имени основавшего его человека или по характерному признаку местности.

Все постройки можно разделить на две большие группы: каркасные и срубные сооружения. Среди каркасных построек выделяются две группы: наземные легкие корьевые сооружения различных форм и капитальные шатровые постройки, углубленные в землю или наземные. Срубные сооружения разделяются на углубленные в землю и наземные. Жилища васюганско-ваховских хантов отличались большим разнообразием, при этом некоторые из них были комбинацией двух более простых типов.

Повсеместно было известно сооружение в снегу (Вю **соYəм**). Снег сгребали в большую кучу и внутри вырывали нору. В ней разводили небольшой костер из бересты, отчего стены подтаивали и затем снова подмерзали. Дно выстилали хвойными ветками, сте-

[14] Компонент **«сур»** означает пастбище, место отдыха оленей и лосей. В названии священных мест также имеется **сур**, например, **ват'ов-јунк-сур** — город-дух-стоянка.

ны укрепляли с помощью лыж. Спали в норе, сняв верхнюю одежду. Вход затыкали верхней одеждой, мхом, берестой. К примитивным постройкам, сооружаемым на охоте и рыбалке во все времена года, относятся навесы или заслоны из жердей, поставленных наклонно и покрытых берестой. В зимнее время на площадке под навесом удаляли снег и настилали хвойные ветки. Ветки настилали и на снег, предварительно утоптав его. Двускатная постройка с дымовой щелью на месте конька зафиксирована на Вахе. Она как бы составлена из двух ветровых заслонов, не сомкнутых в верхней части. Костер разводили в центре, дым выходил через щель на месте конька крыши. Такие шалаши характерны для охотников и рыболовов. У всех трех групп были известны двускатные корьевые постройки из жердей, применяемые охотниками и рыбаками. На два вбитых в землю тонких столба с развилками клали горизонтальную жердь и с обеих сторон приставляли наклонные жерди, крытые берестяными полотнищами. Костер разводили в центре, дым выходил в щели или квадратное отверстие в скате крыши.

Первый вариант четырехугольных берестяных построек с односкатной крышей (Вю **tunttox-kat**; Вю, Ал **тунтыY-ка**, **тонтоY-ка**; В **тонтоY-кат** — берестяное жилище) был характерен в целом для васюганско-ваховских хантов. Он имел остов из двух пар столбов с развилками и пары горизонтальных жердей-перекладин на них. Высота передней стены — от 1 до 1,5 м, задней — от 0,5 до 1 м. Задняя стена зарешечивалась тонкими черемуховыми жердями, воткнутыми в землю. Их скрепляли с задней перекладиной (в васюганском варианте перекладина могла отсутствовать) и надламывали так, что создавался остов односкатной крыши. На Васюгане задняя стена иногда устраивалась из ивовых прутьев, уложенных между двумя рядами вертикальных столбов. Полотнища бересты укладывались поверх остова в поперечном направлении. Боковые стены создавались за счет свисающих концов полотнищ, заделывались они очень небрежно. Сверху бересту покрывали такими же жердями, расположенными параллельно жердям остова. Передняя стена оставалась открытой, костер разводили перед жилищем. Такие постройки были и с навесами. Перед открытой стороной жилища ставили два столба с развилками, расстояние между ними было равно ширине передней стены. На развилки клали перекладину и зарешечивали навес жердями в поперечном направлении. Навес покрывали также берестой. Под навесом находился очаг, нередко здесь же устанавливали помост на стойках для копчения рыбы.

Второй вариант такого жилища был известен на Вахе. Его отличие от первого состояло в большей высоте (высота передней стены до 2 м, задней — до 1 м) и тщательном устройстве боковых стен. Переднюю стену забирали вертикальными жердями и закрывали берестяными полотнищами. Прикрытием для передней стены служили иногда два щита, установленные по обеим ее сторонам. Щиты устраивались из двух рядов вертикально поставленных жердей, между которыми прокладывалось полотнище бересты.

Четырехугольное жилище с двускатной крышей и дымовой щелью на месте конька ваховских хантов по форме является как бы составленным из двух, стоящих рядом и обращенных друг к другу передними открытыми сторонами четырехугольных построек с односкатной крышей. В центре разводился очаг-костер, дым выходил в щель между несомкнутыми вершинами скатов крыши. Четырехугольное жилище с двускатной крышей (Вю **tunttox-kat**; В **тонтоУ-кат, эсмән-кат**) было характерно в целом для исследуемых хантов. Каркас такого сооружения состоял из трех-пяти пар вертикальных столбов, врытых в землю на расстоянии 70—80 см друг от друга. Высота наибольшей пары (средней) 150—200 см. Сверху к столбам прикреплялись горизонтальные жерди. Все стены зарешечивались жердями, врытыми в землю и скрепленными наверху с горизон-

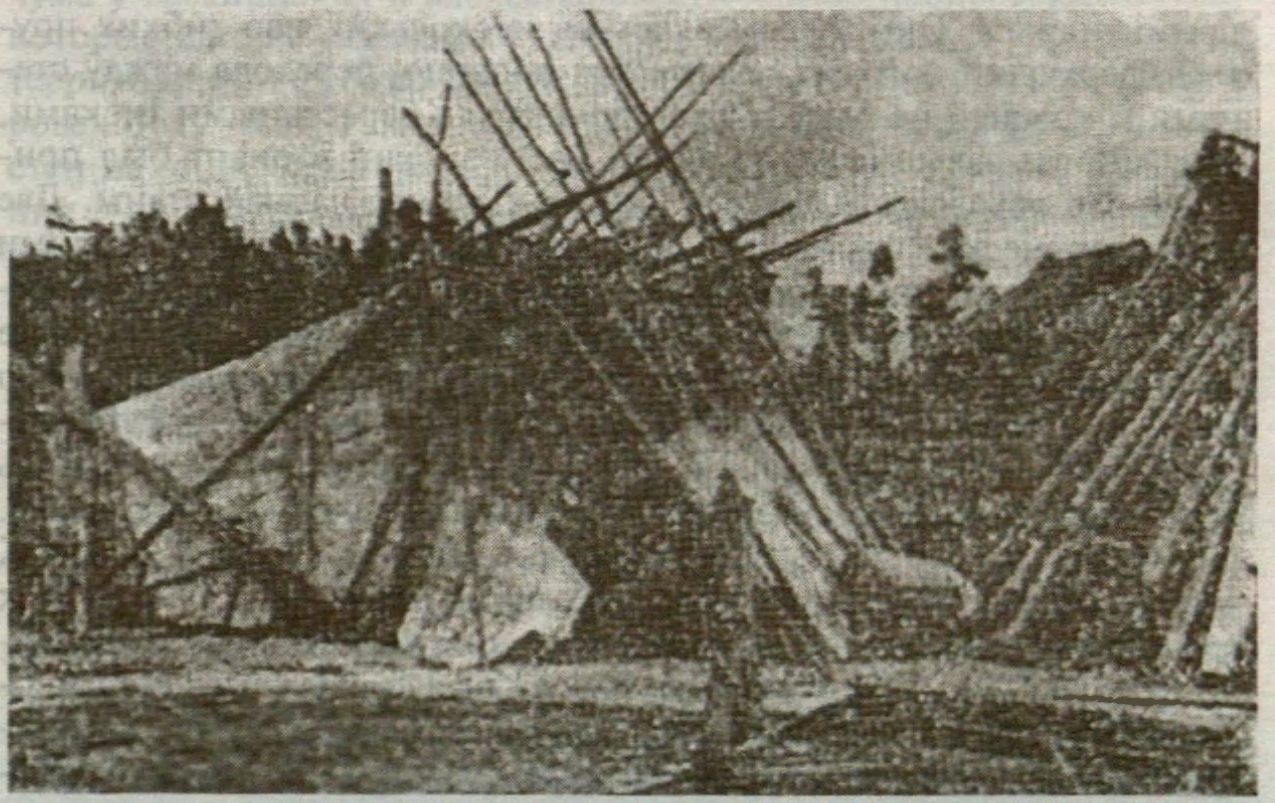


Рис. 12. Летнее жилище. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

тальными. Остов крыши устраивали из продолжения жердей стены. Поверх каркаса накладывали берестяные тиски, крышу крыли в поперечном направлении. Покрытие укрепляли положенными сверху по крыше жердями и вбитыми вдоль стены вертикальными жердями, сверху постройку обвязывали веревками. Дверь была дощатой либо из бересты. В середине жилища разводили костер, дым выходил в квадратное отверстие в крыше, служившее одновременно и окном. Мужчины спали у стены, расположенной против входа, женщины — у стены со входом. Постелью служили сено и циновки. Такое жилище использовали главным образом рыболовы на летних поселениях.

Четырехугольное жилище с конической крышей существовало на Вахе. Каркас из жердей был четырехугольным в основании, по углам стояли четыре основные столба с наложенными сверху четырьмя горизонтальными перекладинами. Жерди, создающие стены, втыкались в землю, а наверху скреплялись перекладинами. Здесь они надламывались и соединялись верхушками, создавая коническую или полусферическую крышу. Покрышками служили тиски, сверху их придерживали жерди, согнутые таким же образом. Очаг был в центре, дымовое отверстие — в вершине крыши. Дверь привешивалась дощатая либо берестяная.

Полусферическое жилище (Вю **тонтоУ-ка, кäртä-ка**) было очень примитивным. Оно устраивалось из нескольких пар гибких прутьев, верхушки которых сплетаются попарно, перехода между стенами и крышей не было. Остов покрывали берестяными тисками, вход иногда завешивали тряпкой. Васюганский вариант был примитивнее ваховского: ниже и иногда не имел задней стены. Две полусферические постройки, обращенные друг к другу передними открытыми сторонами, составляли полусферическо-двускатное жилище. Поверх берестяной крыши наложены жерди, образующие скат на две стороны. Одно полотнище бересты закрывает среднюю часть постройки. Над входом край полотнища закатывается наверх. Очаг — перед жилищем. Постройки такого типа встречались на Васюгане. Полуконическое сооружение зафиксировано на Вахе. К развилке на вершине растущей ольхи наклонно ставили шест. К этой основе приставляли также наклонно несколько шестов, так что в плане сооружение представляло полукруг. Каркас покрывали берестяными полотнищами, сверху они придерживались жердями. Очаг-костер располагался перед постройкой. Пищу готовили на тагане из изогнутого ствола черемухи. Эта постройка служила летом и осенью для защиты от дождя и ветра.

Рис. 13. На зимнем поселении. Фот. В.М. Кулемзина, р. Вах

Чум был распространен у хантов Ваха. Сведения о существовании чума у васюганских и александровских хантов неопределенны. Некоторые авторы отмечают существование этого вида жилищ на их территории[15], в работах других авторов сведений о чуме нет (Григоровский Н. 1884; Костров Н. 1872 и др.). Очевидно, чум был известен на этой территории, но был характерен для пришлого населения — юганских хантов и эвенков. Ваховский чум (**пθркат**) служил летним жилищем рыболовам, летним и зимним — оленеводам. Он имел размеры до 3 м в диаметре и устраивался из жердей и берестяных покрышек. Жерди (**кат-jуY**) вырубали непосредственно на месте установки чума. Одна из основных жердей имела развилку, в нее вставлялась вторая основная жердь, иногда обе основные жерди были с развилками. На эту основу накладывали от 15 до 40 жердей. Жерди скрепляли и иначе: верхушки их связывали веревкой. Здесь был известен также вариант чума с обручем, скрепляющим жерди изнутри. Покрывали чум берестяными тисками (тонтоY), корой, прочной тканью. Тиски не имели стандартной формы и нередко укладывались весьма небрежно. Поверх покрышек наваливали жер-

[15] З.П. Соколова (1963. Рис. 1. С. 182) на карте, отражающей распространение основных типов каркасных жилищ обских угров, указывает на Васюгане чум угорского типа.

ди. Вверху, в месте соединения жердей (**кат-кон**), оставалось незакрытым отверстие для выхода дыма. Дверь была из бересты либо вход завешивали куском ткани. В середине чума или ближе к выходу устраивали костер в прямоугольной раме (**лын**, **лын-jуY**) из тонких бревнышек или досок.

По устным свидетельствам, прежде у хантов были распространены подземные жилища. Традиция относит жилища с подземными ходами к военным временам, когда нужно было спасаться от врагов. Особенно часто можно было слышать такие рассказы на Васюгане, где подчеркивается, что предки хантов жили обособленно; зачастую не знали, кто живет на соседней маленькой речке, и были постоянно настороже. Для того чтобы не увидели его жилище, хант делал к нему вход по воде. Современные васюганские и александровские ханты нередко называют землянки так же, как и селькупы, «**карама**». Хантыйское название — **мöYyj-ка**, **мыY-ка** — земляное жилище; подземный ход называется **мöYyj-лöк** — подземная дорога. О конструкции подземных жилищ на Васюгане мы можем судить лишь по устным описаниям пожилых хантов. В углах ямы ставили четыре столба, вдоль них черемуховыми прутьями прикрепляли по две тонкие жерди, между которыми создавался паз. В пазы вкладывали бревна. Крышу делали односкатную, со скатом от передней к задней стене, или двускатную. Вначале укладывали жерди, на них бересту и сверху землю. Перед входом устраивали навес: четыре столба с развилками, на них перекладины, навес крыли берестой. Иногда делали стены, и получался вид коридора (Вю **лӓвэн-ул-лöн-кам**). Позднее пазы стали вырубать непосредственно в угловых столбах. Эта техника рубки устойчиво сохранялась на Васюгане в наземных жилищах и хозяйственных постройках. Технику соединения бревен в паз мы считаем характерной для васюганских хантов, которые первоначально не вырубали паз, а создавали его, привязывая жерди к столбу.

У.Т. Сирелиус дает описание иной конструкции подземных жилищ остяков (хантов) Васюгана (Sirelius U.T. 1906 a. C. 106–108)[16]. По традиции их строили для защиты от врагов, на возвышенном месте, неприступном с двух сторон. Для облегчения бегства в опасные времена они имели несколько выходов. Для такой землянки в земле выкапывали яму глубиной 170–180 см. Стены укрепляли вертикальными столбами. На земле, по краям длинных стен, клали по бревну, на них по коротким сторонам еще два бревна. На эту основу поперек клали три бревна и покрывали расколотыми бревнами.

[16] Описание У.Т. Сирелиуса относится к землянкам нарымских селькупов, но он считает, что такие же землянки были у хантов.

Крыша выглядела, как сильно усеченная пирамида. В ней оставляли отверстие, которое зимой закрывали льдиной или стеклом. Направо от входа в углу располагался чувал. Выход был наклонным, в виде коридора, поднимающегося от пола землянки на поверхность земли. У наружной стороны входа ставили столбы с развилками и перекладиной. Боковые стены выхода укрепляли вертикальными жердями, над ними настилали крышу. Вопрос о конструкции подземных жилищ васюганских хантов остается пока открытым, необходимая ясность может быть в него внесена лишь после проведения археологических раскопок.

Шатровые полуземлянки (Вю, Ал **карама, мöYуj-ка**; В **мыг-телех-кат**) служили в качестве постоянных зимних жилищ. Это были сооружения размером от 2,5х2,5 до 7,5х7,5 м, с глубиной жилищной ямы от 20—30 до 80—90 см. Основу жилища составляли наклонные опорные столбы, установленные как в углах ямы, так и на поверхности земли, на некотором расстоянии от углов ямы. Количество опорных столбов могло быть до двенадцати, они устанавливались и в середине стен. Вверху столбы соединялись рамой, на нее укладывались жерди в продольном и поперечном направлениях. Опорные столбы на середине их высоты соединялись перекладинами, решетчатый остов создавался из наклонно поставленных жердей и имел вид усеченной пирамиды. Его покрывали прутьями, дранками, соломой и землей. У правой стены помещался чувал. Иногда в шатровых полуземлянках устраивали нары. Для этого оставляли невынутым слой земли на месте нар, их высота была равна глубине ямы полуземлянки. На Вахе нары часто отсутствовали, спальные места в таком случае были в правом углу у входа. От двери их отгораживали низкой дощатой стеной, укрепленной двумя вертикальными столбиками. Под окном устраивали столик. На некотором расстоянии от стены ставили два вертикальных столба с развилками, на них — горизонтальные перекладины и доски. Окном служило квадратное отверстие (30х40 см) в середине крыши. Обычно его закрывали льдиной (В **юнг-итневес**) или затягивали брюшиной, застекленные окна (В **кюх-итневес**) встречались редко. Дверь устраивалась в наклонной стене и открывалась не вбок, а вверх. Пол был земляным. Иногда полуземлянки имели крытые сени или сени-навесы с плоской крышей на вертикальных столбах.

Широкое распространение имели срубные жилища (В **пöYəрт-кат**). На Васюгане наиболее ранним способом была рубка «в охряпку», которую ханты считали более простой техникой по сравнению с появившейся у них позднее рубкой «в угол». Срубные полуземлянки с плоским и двускатным покрытием, со срубом в яме или

над ямой отмечены на Вахе. Это были квадратные или продолговатые постройки (6х4,5 м), с глубиной ямы до 50 см. Сруб имел прокладку из мха. Над ямой сруб выступал на три или более венцов, укорачивающихся кверху. Между их концами проложены слеги-обрешетины крыши, на них накладывали жерди, затем бересту и землю. Двускатная крыша имела в одном из скатов световое отверстие. Крыша могла быть со срезанным коньком (в разрезе — в форме трапеции), в этом случае световое отверстие помещалось в плоской части крыши. Дверь была деревянной и располагалась в передней стене полуземлянки. Очагом служил чувал с выведенной в крышу трубой. Срубные полуземлянки были зимним жилищем.

Наземные срубные постройки были распространены повсеместно и распределялись на летние и зимние. В летних избушках (рис. 14), в отличие от зимних, стены не имели прокладки из мха, а также не было чувала. Конструктивные различия заключались в устройстве крыш, наличии или отсутствии сеней, а также в устройстве последних. Прямых сведений о жилых наземных постройках с плоской крышей у васюганско-ваховских хантов нет, но, судя по тому, что к настоящему времени такие крыши устойчиво сохраняются в хозяйственных постройках, можно предполагать наличие в прошлом плоских крыш у жилищ. То же можно сказать относительно наземных срубных жилищ с односкатной крышей. Двускатные крыши на коньковых стояках были довольно пологими. Стояки служили опорой для конькового бревна. Иногда на сруб посредине клали два продольных бревна рядом, на них по фронтонной части накладывали по одному короткому бревну, на которые опиралась балка. У крыш с коньковым стояком фронтон оставался открытым.

Наиболее распространенным был наземный сруб с двускатной крышей на слегах. Фронтон крыши закрывался бревнами, между которыми были врезаны слеги из тонких стволов деревьев. Концы слег иногда торчали в виде неровно обрезанных торцов на фронтоне дома. Поверх князевой слеги и слег по скату крыши настилалась дранка, затем — берестяные тиски, на них поперек накладывались жерди. Поверх жердей вдоль крыши укладывались бревна-гнет от одного до трех по скату, они скреплялись со слегами, поверх коньковой слеги укладывался охлуп. Крыша, покрытая жердями, досками или бревнами, сверху засыпалась землей или покрывалась дерном. При покрытии крыши берестой на берестяные тиски набивались деревянные планки. Поверх берестяной крыши в поперечном направлении настилали бревенчатый накатник. Бревна-гнет скреплялись со слегами крыши веревками или корнями. На краю крыши

клали бревно, которое держалось на двух-трех крюках. Для крюков чаще всего использовали изогнутые корни, иногда в нижний конец основы крюка вбивали выступающий клин.

На Васюгане встречался сруб со свесом крыши. Он устраивался над фронтонной стороной дома, вход был со стороны свеса. На Вахе отмечен интересный тип срубного жилища с двускатной уплощенной, без конька, крышей на четырех слегах и бревенчатыми сенями. Световое отверстие прорезано в крыше. Чувал помещен у середины правой стены. Бревна передней и задней стен сеней врезаны концами в венцы дома, другими концами связаны в сруб. Крыша плоская, дверь в сени укреплена на дверных столбах. В конце XIX — начале XX вв. распространились срубы русского типа.

Дверь срубных наземных жилищ обычно была низкая, высотой до 1 м, ее делали из досок и скрепляли планками. Она укреплялась в дверной коробке или на столбах с вынутой четвертью, врезанных в сруб. Дверь почти всегда находилась во фронтонной стороне дома и была обращена к реке. Пороги делались в два-три венца. Окно чаще всего было небольшим, с одинарной рамой, в летних жилищах окна могли отсутствовать. Пол был земляным, зимой на него настилали сено. В торцах крыши закрепляли жерди, идущие вдоль боковых стен и над серединой жилой камеры, они служили для развешивания одежды и припасов в мешках.

Рис. 14. Летнее срубное жилище. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

Наземные срубные жилища имели сени. При их строительстве применяли более простую технику, рубленые сени встречались редко. На Васюгане сени были обычно уже той стены дома, к которой они примыкали. Их стены делали из бревен, врубленных в пазы угловых столбов. Крыша была односкатной, со скатом от стены дома, к которой примыкали сени, или двускатной. Сени делали также из досок, с плоской крышей. На Вахе в качестве сеней служили и плоские навесы на столбах.

В летних срубных жилищах очагом служил костер, который устраивали посреди жилища. В срубных постройках встречались нары. Это были деревянные полки шириной до 1,5 м, укрепленные на столбиках-подставках высотой до 70 см. На нарах летом натягивали полога, зимой обязательно стлали шкуры зверей. На Вахе в срубных жилищах нары не делали. Для хранения продуктов и утвари устраивались полки (В **нәрәм, лемы**), под ними помещались собаки. Полки делали как у входа, так и у противоположной стены.

Большая часть жилых построек имела очаг внутри дома. Место для очага называлось **пӓр** (В). Наиболее распространенным видом очага был чувал (Вю **тθYθл**; В **тθYәл, ту'Yәл**). В его основании делали глинобитную площадку (Вю **ӧлоYты**), которая выдавалась немного вперед и служила подставкой для посуды во время приготовления пищи. На площадке устанавливался остов чувала. На Васюгане для этой цели использовали иногда дуплистое дерево со снятой корой и обмазанное глиной, в нем делали вырез — зев (Вю **т'θYθл-туик**). Но чаще остов васюганские и ваховские ханты делали из сосновых жердей. Вначале его обмазывали глиной, перемешанной с сосновой хвоей или сеном, а потом — глиной без примесей. На Вахе боковые и задние стены делали из жильника и при- крепляли к двум вертикально поставленным тонким столбикам по обеим сторонам зева. По нижнему основанию трубы проходил гибкий прут, он прикреплялся растяжками из сарги к одной из слег крыши. Чувал был округлым в плане, а его труба — круглой. Высота выреза зева 1 м, диаметр у основания — от 80 до 90 см, к верхушке трубы он сужался до 40—50 см. Труба (Вю **лонот**; В **тюгал-ун**) выходила в отверстие в крыше, щели между трубой и крышей заполняли сеном. На ночь трубу закрывали пучком сена (Вю **памы-муYәл**), прикрепленным на палку, или мужчина взбирался на крышу и закрывал трубу сеном, но нередко трубу вообще ничем не закрывали.

По обеим сторонам зева устанавливали столбики с развилками наверху (Вю **иYлы**), в них укладывали таган (Вю **пут-jуY**; В **норыв**), на который подвешивали котел. На Васюгане к тагану прикручивали

несколько черемуховых прутьев с крючками на концах (**ваYа-joY**) разной длины, на них и подвешивали котлы. Дрова ставили наклонно к задней стене или клали, как на костре. Их хранили в небольшом пространстве между чувалом и стеной дома (В **т'θYəл-силнə**).

Чувал служил одновременно для отопления, освещения жилища, приготовления пищи и не утратил своего значения с появлением печей русского образца. Нередко на загнетке русской печи пристраивали небольшой чувал, в нем по вечерам жгли сосновые корни, дающие яркий свет. Этот тип очага был известен васюганско-ваховским хантам с давних пор. Упоминания о нем неоднократно встречаются в их фольклоре, при этом подчеркивается такая характерная деталь, как широкая труба. Чувал помещали в разных местах: в левом или правом углу стены у входа, в дальнем правом углу, у середины правой стены и в середине жилища. Очаг в середине обычно был характерен для жилищ, в которых проживало по две семьи.

В некоторых летних жилищах очаг вообще не устраивали, а разводили костер на улице перед жилищем. В качестве тагана для котлов использовали ствол тонкой черемухи с коленчатым изгибом. Таганы в виде двух сошек с перекладиной (такие, как у чувала) у очагов-кострищ не применялись. Для просушки рыбы, ягод и орехов на Васюгане устраивали печи в земле. Для этого в невысоком обрыве выкапывали яму, сверху ее накрывали четырьмя-пятью жердями, на которые устанавливали сито с рыбой или ягодой. Хлеб пекли в особых глинобитных печах (**кӧр, н'ӓн'-кӧр**; В **нянь-вертекар**), которые имелись как в селениях, так и на месте промысла. Печи устраивали непосредственно на земле и на срубе в один-два венца или на четырех столбах-стойках высотой до 70—80 см. На стойках устраивали настил (70х150 см). Остов печи делали из прутьев, сверху его обмазывали глиной. Печь имела полусферическую форму. Дым выходил через чело. Над печью устраивали двускатный или односкатный навес и обносили ее изгородью. В начале XX в. в обиход начали входить также железные печи (В **вэк-кор**).

В одном жилище нередко жили две-три семьи. Обычно это были родители с женатыми сыновьями или семьями братьев. Внутренняя часть жилища (В **кат-лээYə-пəлəк**) делилась на четыре части. Левая и правая половины назывались на Вахе **тим-пəлəк** — эта сторона, и **том-пəлəк** — та сторона, в зависимости от местоположения говорящего. Противоположная от входа сторона (В **кат-пета** — перед юрты) была предназначена для гостей. Место у двери (Вю **оYпыенг**; В **оYпы-jулэт-пəлəк**) было занято дровами и посудой. У каждого члена семьи было в жилище определенное место, на котором он

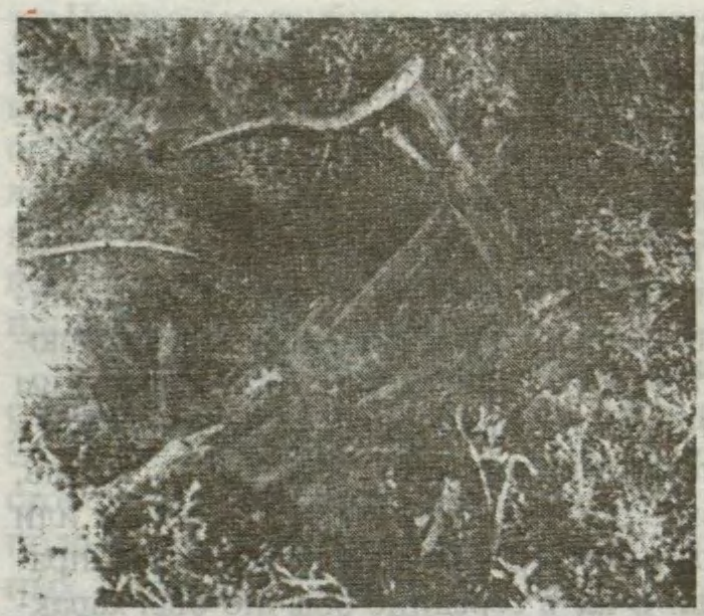


Рис. 15. Коленчатый таган. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

проводил большую часть времени. Наибольшей свободой в этом отношении пользовались дети, но и у них были «свои» места. Место женщины было у двери, где стояла утварь и продукты. За ней в глубине жилища располагались дети по старшинству. Самый маленький ребенок находился рядом с матерью, чем старше был ребенок, тем дальше он располагался от матери. Ближе к передней части жилища было место мужчины-хозяина.

Ночью родители спали у двери, а дети дальше. Женщина всегда спала на краю постели, ближнем к двери.

Для хранения одежды, съестных припасов, утвари и другого имущества использовались амбары (Вю **ləвас, сайма**; Ал, В **ləвас, лабаз**). Амбары устраивались возле жилищ в поселках и на местах промысла. Наиболее широко был распространен амбар-сруб с двускатной крышей на слегах. Это был невысокий продолговатый сруб (длина 2—2,5 м, ширина 1,5 м, высота 1—1,5 м), рубленный в угол. Крыша двускатная, на слегах, концы которых выступают с наружной части фронтона. Часто амбары имели свес крыши над входом. Покрытие было берестяным с настилом из жердей и дранок или из дерна, уложенного на накат из жердей; встречались и дощатые крыши. Амбары чаще всего устанавливали на столбах-стойках высотой до 1—2 м, количество столбов варьировало от одного до восьми. Столбы застругивались особым образом для защиты от грызунов. У амбара со свесом перед входом устраивали настил. К нему в наклон ставили расколотое надвое бревно с зарубками-ступеньками. Уходя из амбара, бревно убирали. Дверь была дощатая, помещалась во фронтонной части амбара. На Васюгане встречались амбары, установленные не на сваи, а на настил из бревен. Такой амбар огораживался от скота изгородью высотой в три столба. Здесь же известны амбары из вертикально поставленных досок, без свай, на помосте из бревен.

В лесу для хранения мяса убитой дичи использовали амбары и другие устройства в виде навесов на высоких стойках, конусооб-

Рис. 16. Лабаз в лесу. Рис. с фотографии, р. Васюган

разных шалашей из жердей. Интересные данные получены нами у васюганских хантов о сооружениях для хранения мяса, ягоды, рыбы в лесу. Они представляли собой срубные дощатые постройки с пологой односкатной крышей, устраивались на высоких стойках, чтобы быть недоступными медведю и другим хищникам. В качестве стоек использовали два соседних дерева. Для их спиливания воздвигали помост. Опорой для него служили связки из трех жердей, поставленных конусом и связанных вверху. Устраивали также сооружения для хранения припасов в лесу на одной высокой стойке с крестовиной наверху. Наиболее древним видом васюганские ханты считали так называемый вертящийся лабаз[17]. На спиленное на небольшой высоте дерево насаживали чурбан, полый внутри. На нем устанавливали ящик для припасов. К пустому чурбану прикрепляли деревянную рукоять. Описанные сооружения назывались так же, как и амбары, — **сайма**, **лабаз**, но имели и другое название — **чомол**. У ваховских хантовов были срубы, устраиваемые в лесу для хранения мяса, ягоды, которые также называли **чомол**, но подробных сведений об их устройстве нет. Васюганские ханты во время охоты на медведя перед берлогой устраивали помост (Вю **омат**) для охотника. Рядом с двумя соседними деревьями вбивали в землю два столба с раз-

[17] Это сооружение было рассчитано на склонность к развлечениям главного разорителя охотничьих припасов — медведя. Подойдя к лабазу, медведь обращал внимание в первую очередь на выступающую рукоятку. Он пытался взять ее лапами, но от этого все сооружение начинало вращаться. Медведя это забавляло и отвлекало от основной цели — добычи продуктов. Наигравшись, медведь уходил.

вилками наверху. На развилки клали перекладины, привязанные другим концом к деревьям. На перекладины настилали несколько жердей, на них и становился охотник.

Для приготовления пищи из рыбы, мяса, ягод применялись различные навесы и иные устройства. Простой навес (Ал **пин-дәҮ, сjуҮән**; В **нором**) — из жердей на столбах, установленных над костром для вяления и копчения рыбы и мяса, был известен повсеместно. Другой навес (В **имәт-сурә, сәрә**) — из кольев и прутьев или досок в виде решетки с берестяной крышей над ней — употребляли для вяления рыбы на Вахе и Васюгане. Иногда для копчения рыбы устраивали корьевые постройки из жердей: четырехугольные, с дымовой щелью на месте конька. Для хранения посуды и другого имущества на месте промысла устраивалось до десяти невысоких навесов из жердей, прутьев, некоторые имели крыши. Сети просушивали на шестах, протянутых между деревьями или уложенных на развилки вбитых в землю кольев.

На Васюгане для обработки кедровых орехов устраивали широкий двускатный навес. По углам в землю вкапывали четыре столба высотой 1 м. В середине фронтонных сторон вкапывали по одному высокому (до 2 м) столбу. Все столбы имели в верхнем конце глубокие выемки, в них вкладывались бревна, попарно соединяющие столбы. Крыша настилалась из досок и едва не достигала земли. К средним столбам прибивали перекладину из тонкой жерди, на нее подвешивали сито для просеивания орехов.

Из построек для домашних животных нужно назвать оленью избу (**вэли-кат**), куда олени заходили для спасения от гнуса. Она была срубной, с двускатной берестяной крышей на слегах, с князевой слегой, охлупным бревном и бревнами вдоль крыши сверху. Вход был широким, дверей не было. Так как оленеводством занимались только ваховские ханты, у васюганских и александровских этот вид построек не существовал.

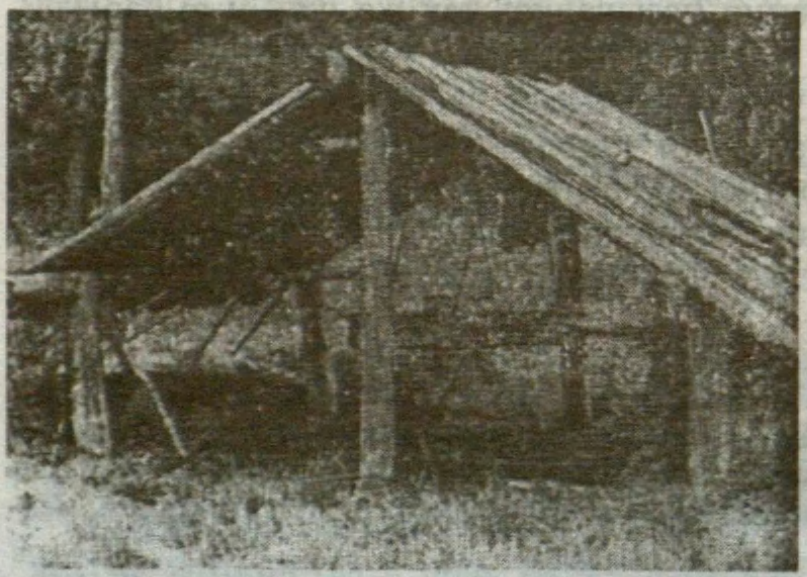


Рис. 17. Навес для обработки кедрового ореха. Фот. Н.В. Лукиной, р. Васюган

Последние в большей мере, чем ваховские, занимались в начале XX в. скотоводством и имели постройки для коров, овец, лошадей. Загоны для лошадей устраивали в виде навеса из жердей или тонких бревен на столбах. На крыше зимой хранили сено. Хлев для скота и пригон для лошадей (Вю ат') представлял собой бревенчатую постройку из горизонтальных бревен, врезанных в угловые столбы. Крыши были плоскими, из жердей. У александровских хантов для скота нередко устраивали примитивные постройки шатровой формы, а также наземные дощатые постройки. На Вахе были хозяйственные постройки из вертикально поставленных жердей.

Характерной особенностью обских угров, в том числе и васюганско-ваховских хантов, является разнообразие типов их жилищ. Это обусловлено, очевидно, полуоседлым образом жизни народа. Климатические условия, хозяйственные потребности и возможности использования подручных материалов, а соответственно, и вид жилища, различались в тот или иной сезон года. Сложные этногенетические связи угров на разных этапах их истории, несомненно, также оказывали влияние на формирование типов их жилищ. Так, шатровые постройки обских угров имеют широкие аналогии на территории Сибири, но некоторые из них наиболее близки селькупским и кетским. Васюганско-ваховские ханты выделяются из остальных хантов наличием полуконических и полусферических жилищ, сближаясь в этом отношении также с селькупами и кетами. Чум, известный в исследуемых нами группах лишь на Вахе, вероятно, появился здесь сравнительно недавно, в связи с оленеводством. По основным конструктивным признакам он относится к угорскому типу, но имеет некоторые кетские, тунгусские и тюркские черты. Спецификой жилищ васюганских хантовов является рубка «в паз», сближающая их с селькупами и некоторыми саяно-алтайскими народами. Необходимо отметить также бытование на Васюгане некоторых оригинальных, не отмеченных у других народов Сибири, типов хозяйственных построек, очевидно, древнего происхождения.

Одежда, обувь, головные уборы

В конце XIX — начале XX вв. одежда васюганско-ваховских хантов состояла из верхней и нательной[18]. Кроить и шить одежду умела каждая женщина. Ткани раскраивались ножницами, а шкуры ножом, выкроек не существовало. Размеры переносились со старой

[18] У ваховских хантов сохранились воспоминания о том, что их предки надевали верхнюю одежду непосредственно на тело.

одежды либо определялись непосредственно по человеку. Предварительного сшивания «на живую нитку» не производилось, примерка также была необязательной, и нередко одежда выглядела мешковатой. Материалом для нательной одежды служила обычная покупная ткань, на Васюгане некоторое распространение имело домотканое крапивное полотно. Прежде нательную одежду изготовляли из ровдуги и рыбьих кож. У мужчин и женщин было, как правило, по одному экземпляру каждого вида верхней одежды. Некоторая одежда, например, женские шубы, переходила по наследству.

Верхняя зимняя одежда изготовлялась из целых шкурок пушных зверей — зайца, лисы, белки или сборного меха. Сборный мех получался при нашивании лапок и ушек пушных зверей на узкие ленты из оленьей шкуры, которые затем соединяли в полотнище. Из шкур гагары и угиных головок шили воротники, из лебяжьих шкур с удаленными перьями — подклады к шубам и иногда малицы. Птичьи шкурки чаще всего применялись для детской одежды. На Вахе большое значение в изготовлении одежды имели шкуры оленей. У александровских хантов в конце XIX в. для одежды и обуви применялись шкуры домашних животных, овечья шерсть. Изделия из шкур и кож сшивались сухожильными нитками[19]. Материалом для украшения одежды служили ткань, бисер, бусы, мелкие пуговицы, металлические бляшки, мех. Ткань применялась в виде накладных полос (аппликации) на различных частях одежды, узких кантов в швах, окантовок, отделок воротников и обшлагов. Ткань для отделки была обычно контрастной по отношению к цвету одежды, любимые цвета — красный, белый, синий. Весьма характерна мозаика из ткани двух цветов (Вю **паYлын**). Треугольные лоскутки сшивались в прямоугольники, при этом одинаковые по цвету треугольники располагались вершинами друг к другу. Между прямоугольниками вшивали полоски ткани этих же цветов, таким образом изготовляли длинные полосы или полотнища.

Поясной нательной одеждой у мужчин были штаны (**ворыв**)[20]. На Васюгане были известны штаны с широким «шагом», сшитые

[19] В фольклоре упоминается еще один способ соединения шкур, видимо, имевший место в древности, — склеивание.

[20] Чтобы не повторяться, приводим здесь названия частей, одинаковых в одежде разного вида: спинка — Вю **чынчал'**, В **чончəл'**; передок глухой одежды — В **мöYöлəл'**; полки распашной одежды — В **кимəл**; подол — Вю **никал'**, В **пун'тə**; воротник — **pok**; рукав — Вю **jыт**, В **лыт**; манжеты — В **лытылын**; завязки, вздержки — Вю **кöYən**, В **кəYən**; вшивные или нашивные полоски ткани и меха — Вю **jэрна-jаYəл'**, В **лəр**, **лəрəл'**; пуговица — Вю **мунkал'**, В **вəY-пəYəл**. Названия частей обуви: голенище — **вэj**; головка — **oY**, подошва — Вю **пата**, В **пətə**; задник — В **поч**.

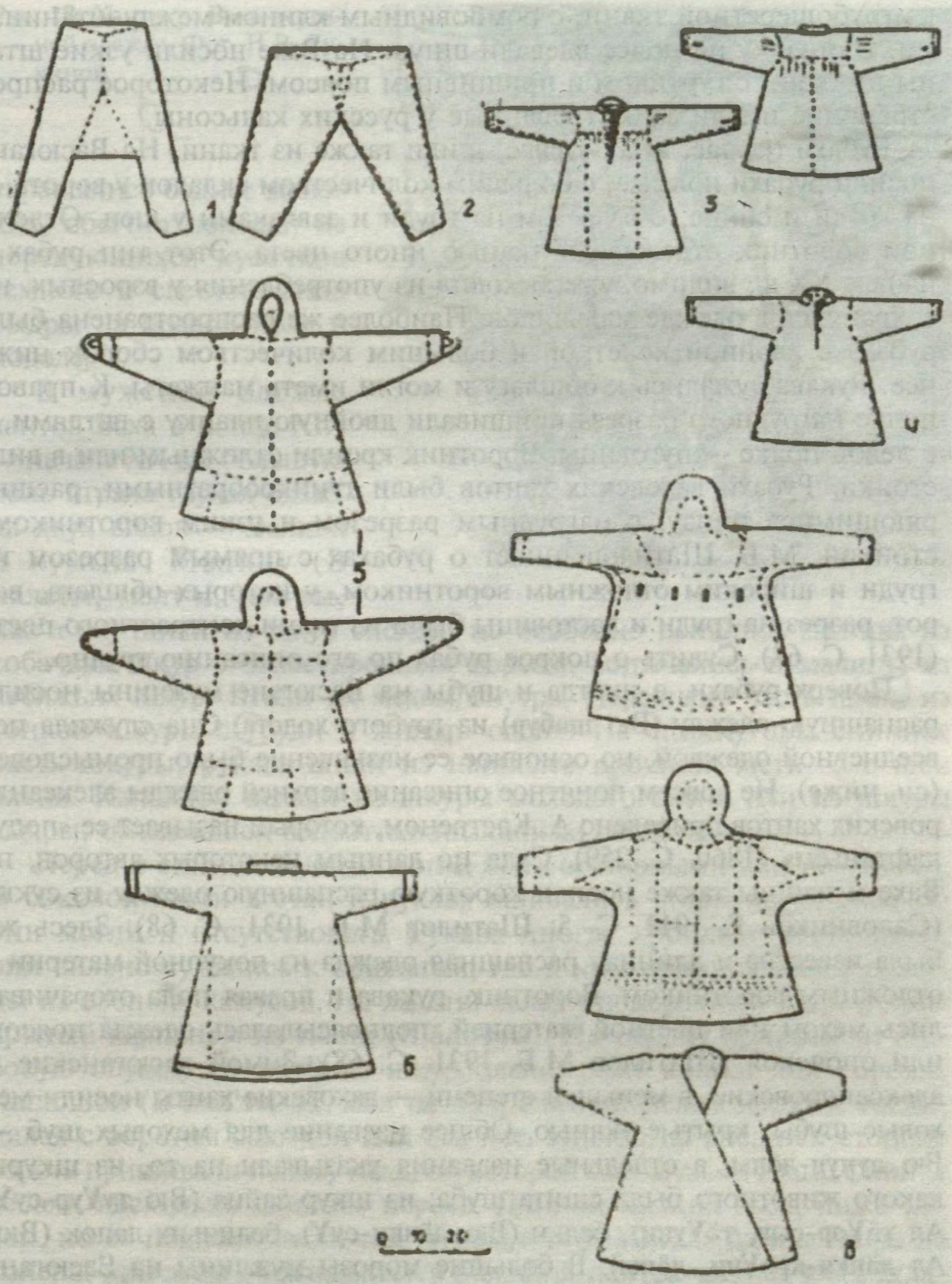


Табл. IX. Мужская одежда: *1* — штаны (р. Васюган); *2* — штаны (р. Вах); *3* — рубаха (р. Васюган); *4* — рубаха (р. Вах); *5, 6* — малица (р. Вах); *7* — кумыш (р. Вах); *8* — шабур (р. Васюган)

из грубошерстной ткани, с ромбовидным клином между штанинами. В опушку на поясе вдевали шнур. На Вахе носили узкие штаны из ткани с гуртиком и пришивным поясом. Некоторое распространение имели заимствованные у русских кальсоны.

Рубахи (**jэрнас, kyjaY-jэрнас**) шили также из ткани. На Васюгане носили рубахи прямые, с большим количеством складок у ворота — на груди и спине, с разрезом на груди и завязками у шеи. Отложной воротник отделывали тканью иного цвета. Этот тип рубах в начале XX в., видимо, уже выходил из употребления у взрослых, но сохранялся в одежде мальчиков. Наиболее же распространена была рубаха с двойной кокеткой и большим количеством сборок ниже нее. Рукава сужались к обшлагу и могли иметь манжеты. К правой полке нагрудного разреза пришивали двойную планку с петлями, а к левой полке — пуговицы. Воротник кроили отложным или в виде стойки. Рубахи ваховских хантов были туникообразными, расширяющимися книзу, с нагрудным разрезом и узким воротником-стойкой. М.Б. Шатилов пишет о рубахах с прямым разрезом на груди и широким отложным воротником, у которых обшлага, ворот, разрез на груди и ластовицы были из ткани контрастного цвета (1931. С. 68). Судить о покрое рубах по его описанию трудно.

Поверх рубахи, а иногда и шубы на Васюгане мужчины носили распашную одежду (Вю **шабур**) из грубого холста. Она служила повседневной одеждой, но основное ее назначение было промысловое (*см.* ниже). Не совсем понятное описание верхней одежды александровских хантов приведено А. Кастреном, который называет ее «полукафтаньем» (1860. С. 259). Судя по данным некоторых авторов, на Вахе мужчины также носили короткую распашную одежду из сукна (Садовников Г. 1911. С. 5; Шатилов М.Б. 1931. С. 68). Здесь же была известна и длинная распашная одежда из покупной материи с отложным воротником. Воротник, рукава и правая пола оторачивались мехом или цветной материей, подпоясывалась одежда поясом или опояской (Шатилов М.Б. 1931. С. 68). Зимой васюганские и александровские, в меньшей степени — ваховские ханты носили меховые шубы, крытые тканью. Общее название для меховых шуб — Вю **пунун-лöпы**, а отдельные названия указывали на то, из шкуры какого животного была сшита шуба: из шкур зайца (Вю **туYур-суY**; Ал **тöYор-сыв, тəYуни**), белки (Вю **лäнки-суY**), беличьих лапок (Вю, Ал **лäнки-кроYни, лöпы**). В большие морозы мужчины на Васюгане надевали шубы из оленьих шкур (Вю **карни**), сшитые мехом наружу. Шубы имели одну пуговицу у ворота, но чаще запахивались налево и подпоясывались опояской. Мужские шубы не украшались либо

Рис. 18. Ханты р. Ваха в зимней одежде. Фот. Н.В. Лукиной

украшались беднее женских, обычно полосой из чередующихся кусочков темного и светлого меха выдры на правой поле и подоле.

В мужской одежде хантов Ваха в конце XIX — начале XX вв. большую роль играла глухая одежда двух видов — малица и кумыш. Малицу (В **мальты, мӓлт'и, мол'ты, мал'л'ты**) шили из шкур оленей, но особенно ценились малицы из собачьих шкур с более прочным ворсом, встречались и малицы из лебяжьих шкур. Шили их мехом внутрь. Переднюю часть шили из тонкой шкуры с груди и живота оленя. На спинку шла спинная часть шкуры, рукава шили из наиболее прочной части — с шеи оленя. Капюшон делали из шкуры молодого оленя или из шкуры выдры, обладающей водоотталкивающими свойствами.

Перед и спинка малицы могли быть составными или цельными. В боковой части в стан и рукава вшивались широкие клинья, но они могли и отсутствовать. Рукава иногда кроили с ластовицей, они сильно сужались к обшлагам, где к ним пришивались рукавицы из оленьих камусов. На ладони делали поперечный разрез, прикрытый клапаном из ткани (В **ӓлоYты**). По подолу пришивали широкую опушку (В **пат'**) из шкур оленя, реже кошки или коровы. Капюшон (В **мал'ты-оY, мол'ты-оY**), сшитый мехом наружу, соединялся с воротом союзкой или без нее. Иногда на внешней стороне ворота пришивали полосу меха, по которой скатывалась влага. Спинку делали несколько длиннее переда. Длиной малица была ниже колен, но ее подпоясывали так, чтобы она достигала длины лишь до колена, при этом образовывался большой напуск-пазуха, куда складывали трубку, кисет с табаком и другие вещи, а также продукты. Чтобы достать вещи из этого хранилища, нужно было энергичным движением стряхнуть рукав с руки, втянув руку под малицу. На

малицу обычно надевали рубаху (В **мол'ты-кθрə**) для защиты от сырости. Ее шили из тонкого сукна или из других прочных тканей. Покрой рубахи был проще покроя малицы. На подол, обшлага, ворот и плечи нашивали полосы ярких тканей.

Поверх малицы в холодное время года при поездках на оленях мужчины надевали глухую одежду мехом наружу — кумыш (**молэвсы**). Его передняя часть выкраивалась из шкуры с живота оленя, а спинка — со спины. Капюшон (В **öYöл**) изготовлялся из шкуры с задней части оленя с естественным изгибом, затылочная часть — из шкуры на шее и горле животного, где мех был особенно пушистым. Покрой кумыша более сложен, чем малицы. Это объясняется скорее стремлением к комбинации меха различных оттенков, чем потребностями покроя. Конструктивными швами соединялись спинка и перед с боковыми полотнищами, обязательным был также поперечный шов на спине, которая выкраивалась вместе с затылочной частью капюшона (В **почол**). Внизу к стану посредством чередующихся по цвету союзок присоединялась опушка (В **пучəл**). Рукава значительно сужались к обшлагам. Характерным украшением кумыша были кисточки из полосок меха и сукна, пришитые в ряд на спине. Особенно нарядным считался белый кумыш.

Летом мужчины носили обувь (В **нир**; Вю **кантаYа-нир** — хантыйская обувь), известную среди местного русского населения под названием «ныpики». Нир состояли из кожаной подошвы, кожаной головки со слабо выраженным подъемом и голенищ иногда из ровдуги, а чаще из брезента или грубого сукна. Вверху к голенищам пришивали кожаные ремешки для подвязывания к поясу. Плетеными тесемками или ремешка-

Рис. 19. Мужская одежда для езды на оленях Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

ми (В **нир-іурва**; Вю **сыҮәв-чончоҮ**) подвязывали также обувь под коленом. Летнюю мужскую обувь не украшали. М.Б. Шатилов упоминает на Вахе летнюю мужскую обувь (**нир**), состоящую только из головок, сшитых из оленьей кожи или шкуры (1931. С. 68).

Зимнюю обувь (Вю **тәләҮ-нир** — зимняя обувь) комбинировали из камусов, кожи и грубошерстных тканей. Особенно ценились лосиные камусы, они прочнее и на них не налипает снег. Наибольшее распространение они имели на Васюгане, у александровских хантов применялись также камусы коров и лошадей, а на Вахе основным материалом для обуви были оленьи камусы. Предпочитались камусы с передних ног, где ворс держался прочнее. Общим названием для обуви с меховой головкой было «камусная обувь» (В **көвәлли-нир**) или «меховая обувь» (Вю **пунунг-нир**; В **пунән-нир**), в отличие от летней «кожаной обуви» (**н'ур-нир**). У васюганских и александровских хантов ворс на подошве был направлен назад и в обуви легко можно было скользить по снегу; на Вахе же ворс был направлен вперед и тормозил движение ноги. Комбинированная обувь васюганских хантов отличалась от александровской и ваховской высотой головки. У первых верхний ее край достигал лодыжки, а у вторых — середины голени. Покрой головки в первом случае был таким же, как у кожаной обуви. При шитье высокой меховой головки использовался естественный изгиб камуса. Особенностью обуви васюганских хантов был слабо выраженный подъем. Суконное голенище шили расширяющимся кверху, с прямым срезом, иногда с подкладкой из более тонкой ткани. Его привязывали к поясу и перевязывали под коленом. У васюганских хантов подколенные тесемки имели на одном конце медное кольцо.

Кроме того, было известно два типа зимней обуви (Вю, В **колоj**, **колоj-вэj**, **коулы**, **кθлы**), полностью сшитой из камусов. Местное русское название их «кисы». На Васюгане встречались кисы первого типа, сшитые из пяти камусов, длиной до колен, с надставкой голенищ из простеганной ткани. Их украшали узкими полосками сукна, вшитыми в продольные и поперечные швы на передней части подъема и голени. Второй тип кисов был более характерен для Ваха, где каждый мужчина имел их для езды на оленях. У них голенище соединялось с подошвой с помощью трех союзок и состояло из семи камусов. Вверху оно имело косой срез и обшивалось полоской сукна, здесь же пришивали две бечевки для привязывания к поясу. Суконные полоски ярких тонов вшивались для украшения в швы на головке. Под коленом вшивали несколько поперечных полосок меха и сукна. Особенно нарядными считались кисы из

белых камусов. На Вахе встречались и кисы, орнаментированные меховой мозаикой, которые ханты нередко покупали у своих северных соседей, живущих по рр. Агану, Тазу. С зимней обувью носили чулки (В **оспыл-н'ыр**) из шкур оленя, собаки, сшитые без подъема или с подъемом. У александровских хантов в начале XX в. бытовали толстые и длинные чулки (Ал **кул-тул'ка**) без подъёма, связанные из овечьей шерсти одной иглой. Обувь всегда носили со стельками и обертками (В **төлә**) из травы.

Мужчины подпоясывали распашную одежду шерстяными опоясками (Вю **энту**; В **әнтәв**), сотканными из разноцветных ниток. Васюганские и александровские ханты умели ткать опояски, но чаще их покупали. На Вахе опояски были исключительно покупными. В употреблении были также пояса из ровдуги, лосиной кожи или сукна с нашитыми металлическими бляшками-пуговицами. На Вахе встречались пояса, шитые бисером (Шатилов М.Б. 1931. С. 68). Малицы на Вахе подпоясывали только поясом с пряжкой. На поясе обычно висел нож в ножнах и небольшая кожаная сумочка-кошелек. Своеобразным видом мужской одежды васюганских хантов были «подтяжки» (Вю **панкал-н'ур**, **котән-чончоY**). Они состояли из пояса, завязывающегося спереди, и двух ремней, проходящих по груди параллельно и перекрещивающихся на спине. К их концам прикреплялись металлические кольца или кожаные петли для подвязывания обуви с длинными голенищами.

Васюганские и александровские ханты носили рукавицы (Ал, Вю **пас**, **пунунг-пас**) отдельно от одежды. Подкладку к ним делали из шкурок пушных зверей или овчины, а верх был комбинированным. Внутренняя сторона ладони и напалечника для большого пальца (Вю **китлəл'**) шилась из кожи или ровдуги, тыльная (Вю **чынчəл'**) — из треугольных лоскутков ткани. Шили также рукавицы из собачьей шкуры мехом наружу и из оленьих ушек (Вю **jaYлин-пас**), внутрь которых надевали вязанные из овечьей шерсти рукавички. На Вахе камусные рукавицы пришивали к рукавам верхней одежды.

Специальных головных уборов, кроме промысловой шапки, васюганские и александровские ханты не имели. На Вахе зимним головным убором являлся капюшон малицы, который обычно носили откинутым назад, но накидывали во время езды. Здесь были известны также меховые капоры. Носили зимой и покупные шапки. Во все времена года мужчины повязывали голову платком (Вю **сомин'-таY**; В **сумин'тəY**) либо носили его повязанным на шее. На Вахе мужчины зимой носили и большие шали. Сложных причесок у васюганских и александровских хантов не зафиксировано. Воло-

сы носили длиной до плеч, их подстригали в кружок, носили на косой и прямой пробор. На Вахе были известны своеобразные прически, когда переднюю часть головы подстригали до макушки, оставляя длинные волосы в задней ее части. Иногда подстригали волосы вокруг головы, оставляя более длинные волосы на макушке. Наконец, волосы могли оставаться нестриженными и свободно падать на плечи (Шатилов М.Б. 1931. С. 71–72).

Промысловая одежда васюганских и ваховских хантов состояла из короткой шубы (Вю **наӮэл'-л'ӧпи** — короткая шуба, **лав-л'ӧпи** — из беличьих лапок шуба), сшитой из сборного меха. На Вахе чаще встречалась короткая распашная одежда **(колӘӮ)**, которую кроили из одной шкуры оленя без швов на боках, она имела надставные сходящиеся полки и завязки. Подол, край полы и обшлага этой одежды делали мехом внутрь, ее наружная сторона была окрашенной (Шатилов М.Б. 1931. С. 70). Поверх описанной одежды мужчины надевали еще **шабур**, он больше сохранялся на Васюгане, чем на Вахе. Это была распашная расширяющаяся книзу одежда с большим запахом правой полы на левую. Рукава сужались к обшлагам, подобие отложного воротника создавалось за счет отлегающих полок и небольшой прямоугольной вставки, соединяющей полки на шее. Подол и обшлага могли оставаться неподшитыми. На Васюгане к **шабуру** иногда пришивали белый капюшон (Вю **вон-мӯл'**), который накидывался на шапку, особенно во время охоты на такого осторожного зверя, как олень. На Вахе охотники надевали на голову легкий платок. На Васюгане промысловым головным убором была шапка (Вю **вон-мӯл'**). Ее шили из одного полотнища домотканого холста. Шапка была круглой, с тульей, присборенной на макушке, и широким околышем-отворотом. Сборки на макушке пришивались к круглому лоскутку такой же или иного цвета ткани. Рукавицы на промысле носили обычные. На Васюгане отрезные рукавицы при стрельбе снимали и всовывали под пояс, на Вахе рукавицы при-

Рис. 20. Рукавицы из ткани и кожи. МАЭС, колл. № 8048/6, р. Васюган

шивали к рукавам промысловой одежды. На правом боку охотника, на опояске, висел нож, под опояску были засунуты топорик и бич. На левом боку через плечо висела охотничья сумка.

Многие виды женской одежды были одинаковы с мужской. Особенно это относится к васюганским и александровским хантам, где оба типа мужских рубах и женских рубах-платьев имели одинаковый покрой, не различалась обувь и зимняя распашная одежда. Однако наряду с одеждой и обувью, одинаковой у мужчин и женщин, существовали виды одежды только мужские или только женские.

На Вахе известны женские пояса-повязки (В **чончоУ**). Это полоса ткани шириной 5–7 см, охватывающая талию, в области поясницы к ней привязывалась или пришивалась другая полоска ткани, проходившая между бедрами. Часть, прикрывавшая половые органы, была несколько шире (12х20 см) и состояла из нескольких слоев ткани. Штаны носили почти все женщины. На Васюгане было два варианта покроя штанов-натазников. В первом случае кусок ткани складывали по диагонали и вершину прямого угла прошивали по прямой. На диагонали делали разрез для талии, на коленной части вставляли клинышки. Штаны имели вздержку из веревки. Во втором варианте

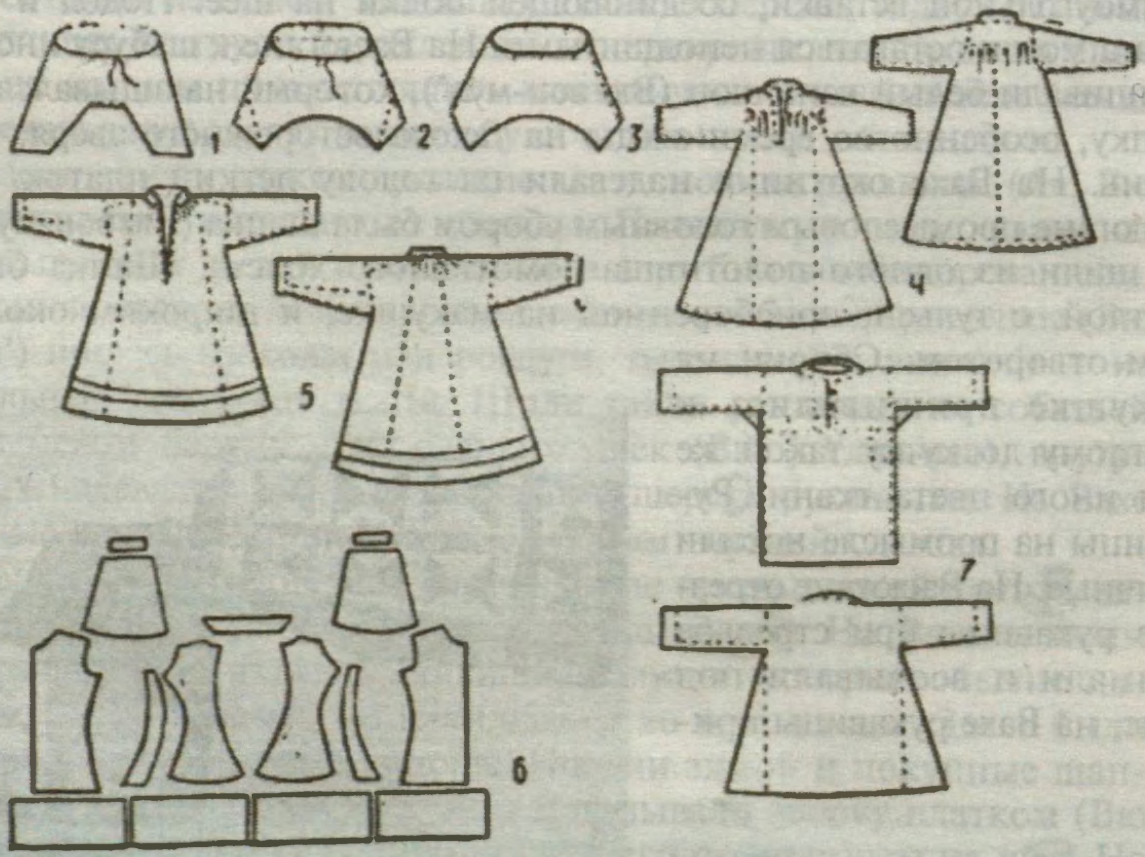


Табл. X. Женская нательная одежда: *1, 2* — штаны (р. Васюган); *3* — штаны (р. Вах); *4, 5* — платья (р. Васюган); *6, 7* — платья (р. Вах)

покроя у прямоугольного куска ткани отгибали и пришивали к основанию прямоугольника углы. В области живота делали прямоугольную вставку, в коленной части вставляли клинья, но они могли и отсутствовать. В поясной части делали вздержку. На поясе носили также веревку (Вю **сыYав-чончоY**) для закрепления ремешков обуви. Штаны-натазники ваховских хантов по покрою были близки второму типу штанов-натазников васюганских хантов. Прямоугольник ткани складывали вдвое особым образом: нижнюю кромку шириной 10 см отгибали, на эту же сторону углами отгибали оставшуюся полосу. После этого основания углов пришивали к узкой отогнутой полосе. Затем образовавшиеся острые выступы по бокам выкройки обрезали. Штаны носили, подтягивая их под веревку, постоянно повязанную на поясе. К ней же привязывали и обувь. На Вахе женщины носили «глухие, с боковым разрезом, узкие штаны длиной значительно выше колен» (Шатилов М.Б. 1931. С. 71).

Рубаху-платье женщины носили чаще всего непосредственно на теле. Нижние рубашки (Вю **уj-jэрнас**) были распространены мало, они имели прямой покрой, круглый вырез у ворота, были без рукавов. Нередко в качестве нижней рубашки носили старое платье. Женские рубахи-платья васюганских хантов по покрою были двух типов. Первый тип, который признается хантами как самый древний, — рубаха прямого покроя, со сборками у ворота. На плечах спинка и перед соединялись прямоугольными поликами (Вю **ваноYтыл'**), иногда здесь в швы вставляли полоски красной ткани (Вю **тоYол'**). Рукава пришивали перпендикулярно к стану, их могли делать с манжетами из ткани иного цвета, также и ластовицы были обычно из ткани другого цвета. Воротник представлял собой невысокую стойку. Нагрудный разрез соединялся у шеи завязками (Вю **колэм-кöYän**). Отличительной особенностью этого типа рубах были нашивки из ткани другого цвета, чаще всего красного, поперек или вдоль плеч (Вю **ваноYтыл'**) и на рукавах у плеч (Вю **коYривэн-jыт**). Кроме того, на подоле пришивали от двух до пяти параллельных полосок. Рубаха с такими нашивками называлась Вю **jaYлин-jэрнас, jэранк-jэрнас.** Расположение нашивок различалось в разных районах Васюгана: например, на притоке Васюгана Чертале их делали вдоль плеча, а в юртах Калганак пришивали поперек рукава в его верхней части. Более поздним типом была прямая рубаха на двойной кокетке со сборками на груди и спине вниз от кокетки. Линии кокетки украшались полоской ткани контрастного цвета, бисером, мелкими пуговицами. Нагрудный разрез на кокетке застегивался на пуговицу у ворота. Рукава делали с

манжетами, по низу подола пришивали две-три полосы из ткани, которой была отделана кокетка.

На Вахе рубаха-платье была прямого покроя, туникообразная, с нагрудным разрезом и невысоким воротником-стойкой. На спине вдоль стана пришивались клинья. Рукава — два прямоугольных полотнища — пришивались к стану перпендикулярно. Ластовицы и манжеты шили обычно из красной ткани. Нагрудный разрез был окаймлен красным сукном с нашитыми на нем пуговицами и бисером; на манжетах имелась нашивка из красного сукна с бусами, металлическими отливками и бисером. Были известны на Вахе и платья приталенного покроя, со значительным расширением к подолу и пришитой к стану широкой оборкой. Для дополнительного расширения подола платья половины спинки расширялись ниже талии.. Пройма была фигурной, рукава имели косой срез у нижнего основания и сужались к обшлагу, здесь к ним пришивали манжеты. Платье имело нагрудный разрез и отложной воротник.

Женщины на Васюгане летом поверх платья носили кафтан (Вю **кавтан**) из сукна, плюша и других толстых тканей. Эта широкая одежда без застежек и завязок запахивалась налево и подпоясывалась.. Спинка суживалась к талии и расширялась к подолу. Полки кроились прямыми. Между полками и спинкой вшивались фигурные вставки, к их нижнему основанию пришивали боковые полотнища, собранные в большое количество сборок. Пройма срезалась косо, рукав сужался к обшлагу. Воротник был отложной, иногда в виде стойки, с накладкой из ткани другого цвета. Укра-

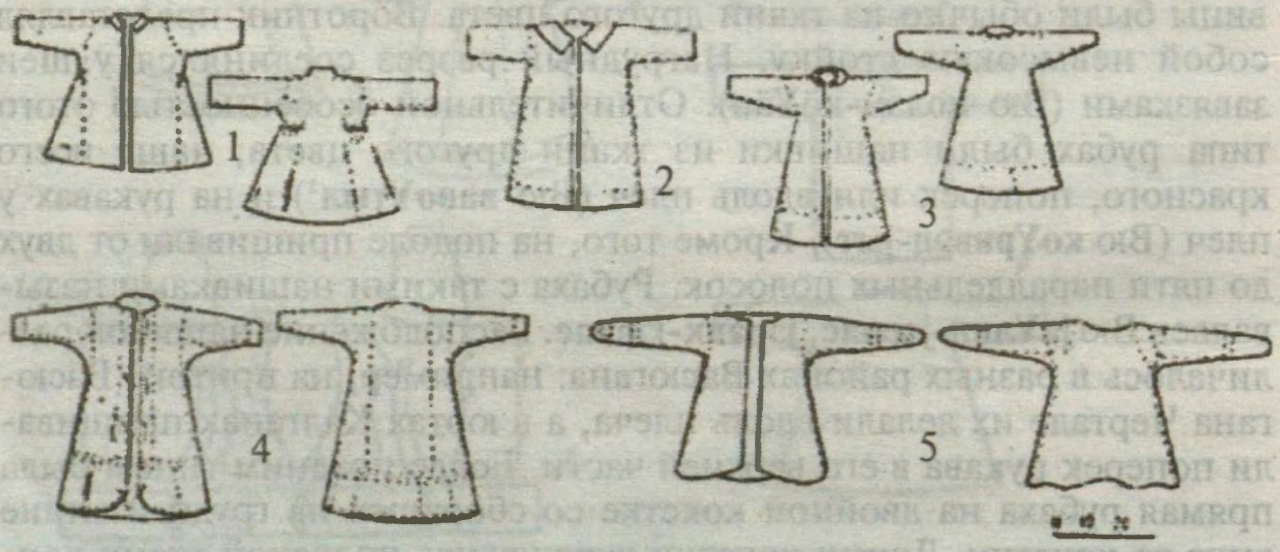


Табл. XI. Женская верхняя одежда: *1* — кафтан (р. Васюган); *2* — шуба (р. Обь); *3* — суконный верх шубы (р. Вах); *4* — верх шубы из оленьих шкур (р. Вах); *5* — подбивка шубы из оленьих шкур (р. Вах).

шение кафтана было небогатым. На правой полке на уровне середины груди пришивали типичное для васюганских хантов украшение (Вю **параY-лавəс**): прямоугольный или овальный кусок ткани (20х8 см), расшитый бисером, мелкими пуговицами, металлическими бляшками и др. На подоле, обшлагах и вдоль полок нашивали бисерные полосы либо аппликации из ткани, пуговицы и т.д. Верхнюю летнюю одежду женщин Ваха М.Б. Шатилов называет халатом, который отличался от мужского наличием украшений по вороту, обшлагам, подолу и борту правой полы.

Верхней зимней одеждой служили шубы (Ал, Вю **лупи**, **кроYни**; В **лöпы**; **лупе-ланге-лап-сох** — легкая шубка из лапок беличьего меха). Это распашная одежда длиной значительно ниже колен, которую запахивали налево и подпоясывали. Меховая часть и верх шубы имели одинаковый покрой. Стан состоял из спинки и двух полок. К подолу пришивали полосу с украшениями. Рукава были втачными, воротник — отложным. Мех для шубы сшивали из огромного количества, до 800 штук, беличьих или лисьих лапок, ушей зайцев, белки, горностая, располагая их в шахматном порядке. Подкладку делали иногда из шкур лебедей (Ал **кутым-соY**). Шубу покрывали сукном или другой грубой тканью, но нередко для этого применяли сатин или миткаль предпочтительно темных тонов. Воротник делали из шкурок или лапок лисы, из беличьих хвостов и другого меха. На полках иногда

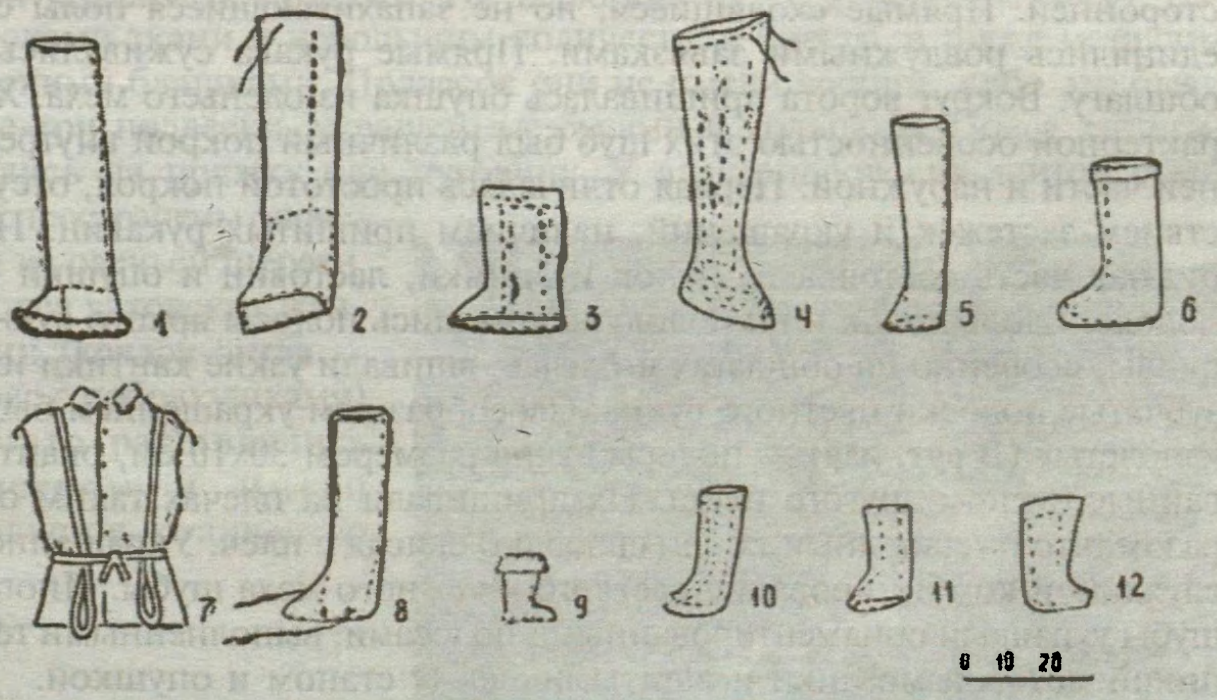


Табл. XII. Обувь: *1* — летняя; *2* — зимняя (р. Вах); *3* — зимняя мужская (р. Васюган); *4* — зимняя мужская (р. Вах); *5, 6* — меховые чулки (р. Вах); *7* — мужские подтяжки (р. Васюган); *8—12* — детская обувь (р. Вах)

Рис. 21. Женщина в шубе из шкур зайца. Фот. Е. Титаренко, р. Обь

пришивали завязки или одну пуговицу у ворота. Вдоль правой, иногда и левой полки по подолу и на обшлагах нашивались полоски составного меха, аппликации из ткани, бисер, бусы или мелкие пуговицы. Шуба имела украшение **параУ-лавəс.**

Женщины носили также шубы из оленьих шкур (Вю **карни**; В **кöлеУ, лöпы**). На Васюгане они встречались редко, а на Вахе являлись преобладающим видом зимней одежды[21].

Женская шуба из оленьих шкур у ваховских хантов была двусторонней. Прямые сходящиеся, но не запахивающиеся полы соединялись ровдужными завязками. Прямые рукава суживались к обшлагу. Вокруг ворота пришивалась опушка из оленьего меха. Характерной особенностью этих шуб был различный покрой внутренней части и наружной. Первая отличалась простотой покроя, отсутствием застежек и украшений, наличием пришитых рукавиц. Наружная часть состояла из полок и спинки, ластовиц и опушки на подоле. Вдоль полок и по подолу нашивались полосы яркого сукна, в швы, особенно на обшлагах и плечах, вшивали узкие кантики или зубчатые полоски цветного сукна. Своеобразным украшением были «эполеты» (В **рӳт, лäр**) — полосы сукна размером 30х10 см, окантованные сукном другого цвета. Их пришивали на плечах таким образом, что раздвоенный конец свободно свисал с плеч. Украшением служило и комбинирование светлого и темного меха шубы. Иногда шубы украшали орнаментированными полосами, выполненными техникой меховой мозаики и вшитыми между станом и опушкой.

[21] М.Б. Шатилов сообщает, что на Вахе женщины носят кумыш (1931. С. 71), но из его описания можно понять, что речь идет о распашной одежде, очевидно, о шубе.

Кроме двусторонних меховых на Вахе были известны шубы из оленьих шкур, покрытые тканью. Их покрой был таким же, как у внутренней части двойной шубы, но здесь имелись еще воротник и завязки. Спинка и полки верха шубы расширялись книзу, к ним пришивалась широкая опушка также из оленьих шкур. На полках имелись отверстия, сквозь которые проходили завязки от внутренней части. Вдоль боковых швов и опушки, в шов на спине и плечах, а также на обшлагах пришивались полосы сукна. На плечах имелись «эполеты».

Женская обувь по покрою не отличалась от мужской. Летней и осенней обувью служили **нир** с кожаной головкой и брезентовым или ровдужным голенищем. На Васюгане и в Александровском районе нередко эта же обувь служила и зимней. На Вахе в теплое время года женщины носили поршневидную обувь. Специальная зимняя обувь ваховских женщин была, так же как и мужская, двух видов. Комбинированная из меховой головки и суконного голенища обувь имела на носке треугольный клин из цветного сукна, расшитый бисером. Зимняя обувь, полностью сшитая из камусов, отличалась от мужской тем, что украшения в виде поперечных полосок из меха с прокладкой суконных кантиков располагалась не под коленом, а на подъеме ноги.

Кафтаны и шубы женщины подпоясывали ниже талии и по талии кожаными поясами. На Васюгане их украшали цветными полосками ткани и небольшим количеством бисера, а также металлическими бляшками. Подвесок они не имели вообще, либо это были две-три подвески, украшенные бусами и кольцами. Пояса застегивались на пряжку или пуговицу. У александровских хантов были распространены опояски из овечьей шерсти. Пояса ваховских женщин (**кочлән-әнтәв** — пояс с побрякушками) богато расшивались бисером и имели большое количество

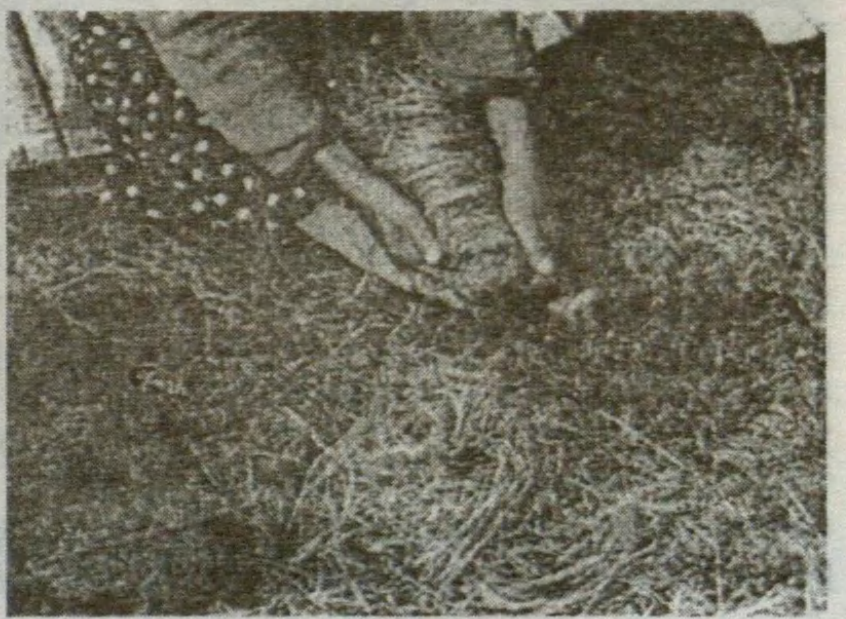


Рис. 22. Травяные обертки для ног. Фот. Н.В. Лукиной, р. Обь

металлических подвесок с зооморфными изображениями и геометрическими фигурами. Подвески прикреплялись на ровдужных ремешках с нанизанными крупными бусами. Бисерный узор на поясе обычно представлял собой полосу из мелких ромбов. Женщины очень дорожили поясами, передавали их по наследству и неохотно продавали. Женские рукавицы не отличались от мужских.

Единственным видом женских головных уборов были покупные платки. Носили их по-разному. При первом способе платок складывался углом вдвое и завязывался под подбородком. В другом случае платок в развернутом виде набрасывали на голову и шею и подвязывали двумя углами под подбородком. Третий способ ношения платка: сложенный углом платок завязывали на затылке, ближе к левому или правому уху, сильно закрывая лоб. Женщины, соблюдавшие обычай избегания, напускали платок на верхнюю половину лица. Зимой женщины надевали два-три платка, особенно когда ехали на оленях. Нижний платок закрывал лоб до глаз, концы его завязывали на затылке. Сверху надевали нарядный шелковый платок, сложенный углом вдвое и завязанный на затылке. Шали перекрещивали на груди и завязывали на спине.

Прически женщин были несложными. Волосы носили распущенными, а также заплетали в две косы, которые выпускали на спину или на грудь, если в них вплетали косники. Но чаще всего волосы у женщин были закрыты платком. Различий в прическах девушек, женщин и старух не наблюдалось. Украшения состояли из косников, серег, нагрудных украшений и колец. Косники (длиной 50—100 см) представляли собой полоски ткани, расшитые бисером и имеющие на концах кисти из нескольких полосок, также расшитых бисером, с подвесками в виде металлических бляшек, колец, крупных бусин и др. Такие косники (Вю **коУсэм**) накладывали серединой на затылочную часть головы, а концы их вплетали в косы. Они могли быть и короткими, каждый косник вплетался в косу. Косник мог также соединять концы кос как бы перемычкой, косы носили в этом случае перекинутыми на грудь. Серьги (Вю **рант**) были покупными, иногда их делали из нитей мелкого бисера с медными шариками на концах. Нагрудными украшениями служили бисерные нити с крупными бусинами либо полукруг из замши и ткани, расшитый бисером и мелкими пуговицами. Украшением, почти вышедшим из употребления в конце XIX в., была полоса сукна или бумажной ткани (Вю **парры-нур**), надеваемая на плечи. Концы ее соединялись на груди поперечной полосой такой же ткани. Ее расшивали бисером, мелкими пуговицами и металлическими бляшками. На всех

пальцах рук носили кольца (Вю **jyj-вəY**; В **loj-вəY**), предпочтительно из белого металла. Иногда несколько колец надевали на один палец. Браслеты (Вю **кöтсар**) были распространены мало.

Особой праздничной одежды не существовало, обычно надевали более нарядное платье, кафтан, большее количество украшений. Подробных сведений об обрядовой одежде нет. Пожилые женщины готовили себе заранее «смертное» платье. Если такого не оказывалось, умершей шили новое платье обычного покроя и надевали поверх нескольких старых. Носить одежду и обувь умершего человека было запрещено обычаем, часть ее надевали на умершего, часть складывали в гроб или развешивали на деревьях вблизи кладбища.

Зимой на промысел женщины надевали очень широкую юбку или платье, а верхней одеждой служила чаще всего шуба из беличьих лапок, длиной до середины бедер. Шубу подпоясывали длинной опояской, на которую подвешивали нож. За опояской носили топор, на правое плечо вешали сумку с боеприпасами, на левое — ружье. По некоторым сведениям, женщины-охотницы на Васюгане поверх шубы иногда надевали мужской охотничий шабур.

Детская одежда не имела существенных отличий от взрослой. Новорождённого ребенка завертывали в тряпки или заячью шкурку, на второй день ему шили рубашку. Рубашки мальчиков и девочек имели покрой рукава «реглан», все швы выполнялись наружу. В два-три года девочке шили первое платье (В ö**Yали-jэрнас**), а

Рис. 23. Женская осенне-зимняя обувь. Фот. Н.В. Лукиной, р. Обь

Рис. 24. Детская зимняя обувь. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

мальчику рубашку (В **пəYəли-jэрнас**), покрой которых не отличался от одежды взрослых. На Вахе ребенку, находящемуся в колыбели и начинающему ходить, шили обувь (**викинтики-нир** — суконная обувь). Все швы выполняли наружу и обшивали кантами из яркого сукна, отворот на голенище имел широкую полоску яркого сукна.

В четыре-пять лет дети имели полный комплект одежды, отличающейся от взрослой только размерами и материалом. Детские шубки шили из птичьих шкурок, малицы — из шкурок зайца или молодого оленя, меховую обувь — из камусов телят оленя или лося. На Вахе девочкам наряду с шубками шили и малицы, так как в них было теплее. У детских малиц концы рукавов зашивались куском оленьей шкуры, чтобы у ребенка не мерзли руки. На внутренней стороне рукава, немного выше ладони, делали продольный разрез, через который ребенок вынимал руку. Затылочную часть капюшона украшали меховой мозаикой. Кумыш детям не шили.

Детская обувь была более разнообразной, чем у взрослых. Кроме упомянутой суконной обуви дети носили обувь из камусов молодых оленей (В **окам-вэлă-нир** — маленького ребенка обувь, **окəм-вэлă-кол-'л'ы** — маленького ребенка кисы). В отличие от взрослой она была длиною до колен. Если обувь становилась ребенку мала, ее увеличивали, вставляя полоски шкуры в голенище и подошву. Вверху к голенищу пришивали опушку из меха колонка, лисы и других пушных зверей, оно могло быть украшено меховой мозаикой. Дети носили также камусы мехом внутрь, снятые с ног оленя без разреза и затем зашитые на подошве. Летом мальчики носили обувь из ровдуги (В **тоYоноллам-нир** — ровдужная обувь, **пəjəли-ныpыYəн** — мальчика обувь), изготовленной из тонких частей шкуры лося или оленя. Ее покрой совпадал с покроем суконной обуви. Головку-голенище шили мездрой наружу, подошву делали из шкуры ворсом наружу, ворс подрезали. По бокам у щиколотки пришивали ременные завязки, которые проходили сквозь петли, вшитые между подошвой и головкой примерно на середине ступни, а затем завязывались на подъеме.

Детские рукавицы не отличались от взрослых. Головные уборы детей были подобны взрослым. Кроме того, на Вахе у девочек были капоры из шкурок птиц или пушных зверей, а у александровских хантов мальчики носили шлемовидные головные уборы. На Вахе дети носили и нагрудные украшения: кусок ткани в форме полумесяца расшивали бисером, к нему пришивали перекрещивающиеся нити бисера с крупными бусинами в местах соединения нитей.

Семейно-возрастных отличий в одежде не наблюдалось. По качеству материала, а иногда и покрою несколько выделялась лишь

детская одежда. Одежда подростков, молодых и пожилых людей не различалась, так же как не различалась одежда холостых и состоящих в браке людей. Нет сведений и о социальных различиях в одежде. У зажиточных людей не наблюдалось стремления к накоплению одежды как признаку их богатства. Изношенную одежду ханты развешивали на сучках деревьев. Обычай запрещал вышедшую из употребления одежду и обувь бросать на землю.

При анализе материалов по одежде васюганских, александровских и ваховских хантов выявляется, что в данном разделе материальной культуры каждая из исследуемых групп обладала большей спецификой, чем, например, в жилище, средствах передвижения и др. У васюганских и александровских хантов устойчивее сохранялась распашная одежда, на Вахе уступавшая место глухой; некоторые особенности имела нательная одежда и обувь у каждой из названных групп, наблюдались различия в производственной одежде. Однако сходство одежды всех групп в тех ее элементах, которые не связаны с оленеводством, позволяет допустить, что в более ранний период эта часть их культуры имела больше общих черт.

Утварь и пища

Домашнюю угварь, необходимую для приготовления и хранения пищи, хранения одежды и мелких вещей, а также постельные принадлежности изготовляли из бересты и дерева, шкур и тканей, рога и кости. Коробки и сосуды изготовлялись по большей части из бересты, среди них выделяются два типа. Сосуды первого типа — цилиндрические и подпрямоугольные в плане были разных размеров, от самых маленьких и до вмещающих несколько ведер (табл. XIII — 1, 2). В зависимости от размеров стенки сосудов делались из одной или нескольких полос бересты темной стороной наружу. Они могли быть двойными, при этом вторая стенка обращалась внутрь сосуда также темной стороной. На нижний край сосуда или коробки надевали черемуховый обруч и пришивали вместе с дном. К верхнему основанию пришивали два обруча — с внешней и внутренней сторон. Крышка была вкладной и плотно входила в сосуд. Описанные вместилища, используемые для хранения мелкой посуды или сухих продуктов, назывались В **малчы**, Вю **мальджи**; если же в них хранились швейные принадлежности, то они назывались **jэныл'**.

Иное устройство и назначение имели сосуды второго типа, называемые **соYон** (табл. XIII — 3, 4). В отличие от **малчы** у **соYон** внешний белый слой бересты был обращен наружу. Изготовляли их из четырехугольного куска бересты, у которого отгибали и прошивали

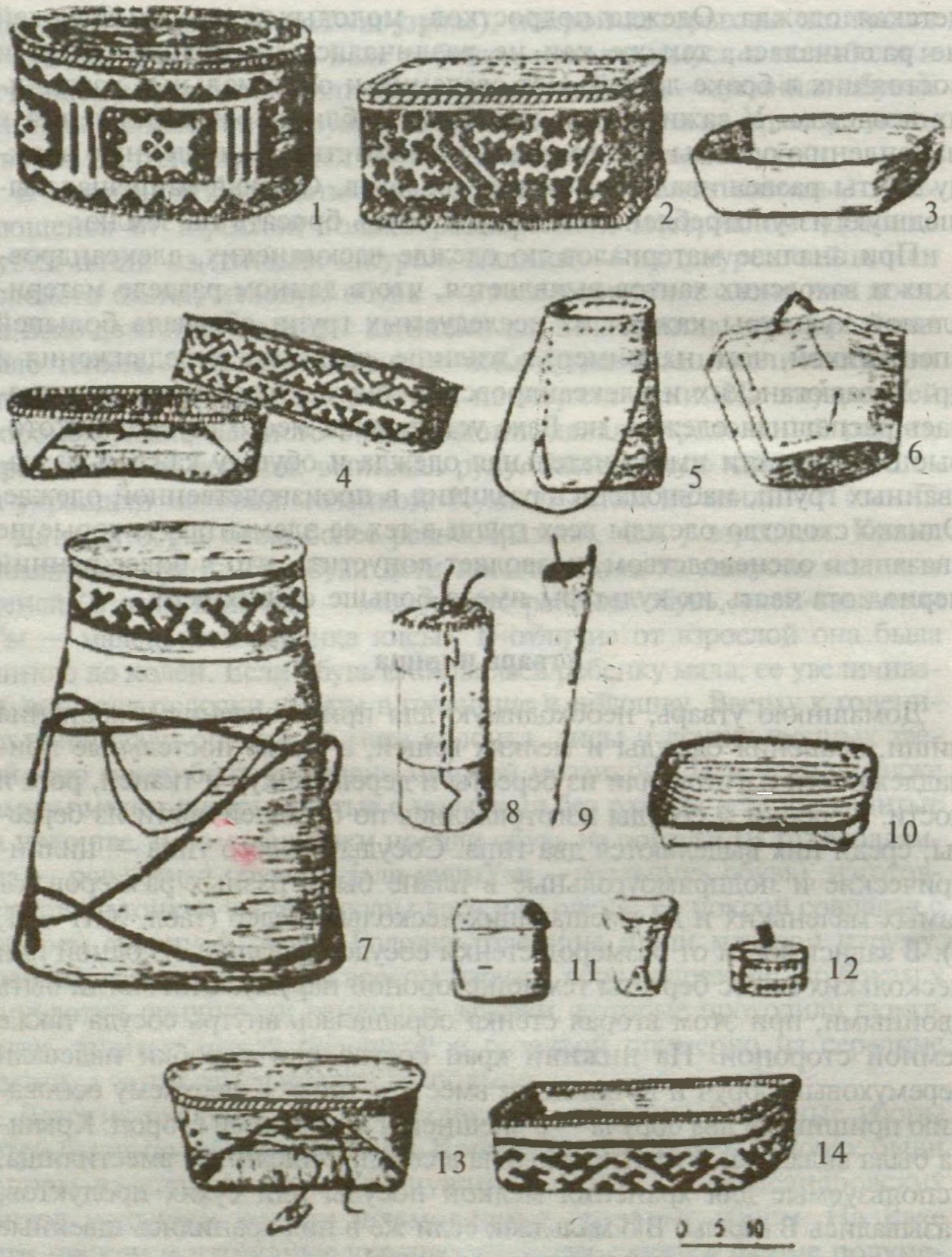


Табл. XIII. Утварь из бересты: *1, 2* — коробки для сухих продуктов и материалов; *3, 4, 14* — водонепроницаемые сосуды; *5, 6* — набирки для ягод; *7* — заплечный кузов; *8* — туес (р. Васюган); *9* — сосуд для растапливания клея (р. Вах); *10* — сито для муки (р. Вах); *11* — коробка (р. Васюган); *12* — табакерка; *13* — коробка для боеприпасов (р. Васюган)

углы, а к верхнему краю пришивали обруч. Такие сосуды были непроницаемы для жидкостей. Их применяли для вычерпывания воды из лодок, переноски рыбы и воды, хранения варки, а также для кормления собак. При сборе дикорастущих ханты пользовались «набирками» (В **кил'**, Ал **вынтов**) и заплечными кузовами (**кынт**). Оба сосуда имели одинаковое устройство. Длинную полосу бересты перегибали вдвое, края ее накладывали один на другой и прошивали саргой. «Набирка» подвешивалась на шею либо прикреплялась к поясу. Кузов имел бóльшие размеры, носили его за спиной.

На Васюгане была известна техника изготовления коробок из бересты, аналогичная шорской. Продолговатая, овальная в плане коробка имела стенки из берестяных пластинок, один край которых был вырезан зубчиками. Таким же способом изготовлялась крышка, дно было деревянным. Здесь же мужчины изготовляли из бересты туеса (**туjас**, **тӱӱзек**) для хранения рыбы и других продуктов. Для растапливания клея употреблялись берестяные воронки (В **эjэм-пут**), вставленные в расщепленную палку. Это приспособление является, вероятно, реликтом применяемого раньше способа приготовления пищи в берестяных сосудах на костре, сохранившегося только в памяти народа. Ваховские ханты просеивали муку через берестяные сита с пробитыми в дне отверстиями. У них же известны и берестяные ведерки с деревянными или лыковыми ручками. Берестяная утварь являлась необходимым атрибутом каждой семьи и приносилась женщиной в качестве приданого в дом мужа, а также служила для обмена подарками. Богатая орнаментация берестяной утвари — характерная черта васюганско-ваховских хантов. Это особенно заметно при сравнении с бедной орнаментацией их одежды.

Интересным предметом утвари васюганско-ваховских хантов были плетенные из кедрового корня коробки (В **jокмын'**; Вю **крӓник**), известные под русским названием корневатик. Коробки имели круглую или квадратную форму, выпуклые стен-

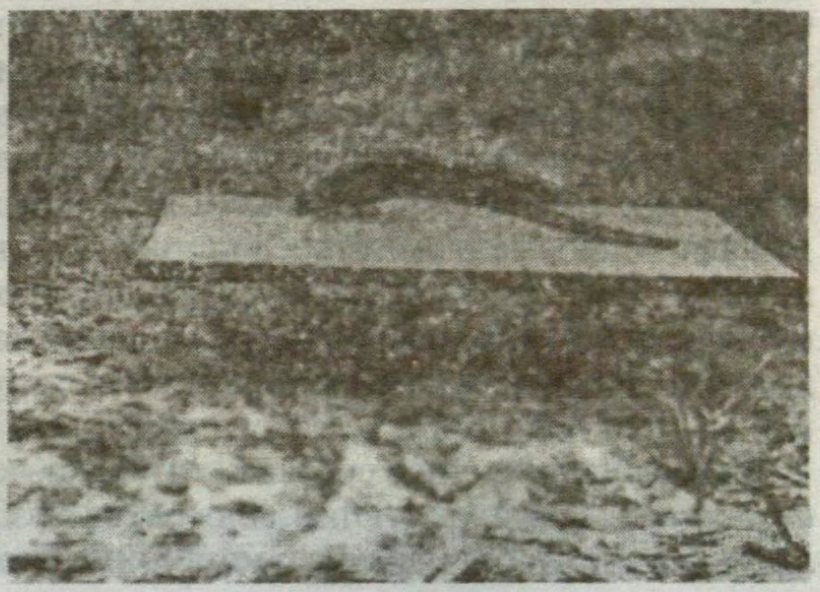


Рис. 25. Столик и черпак. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

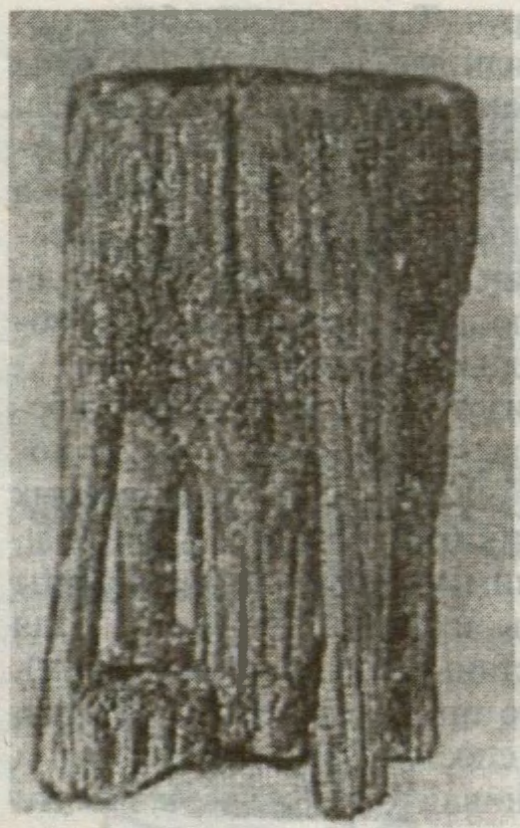


Рис. 26. Ступа для черемухи. Фот. Н.В. Лукиной, р. Васюган

ки и крышку с ременными завязками. Пищу варили в медных котлах (**пут**), приобретаемых у русских. Но котлы были известны хантам, видимо, еще до знакомства с русскими. Котел упоминается часто в фольклоре, его название было перенесено на чайник (В **чаj-пут**). Мясо и рыбу вытаскивали из котлов большими ложками-черпаками (Вю **jуj**, В **лəj**, **люй**). Черпак (20х25 см) был круглым, вытянутым в длину или ширину, иногда с мысиком посредине переднего края. Для вытекания жидкостей в дне делали отверстия. Из черпаков пили бульон, ими набирали снег для получения воды и т.д. Известны были и небольшие деревянные ложки (Вю, Ал **пəн'**; В **пəн**). Кроме обычного назначения они служили также атрибутом при гадании шамана.

Рыбу подавали в неглубоких деревянных корытцах с округлыми краями (длиной 74 см, шириной 28 см, глубиной 8 см). В этих же корытцах ставили тесто, для размешивания его служили деревянные лопаточки. Васюганские ханты в большей мере, чем ваховские, пользовались деревянными чашками и кружками, вырезанными из березы или нароста на березе. Чашки (Вю **агаш-аяк**) с поддонами украшали несложным орнаментом. Васюганские ханты умели изготовлять бочки из деревянных чурок, а ваховские — из березовой коры. На Васюгане пользовались ступами для толчения покупного ячменя и черемухи. Ступа (высотой 80 см, диаметром 30 см) напоминала по форме рюмку, соединенную с широким поддоном тремя ножками. Для приготовления рыбной муки использовали корыта (В **пут-семете-юг-куро**, **jуY-куры**). Корыто выдалбливали из колоды длиной 150–200 см, шириной 30–40 см, глубиной 20–30 см. Деревянный пест длиной до 150 см имел тупой клинообразный конец.

Для приготовления состава из табака, который клали за щеку, служили небольшие ступки (Вю **саYыj-пуY**; В **лёвор-роготы-кавар**, **луват-рогыта-когол**). На Васюгане они изготовлялись из березово-

го нароста и имели форму ковша, а на Вахе — форму рюмки с непропорционально большим пестом. Хранили состав в маленьких табакерках (Вю **тымаY-мын'**; В **тельта-мынь**), изготовленных из бересты, а иногда из жести. Трубки (В **канса**, **кäнсä**) изготовляли из дерева, металла или рога либо комбинировали из тех же материалов. Они имели различную форму и украшались обычно металлическими пластинками или кружками.

Убранство жилищ было небогатым. Во время приема пищи пользовались низкими столиками (В **пäсäн**) из кедровой доски с вырезанными из этого же куска дерева четырьмя ножками. Каждая семейная пара имела свой столик. Постельные принадлежности состояли из подстилок (В **ныpва**), одеял (В **лунгва**) и подушек (В **смəкырəY**). Подстилками служили циновки, шкуры оленей и лосей. Васюганские ханты использовали в качестве одеял большие шубы, а на Вахе обычно накрывались оленьими шкурами, иногда имевшими клапан для ног. Квадратные подушки делали из птичьего пера. Под голову во время сна клали также свернутую верхнюю одежду, мягкие сумы и др. Каждая семья обязательно имела полог (В **олов**, **олəв**), служивший главным образом защитой от гнуса.

Детские колыбели были двух видов: ночные (В **ыл-амтəв**) и дневные (В **нум-амтəв**). Как правило, первые изготовляли из бересты, а вторые из дерева, однако это деление соблюдалось не строго. Дневные колыбели отличались от ночных наличием спинки, но были известны и ночные колыбели со спинками. Берестяная ночная колыбель имела форму прямоугольной плоской коробки длиной 60 см, глубиной 10 см, при ширине в головной части 24 см, а в ногах— 18 см (табл. XIV — 1). Стенки скрепляли по верхнему краю черемуховыми обручами; над изголовьем к ним прикрепляли тонкую черемуховую дугу, на которую накидывали платок. К боковым стенкам привязывали несколько ременных петель, сквозь которые пропускали бечевку-шнуровку. На дно насыпали гнилушки, на них клали мягкую подстилку. У александровских хантов были ночные колыбели, подобные дневным, но с вертикальной и относительно низкой спинкой (табл. XIV — 3).

Дневной чаще всего служила деревянная колыбель (табл. XIV — 4). Она имела в плане овальную форму и расширялась к изголовью. Ее стенки представляли собой изогнутую доску, к которой прикреплялось деревянное дно. Спинка была деревянной и немного отклоненной назад, в ее верхней части прорезали крест. К спинке и боковым стенкам привязывали веревочные петли, которыми подвешивали колыбель на специальный крюк или какой-либо выступ.

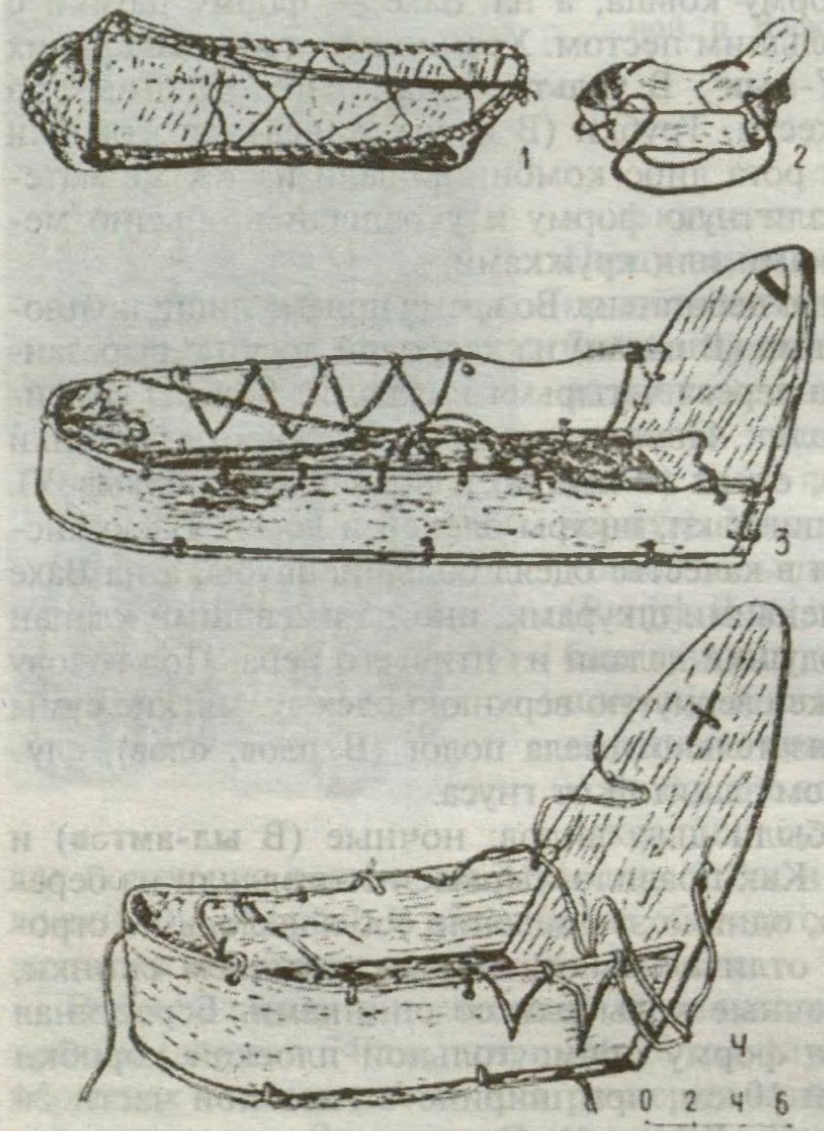


Табл. XIV. Колыбели: *1* — ночная; *2* — дневная (модель, р. Васюган); *3* — ночная (р. Обь); *4* — дневная (р. Обь, Вах)

Деревянную колыбель зашнуровывали так же, как и берестяную.

Внешнюю сторону ее спинки обычно украшали подвесками, побрякушками, здесь же привешивали мешочек с пуповиной ребенка, с которым связывалось его благополучие. Деревянную колыбель могли передать по наследству, а пришедшую в негодность уносили в лес и подвешивали на дерево. На Васюгане дневные колыбели изготовляли не только из дерева, но и из бересты, при этом они повторяли форму деревянных (табл. XIV — 2). Изготовляли их из цельного куска бересты, у которого делали по два косых разреза на нижнем и верхнем концах, а затем складывали в форме коробки. Одна из стенок была выше других и представляла спинку. К верхним кромкам колыбели пришивали черемуховые обручи. Дневные колыбели имели берестяные вкладыши с гнилушками.

Очевидно, колыбель со спинкой у васюганско-ваховских хантов является более древней. Об этом говорит ее универсальность: в зависимости от угла наклона она могла служить и для сидения, и для лежания. Такие колыбели украшали, с ними обращались особенно бережно. Берестяная же колыбель без спинки могла вначале служить вкладышем в основную, а позднее стала играть самостоятельную роль. Об этом говорит и терминология. Хантыйское на-

звание дневной колыбели **нум-амтəв** буквально означает верхняя колыбель, а ночной — **ыл-амтəв**, то есть нижняя колыбель. Эти понятия отражают употребление колыбелей не по временам суток, а по местоположению их относительно друг друга.

Широкое распространение имели различные мешочки и сумочки из рыбьей кожи, звериных и птичьих шкурок, тканей. Они служили в качестве кисетов и кошельков, а также для хранения пищи, одежды, швейных принадлежностей и т.д. Из кожи налима шили непромокаемые мешочки (В **сыУ-сθУлы-кырəУ**) для хранения порсы, сухого мяса, муки. Они имели продолговатую, расширенную книзу форму. Александровские ханты изготовляли также мешки из стерляжьих кож. На Вахе были известны мешочки из шкурок с лап лебедя, сшитых таким образом, что на наружной стороне внизу оставались когти. Женщины хранили в них украшения, различные мелкие вещи. Другой вид сумок для хранения швейных принадлежностей и аксессуаров одежды был в форме вытянутого овала (В **јанта-кырəУ**). Размеры их варьировали незначительно (40х25 см, 25х14 см). Шили сумки из ровдуги, оленьих камусов, украшали полосками цветного сукна и бусами. Отверстие сумки стягивали с помощью ровдужных завязок, вшивное дно из ровдуги делало ее очень объемной.

Использовались также мешочки для продуктов (В **кырəУ**), изготовленные из тканей. Чаще всего их сшивали из разноцветных треугольных лоскутков. Кисеты для табака (В **масн'а**) изготовляли из лоскутков или цельного куска ткани. Шили кисеты и из замши в виде полукруглого мешочка (14х14 см), стягивающегося ремешком. Ваховские ханты изготовляли небольшие сумочки (13х15 см) в виде двух карманчиков — наружного и внутреннего — с общим отверстием.

Рис. 27. Женская сумка для рукоделия. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

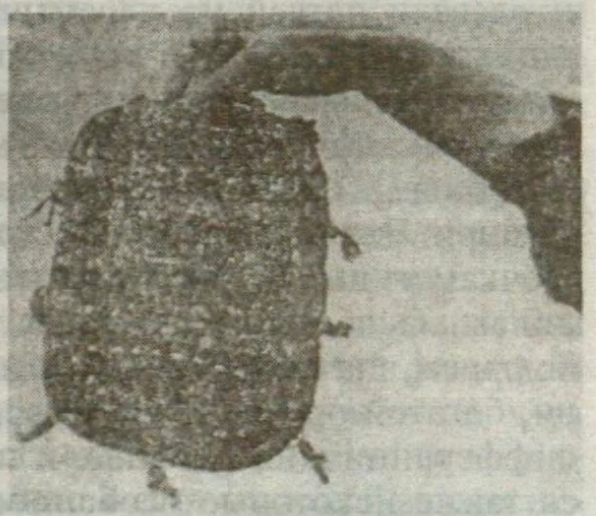


Рис. 28. Игольник. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

В зависимости от назначения они носили разные названия: В **н'ал-кырəY** — для патрончиков к мелкокалиберной винтовке, В **кавлäк** — для денег. Такие сумочки носили мужчины, заложив их одной половинкой за пояс.

Женским предметом утвари были игольники (В **нäмä**, **нäмəт**). Их устройство, форма и размеры варьировали незначительно, поэтому они могут быть отнесены к вариантам одного типа. Чаще всего это был прямоугольный кусок ткани с закругленными углами. Игольник другого вида, также из ткани, состоял из двух карманчиков с общим отверстием. К таким игольникам прикрепляли наперсток и крепилку для сухожильных ниток, нередко их украшали бисером или подвесками с нанизанными бусами. На Вахе встречались и комбинированные игольники: снаружи они были из ткани и вышивались бисером, подшейным волосом или нитками, а внутри — из тонкой кожи. Наперсток вкладывали через отверстие на внутренней части. Нередко в таких игольниках женщины хранили и деньги. Эта разновидность игольников, по нашим данным, была заимствована ваховскими хантами у тазовских селькупов. Трубчатые игольники васюганско-ваховскими хантами почти не использовались.

Для хранения сухожильных ниток применяли крепилки (Вю **панансасын-лоY**; В **пана-лоY**) двух видов. Первый из них представлял собой двойную косточку из предплечья гагары или лебедя и был более распространен на Вахе. На Васюгане крепилки изготовляли из мамонтовой кости, рога или кости оленя и лося. Чаще всего это были пластинки геометрической формы (9х6 см) с фигурными прорезями, украшенные орнаментом в виде сочетания зубчиков, точек, пересекающихся линий и т.п. Сухожильные нитки складывали вдвое и одевали петлей на перемычку крепилки. На Вахе нитки также заплетали в косичку и наматывали на крепилку.

Значительная часть охарактеризованных предметов утвари, объединяя васюганско-ваховских хантов, имеет в то же время сходство с подобными предметами у остальных хантов и некоторых народов Сибири. Это относится к посуде и другим изделиям из бересты, мешочкам из шкур животных, птиц, рыб, деревянным черпакам и столикам. Особенность исследуемых нами хантов можно видеть в большем значении тканей в изготовлении некоторых видов утвари, богатой орнаментации берестяной посуды, отсутствии строгой дифференциации дневных и ночных колыбелей и т.д. Выявляются также некоторые особенности в утвари васюганских и ваховских хантов. Так, у первых бытовали своеобразные крепилки для сухожильных ниток и большее значение имела деревянная утварь,

а вторые использовали некоторые виды мягкой утвари, заимствованные, очевидно, у северных соседей.

Мы не останавливаемся подробно на описании пищи. Большинство ее видов и способов приготовления было одинаковым на Васюгане и Вахе. Но были и некоторые различия. В пищевом рационе васюганских хантов большую роль играла черемуха. Здесь умели готовить блюда из молотого ячменя. Основу мясной пищи составляло мясо лося. Наличие домашних оленей у ваховских хантов обусловило частичное употребление их в пищу. Следует отметить преобладающую роль рыбы в питании народа. Об этом говорит многообразие способов ее приготовления, большое количество запасаемых впрок рыбных продуктов, а также признание рыбы как самой сытной пищи. Рыба имела большое значение и в питании других групп хантов. В этом отношении они отличаются от ненцев, кетов, эвенков, для которых основу пищи составляло мясо. Частое употребление в пищу сырой рыбы и мяса — общехантыйская черта, свойственная и многим другим народам севера Сибири. Характерная особенность рыбной пищи васюганско-ваховских хантов — приготовление ее без приправ на первой стадии (сушка, вяление, поджарка) и смешивание рыбных продуктов с растительными при употреблении в пищу. Приправы из ягод к рыбной и мясной пище были известны у многих финно-угорских народов, кетов, эвенков, ненцев. Так же, как у хантов других групп, на Васюгане и Вахе не употреблялись в пищу грибы. Это же было характерно для селькупов, кетов и кочевавших в Нарымском крае эвенков.

В основе традиционного хозяйственного цикла васюганско-ваховских хантов в конце XIX — начале XX вв. лежало комплексное рыболовно-охотничье хозяйство, в котором преобладали способы и орудия промысла для личного потребления. Появление новых орудий связано с развитием товарного пушного промысла, частично и товарного рыболовства. Оленеводство было известно не повсеместно и служило транспортным целям. Потребность в пище, жилище, одежде, транспорте и т.д. удовлетворялась преимущественно в рамках натурального хозяйства, при этом максимально использовались местные материалы. Для хантов характерно стремление к тщательной обработке материалов или предметов и доведение каждого изделия до совершенной формы. В последовательности и правилах изготовления любой вещи проявлялся огромный коллективный опыт, закрепленный традицией. Освоение новых материалов и изделий происходило в этот период главным образом под влиянием местного русского населения, среди которого ханты находили бескорыстную помощь и поддержку.

Глава II

Духовная культура

Народные знания

Рациональные народные знания хантов, верно отражающие содержание и связи объективного мири, базировались на производственной деятельности, на огромном коллективном и индивидуальном опыте. Основные занятия — рыболовство и охота — требовали хороших знаний физико-географических особенностей местности, биологии животных, метеорологии и т.д. Материалы по способам добычи зверя и рыбы свидетельствуют о положительном опыте, накопленном в течение многовековых наблюдений за повадками объектов промысла. Этот приобретенный на производственной основе опыт передавался из поколения в поколение. Признание действия якобы существующих сверхъестественных сил не всегда искажало его рациональность. Так, например, ханты верили, что встретившийся в лесу медведь — это умерший родственник, желающий теперь вернуться в общество людей, но вместе с тем существовал целый ряд вполне рациональных правил охоты на медведя. Нужно было иметь при себе испытанное на прочность древко рогатины и не менее двух собак, а при запоре берлоги выполнять ряд продуманных действий. Эти правила, кстати, были освоены и использованы многими русскими промысловиками, не разделявшими мировоззрения хантов. Вера в то, что умилостивление лесного духа способствует успеху в предстоящем промысле, не освобождала ханта от тщательного и всестороннего анализа места промысла. Кроме того, охотник при расстановке ловушек соблюдал меры предосторожности. Изготовление ловушек, лыж, лодок, нарт требовало аккуратности, точности и знания свойств отдельных пород деревьев.

Характерно, что охотник, оказавшись в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств вдали от обжитых мест, без оружия и огнедобывающих средств, прежде всего обращался к использованию местных материалов и только в случае благополучного исхода «благодарил духа». Он мог на месте добыть огонь, изготовить ловушки на зверя, запорное

устройство на рыбу, временное жилище, одежду, обувь, а иногда и средство передвижения. Можно привести немало других примеров, демонстрирующих исключительную приспособленность хантов к окружающей среде, их умение использовать в нужном качестве подручный материал, что, бесспорно, свидетельствует о наличии существенного рационального элемента в отношении их мышления к действительности. В силу определенных причин эти люди сами порой были бессильны в объяснении и оценке своих собственных достижений, но это уже другой вопрос и другой аспект их культуры.

Важным фактором в жизни народа, занимающегося охотой и рыболовством, была погода (**торəм**), наблюдения за ней находят выражение в ряде примет. Ваховцы знали, что появление светлого кольца вокруг луны — к морозу, северное сияние — к бурану, расположение солнечных лучей вверху — к морозу, а вниз — к потеплению, купание птиц в воде — к дождю. На Васюгане образование кольца вокруг луны считалось предвестником бурана, при ясном Млечном пути ожидали ясной погоды, а при его затуманивании — снежную бурю, сбор ворон в стаи и их громкие крики предвещали изменение погоды. Хантам было известно, например, что ранний прилет птиц предвещает раннюю весну; посветление шкурки белки сигнализирует о скором наступлении зимы, при ярком зимнем солнце следует ждать длительных морозов; в сильные морозы с неба сыплется изморозь (**В саӮвəл**), при которой значительно холоднее.

В способах ориентации хантов проявлялась конкретность их мышления и языка. Так, названия географических объектов в большинстве случаев соответствовали их внешне выраженному содержанию, отмечая самую характерную особенность. Достаточно охотнику было попасть на берег реки, где следов горностая было больше, чем в любом другом месте, как ему становилось ясно, что Сасёган — Горностаева река. Такой факт для охотника являлся уже первоначальной привязкой, указывающей на его приблизительное местонахождение. Хорошо развитая локомоторная память позволяла с первого раза запомнить все особенности пройденного пути и считать эту местность освоенной; позднее ориентирами здесь служили отдельные болота, бугры и т.п. Свой путь отмечали затесами на деревьях или надломленными ветвями[22], осенью на них развешивали мох, а в начале зимы с них стряхивали молодой снег.

Продвигаясь по незнакомым местам, охотник мысленно как бы вычерчивал схему своего пути, не теряя представления о сторонах

[22] По воззрениям васюганцев, **Торум** по надломленным ветвям определяет, что это — дорога человека, а другие пути в лесу — это дороги духов (**јунк-лӧк**).

света, о направлении течения встречных рек, запоминая количество поворотов и другие вехи своего пути. При необходимости он мог вычертить на песке весь пройденный им путь, восстановив все отклонения и повороты и определив, в какой стороне его дом. Но самое удивительное — это наличие у хантов особого чувства, которое позволяло им в течение любого сложного пути сохранять ощущение его исходной точки. Как уже говорилось, ханты вели полуоседлый образ жизни, совершая сезонные перекочевки. Обычно конечным итогом любого пути было возвращение к дому, с которым не утрачивалась мысленная связь. Ориентация осуществлялась по солнцу, луне, звездам, ветру, деревьям. Не все умели ориентироваться достаточно хорошо, поэтому при дальних походах на промыслы среди охотников был опытный проводник.

Познания в области народной медицины у исследуемых групп хантов были невелики. В охране здоровья и жизни они более склонялись к превентивным мерам, часть которых имела явно рациональный характер. К ним относились правила общественной и личной гигиены и разного рода запреты, основанные на положительном опыте. Самостоятельно излечивали главным образом раны, головную и зубную боль, кровохарканье, расстройство желудка. Средства излечивания состояли из продуктов растительного и животного мира, процесс их изготовления и употребления был несложен. Раны или ожог смазывали медвежьей желчью[23]; на больной зуб клали нагар с трубки или прикладывали к щеке горячую золу; от кровохарканья пили отвар черемуховой коры, приготовленный в закрытой посуде, или ели мясо выдры, собаки; при расстройстве желудка детям давали отвар грибовидного нароста на кедровом дереве; чай, заваренный чагой, расценивался как противоглистное средство. Знания о лекарственных составах и умение ими пользоваться не были прерогативой отдельных лиц, хотя, несомненно, были люди более или менее сведущие в этих вопросах. Отмечая слабое развитие народной медицины, следует учитывать воззрение хантов на причины болезни и смерти человека, где имели место объяснения как близкие, так и далекие от действительности.

В системе мер отсутствовали точные образцы-эталоны. Единицы измерения были связаны с отдельными частями человеческого тела, окружающими предметами, явлениями природы и физическими действиями. Значительная часть мер была условна, если можно так выразиться, индивидуализирована, ибо определялась особенностями фи-

[23] По наблюдениям хантов, раненый медведь отрыгивает желчь и смазывает ею свою рану.

зического строения того или иного человека, скоростью его передвижения, восприятием и оценкой отрезков времени и т.п. Наряду с такими более или менее определенными мерами, как длина ногтя, размах рук и др., существовали и совершенно условные, например, о толщине предмета могли сказать: «должен просвечивать», о времени — «семь котлов можно вскипятить». В ряде случаев производилось сравнение двух предметов, и единицы измерения вообще не применялись. Например, при изготовлении жильника для запора его высоту соотносили с глубиной воды, которую измеряли палкой.

Наиболее разработаны были меры, связанные с пальцами рук. Длина ногтя большого пальца (Вю **конч**) определяла толщину стенок обласка; длина ногтя безымянного пальца или ширина указательного пальца — толщину подшитых лыж под ступней; толщина полоза ручной нарты в его средней части соответствовала толщине пальца, а на концах была меньше; деревянные пластины на дне кузова ручной нарты были шириной в два пальца, а на стенках — в полпальца. Ханты широко применяли меру длины, соответствующую русской четверти (**сорт**) — расстояние от конца вытянутого большого пальца до конца вытянутого указательного; им была известна и большая четверть (**әллә-сорт**) — расстояние между концами большого и среднего пальцев, а также **сири-сорт** — расстояние от конца большого до сгиба указательного пальца. В некоторых случаях применялись смешанные меры, например, ширина подволок на Васюгане составляла одну четверть и два сустава среднего пальца. Мера локоть (Вю **куны**) — расстояние от концов пальцев до локтевого сгиба — служила для определения ширины ручной нарты.

Расстояние между концами пальцев вытянутых рук называлось Вю **jул'**; В **лθл** и использовалось для определения длины нарт, луков, сетей. При выборе дерева для долбленой лодки толщину его измеряли обхватом рук. Мерой служил шаг (Вю **көрәм**, **кθрмә**). Рост человека являлся мерой длины его лыж. При изготовлении некоторых предметов нужно было соотносить их размеры с другими. Охотникам, промышлявшим вместе, желательно было иметь нарты одинаковой ширины, чтобы тянуть их след в след; ширина нарт должна была равняться ширине двух лыж, по следу которых их тянули. Высоту определяли мерой **унт**, например, **н'θҮәс-унт** — соболя мерка — расстояние от земли до стрелы лука-самострела, установленного на соболя; **пθр-унт** — высота шпеньков, вбиваемых в облас при его выдалбливании (Steinitz W. 1967. S. 120).

Для измерения больших расстояний существовало понятие **чонҮонтәр** (В), приблизительно равное километру. При продвижении

по воде длина пути определялась количеством песчаных отмелей (Вю **сəj**); в пеших переходах — числом ночевок или днями, например, «два дня ехать» или «два дня пешком идти». Во время поездок на оленях, по естественной надобности последних, было необходимо делать остановки через определенные промежутки времени, число таких остановок служило мерой расстояния и времени.

Глубина воды не измерялась определенными единицами, что вполне объяснимо из взаимоотношений человека с водой. Ханты не купались, их лодки не требовали большой глубины. В воде их интересовала прежде всего рыба, но наблюдения за ней были возможны лишь на небольшой глубине, так как вода в местных реках непрозрачная. Сооружения в воде ограничивались устройством заборов, в этом случае, как уже упоминалось, глубину измеряли палкой, не выражая ее каким-либо эталоном. Различия в глубине могли быть выражены понятиями: до голени — **сарэмəк** — мелко; по колено — **əнтə мəлəки** — не глубоко; по пояс — **əнвəнəY тθYθ** вəлвəл — под пояс вода идет; по грудь — **сегмθн торонг тθYθ** вəлвəл — под сердце вода идет; по горло — **турыноY тθYθ** вəлвəл — под горло вода идет; выше головы — **уYон пθт'ы ниYрəмтə** — с головой скрыло; еще глубже — **т'əкə мəлəки** — сильно глубоко[24].

Меры поверхности и веса, а также сыпучих и жидких тел были разработаны весьма слабо. Контакты с русским населением привели к появлению в быту хантов заимствованных единиц измерения. На Вахе зафиксированы: **мэтəр** — метр, **ə̈рчин** — аршин, **пут** — пуд, **кил** — килограмм и денежные единицы — **сəлков** — рубль, **кəпэjкə̈** — копейка (Терешкин Н.И. 1961).

В связи с вопросом о единицах измерения представляет интерес хантыйский термин **пə̈лə̈Y, пəлəк**. Он фигурирует в таких понятиях, как В **пəYи-пəлəк** — левая сторона, изнанка; В **кӯм-пəлəк** — наружная сторона; Вю **кат-пə̈лə̈Y** — половина жилища, внутренняя часть жилища; В **тим-кат-пəлəк** — эта часть жилища; Вю **пə̈лə̈Y-jaY** — половина, часть народа; **jэтал-пə̈лə̈Y** — правая сторона человека; Вю **əj-сə̈м-пə̈лə̈Y** — одноглазый человек; Вю **т'ас-пəлəкY** — полчаса и др. Этот перечень позволяет предположить некоторую нерасчлененность понятий: половина, сторона, часть.

Представления об отрезках времени частично отражены в системе глагола. Исследования Н.И. Терешкина (1961. С. 76–83) показали, что в языке хантов р. Ваха существует пять простых глагольных форм: одна настояще-будущего и четыре прошедшего вре-

[24] Приблизительно в таком порядке описывается в одной из легенд Ваха погружение в воду людоеда **Сэвсики**.

мени; последние различаются в двух аспектах — по давности и определенности. Наличие форм относительно недавно прошедшего времени и относительно давно прошедшего времени, а в связи со вторым аспектом — форм относительно определенного и относительно неопределенного прошедшего времени[25] позволяет выделить целый ряд относительных временных отрезков. По данным Н.И. Терешкина, одни из них выражали действия, происходящие в момент безусловно близкий или в момент относительно близкий к моменту высказывания; другие выражали действия, происходящие в момент безусловно далекий или в момент относительно далекий от момента высказывания[26].

Наличие нескольких форм прошедшего времени частично компенсировало отсутствие в понятиях народа таких отрезков времени, как секунда, минута, час. Для сообщения информации говорящий употреблял ту форму, которая «показывала» удаленность события. Описательный характер передачи информации также создавал определенное представление о протяженности события. Так, говорящий вместо употребления понятия типа «час» сообщал состояние погоды и состояние следа прошедшего зверя. Временной оттенок придавал глаголам и целый ряд суффиксов. Это суффиксы, придающие значение начинательности, характеризующие моментальность действия или показывающие его многократность и длительность (Терешкин Н.И. 1961. С. 78–79). Некоторую временную определенность можно было выразить наречиями с временным значением; одни из них указывали время, в течение которого совершается действие, а другие — относительно точную дату его свершения (Терешкин Н.И. 1961. С. 97).

Основными единицами времени были **ал** — год; **ики, иконтэр** — период, приблизительно соответствующий месяцу[27]; **В jəYəнкотлYəн** — ночь-день; **Вю котл'**, **В котл** — день. Под влиянием русских

---

[25] Формы, выражающие неопределенное прошедшее время, свойственны исключительно ваховскому диалекту хантыйских языков (Терешкин Н.И. 1961. С. 82).

[26] Позволим себе выразить предположение о том, что многообразие форм прошедшего времени и наличие будуще-настоящего времени при отсутствии будущего времени можно объяснить из характера мышления. По нашим наблюдениям, мысль хантов более обращена в прошлое, чем в будущее. Они редко строят планы даже на ближайшее время и изменения в своей жизни производят скорее под давлением обстоятельств, чем в соответствии с заранее обдуманной программой.

[27] В названиях периодов чаще фигурировал термин **ики**, употребляемый для названия луны; **иконтэр** обозначал срок, продолжительность (**aj иконтэр** — один месяц).

ханты стали пользоваться счетом недель (Вю jава; В лавәт — семь) и часов (т'ас). Началом года считалась осень (Steinitz W. 1966. 1. S. 35) или весна (Шатилов М.Б. 1931. С. 129). Позднее ханты усвоили русское понятие начала нового года, что привело к появлению зимнего периода нового года (В илвалы-ики).

Обычно в течение года выделяли 12 периодов, однако зафиксированы варианты календарей, насчитывающие большее или меньшее их количество. Названия периодов в большинстве своем отражали явления и события, происходящие в природе и хозяйстве; например, периоды прилета ворон, малых запоров, коротких дней. При подобном подходе неудивительно, что номинация периодов различалась в этнически однородной среде, ибо одновременно можно было отметить несколько явлений. Так, на Вахе один и тот же период назывался периодом зеленого листа, середины лета и посадки птенцов гагары на озеро. На Васюгане период малых запоров назывался и периодом кукушки, а между периодами вороны и гусей-уток иногда выделяли период наста. Некоторые названия периодов заимствованы у русских. Продолжительность отдельных периодов, понятно, не была одинаковой, так как события, положенные в основу их выделения, различались по длительности. Вместе с тем, судя по некоторым высказываниям хантов, их периоды совпадали с фазами луны, началом нового периода считалось новолуние.

Для счета дней применяли календари в виде деревянных плоских или трехгранных пластин, на которых поперечными нарезками отмечали прошедшие дни. После знакомства с русской системой счета воскресенья и церковные праздники отмечали крестом. Счет прожитым годам не велся. Не имея летосчисления, ханты фиксировали год рождения человека или другие важные события по наиболее значительным фенологическим явлениям; например, год большого урожая ореха, год малого снега и т.п.

Ханты не имели письменности, однако пользовались некоторыми условными обозначениями для передачи информации. В качестве личной подписи ставили тамгу. Зарубками на деревянной палочке «записывали» количество семей, нуждающихся в провианте, или сообщали о днях отсутствия, уходя надолго. На тропе, ведущей к настороженному самострелу, делали на дереве затес и на нем углем рисовали натянутый лук. Каждую удачную охоту на медведя фиксировали на затесе дерева у места охоты. В середине затеса вырубали топором большой крест, обозначающий взрослого медведя, а под ним маленькие кресты по числу убитых медвежат, поперечные за-

рубки вверху соответствовали количеству охотников. Этот рисунок назывался на Вахе **иУ-кθр** — медведя изображение (рис. 29). Определенными приемами можно было сообщить о своем пути. На развилке тропы или лыжни ненужный след закрывали ветками, на поворотах надламывали ветку вершиной в направлении своего пути или в расщепленный прут вставляли кусок бересты, его концы указывали путь.

Представления об окружающем мире и сверхъестественных существах

Пожалуй, ни одна сфера общего мировоззрения хантов не является столь сложной и подчас противоречивой, как представления об окружающем мире. Подобное явление объясняется, видимо, тем, что последние содержат в себе стадиально разнородные элементы, восходящие к различным этапам развития представлений о мире. Они полны наивного материализма и вполне рациональных знаний и наблюдений, также различных по генезису и путям эволюции. Часто это переплетено с иррациональными элементами мировоззрения.

По наиболее распространенной точке зрения земля (**мыУ**) существует не вечно, а ей предшествовало сплошное море. Из живых существ тогда была только гагара; глубоко нырнув, она достала на поверхность воды немного ила. Этим было положено начало существованию земли, которая постепенно разрасталась и продолжает разрастаться. «Если копать землю, — говорят ханты, — то чем ниже, тем больше будет песка и глины». По другой версии гагара не могла достичь морского дна, а ил доставил соперничающий с ней кулик. В некоторых мифах сотворение земли приписывается **Торуму**. Он велел гагаре доставить ил, взял

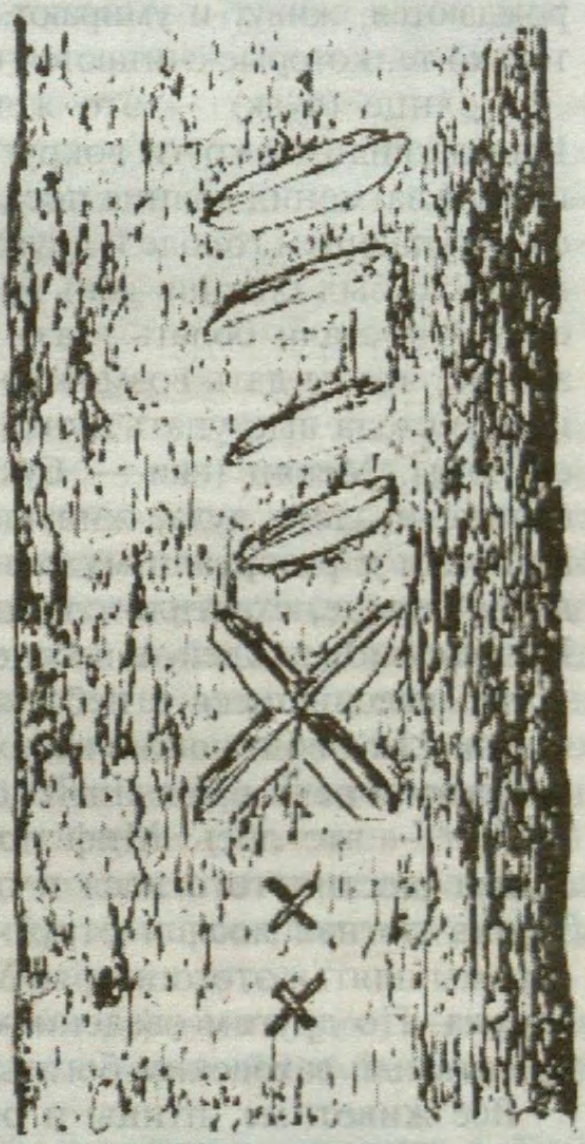


Рис. 29. Сообщение об охоте на медведя. С фотографии В.М. Кулемзина, р. Вах

его из клюва птицы и сотворил все окружающее: горы, лес, реки. Существует и миф о том, что **Торум** «насыпал» землю из своей горсти. Появившийся вслед за этим злой дух воспользовался сном **Торума** и стал «таскать» его по земле, чтобы утопить. Так он разнес землю в разные стороны, разбросав по ней кочки, наделав ям и болот. Проснувшись, **Торум** «улетел» на небо, а злой дух спустился вниз через отверстие своего посоха, воткнутого в землю. С точки зрения хантов, земля плоская и имеет форму тарелки, на нижней части которой нет ничего. Как и всё живое, она имеет «жилы» — это корни кедра. С одной стороны земли восходит солнце, а на другой заходит, скрываясь за возвышенностью. Над землей возвышается куполообразный шатер — небо, этот верхний мир является местом обитания **Торума** и других бессмертных существ. На земле же находятся те существа, которые рождаются, живут и умирают. В нижнем мире, под землей, «живут» только те, которые считаются на земле мертвыми.

Солнце (**сунк**) — это женщина, его свет — лицо женщины. Иногда видимы круги вокруг солнца — это расчесывание волос. В период затмения солнце поедает само себя — предупреждает людей о наступающем голоде и другом массовом бедствии. Согласно мифу когда-то был сплошь день и солнце не заходило. У людей от бессонницы стали болеть глаза. **Торум** приказал солнцу заходить на западе, чтобы дать возможность людям поспать. На смену солнцу ночью стала выступать луна, которая на день скрывается с другой стороны. Месяц (**ики** — букв. старик) имел когда-то две жены: солнце и злого духа, живущего под землей. Однажды жены повздорили и разорвали мужа на две части. Ту часть тела, где находится сердце, схватило солнце, а остальное досталось злому духу. Поэтому под землей, в нижнем мире, тоже есть луна. Звезды (**кос**) — это свесившиеся с неба корни деревьев. По другим представлениям, это обитающие вверху души тех умерших людей, которые при жизни вели праведный образ жизни. Созвездие Большая Медведица — это лось. Миф повествует о том, что когда-то **Торум** создал шестиногого лося и охотники не могли его догнать. Сын **Торума** догнал лося и отрубил ему две ноги, чтобы люди могли «промышлять» этого зверя. Млечный путь — это след лыж сына **Торума**. По другим сведениям, Большая Медведица — это котел, брошенный ваховским богатырем вверх во время погони за лосем.

Все животные, птицы и рыбы произошли от дождевого червя или были созданы Торумом одним актом творения. Вначале были созданы дикие, а после создания человека и домашние животные — для облегчения существования людей. По некоторым данным с

Васюгана, ряд животных обязан своим происхождением лесному духу. Отдельные виды рыб и животных первоначально были иными, обладали бóльшими размерами, но за провинности были «уменьшены» сверхъестественными существами[28]. Люди, т е. ханты, были созданы **Торумом** из своей слюны, а русские — из оленьей крови. По другим представлениям, человек произошел от рыбы и когда-то был весь в чешуе, которая осталась в виде ногтей. У александровских хантов, кроме того, имеется миф о происхождении людей от человека, сошедшего с неба. Спустившись на землю, он разрезал на одной ноге икру и извлек человека, который со временем вырос. После ухода творца «их было двое, брат с сестрой, они грех совершили». Вернувшись, бог наказал их проступок тем, что все их 77 детей стали говорить на разных языках. Имеются сведения и о том, что человек произошел от существа **ТоҮлон-вајəҮ-лунг** — крылатый зверь-дух, поэтому первые люди были крылатыми.

Для обозначения частей света в лексиконе хантов нет единых строго установленных терминов. По нашим наблюдениям, ханты дают им названия тогда, когда их об этом спрашивают. В таких случаях они выделяют четыре стороны света: восток (Вю **иттӓн**; В **сунг-паканта-торум-пелек** — солнце всходит божья сторона)[29], запад (В **сунг-тӓ - мӓнӓс** — солнце заходит, **ылванг**), юг (В **котл-ер-торум-пелек** — полуденная божья сторона), север (Вю **јул**; **В ылен-торум-пелек** — холодная божья сторона). В повседневных же разговорах на своем языке они используют для определения направлений другие ориентиры: верховья и низовья больших и малых рек, оконечности болот и т.п. Стороны восхода и захода солнца и маршрут перелетных птиц определяют для хантов конечную точку севера и юга. На Вахе со всеми четырьмя сторонами света связывались представления о пребывании там сверхъестественных существ. Так, на западе обитает злой дух **Атым-лунг**, на севере дух туч **ЫІян-пелек-лунг**, на юге дух, посылающий перелетных птиц, **Тоглон-ваях-лунг**, на востоке — жизнеподательница **Анки-пугос** (Шатилов М.Б. 1931. С. 101—102). На Васюгане считали, что имеется не четыре, а семь сторон света, но они не являлись средством пространственной ориентации, а связывались с местами обитания духов.

Гром и молния (**пајҮулипӓр**), сопровождающие грозу, — это катание по небу и крик небольшой птицы, похожей на самку глухаря,

---

[28] О происхождении некоторых животных *см.*: Легенды и сказки хантов. С. 25—27.

[29] Перевод М.Б. Шатилова. В представлениях о сторонах света ханты вряд ли ориентировались на бога, правильнее было бы перевести **торум-пелек** — неба сторона, а не божья сторона.

с крыльями в виде двух колотушек. Когда она открывает красный рот, сверкает молния. Иногда эта птица спускается на землю, но близко подойти к ней нельзя — она громко кричит. Как и другие перелетные птицы, она улетает на зиму в «теплые места» или у нее замерзает горло. По другим данным, все явления природы (дождь, снег, холод, тепло) и времена года устанавливаются **Торумом**. Молния — это стрельба из лука **Торума.** Молнию он посылает в то дерево, где прячется злой дух. Луком **Торума** является радуга.

Ханты считали, что когда-то было постоянно тепло, но **Торум** решил, что людям нужно ходить на промысел и гонять зверя; так он установил четыре времени года: зиму (**тәләӮ**), весну (**тоӮы**), ето (**лθн**) и осень (**сθӮәс**). Теперь люди смогли ходить на охоту зимой и осенью, а весной и летом добывать рыбу. Согласно третьей точке зрения, все природные явления есть результат действия тех или иных духов. Наличие грома и молнии зависит от духа туч, который посылает грозовую тучу (или находится сам в ней). Он стреляет раскаленными каменными стрелами, и тогда бывает видна молния (**чуга-солвал**). Если гремит сильно и долго, **Торум** вызывает к себе духа туч и ругает за то, что тот пугает людей. Тогда дух перестает греметь и улетает на свое место. Радуга является его луком, который дух опускает в реку, чтобы набрать воды и пролить дождь (Шатилов М.Б. 1931. С. 130). Ветром управляет дух ветра **Ват-лунг**. Он невидим, и тихая погода свидетельствует о его спокойном состоянии, но когда он рассердится, поднимается сильный ветер. В это время он хочет причинить людям зло: срывает с крыш бересту, опрокидывает чум и пр. Иногда он в дружбе с духом туч и помогает ему гнать тучи с северной стороны, а когда в ссоре, разгоняет тучи и устанавливается тихая и теплая погода.

Проявлением сверхъестественной силы считалось и северное сияние. Оно якобы предвещало войну, эпидемию, стихийное или другое большое массовое бедствие. Единственной защитной мерой был уход в другое место. Идти нужно было до тех пор, пока не прекратится это сияние. Направление движения определялось следующим образом: в период сияния в землю слегка втыкалась стрела. С той стороны, куда она сразу же падала, ждали несчастья, а уходить следовало в противоположную сторону. Такой же способ определения движения бедствия применялся и в случае солнечного затмения. Что касается некоторых других моментов окружающей человека природы, то здесь также зафиксированы самые различные объяснения их причин. Например, появление матовых пятен по бокам солнца рассматривалось как надевание солнцем рукавиц в ожидании холода и т.п.

Весь окружающий мир, с точки зрения хантов, заселен различными существами, которых принято называть сверхъестественными. Обстоятельное объяснение этих существ и их функций дано в литературе (Holmberg U. 1913; Karjalainen K.F. 1921–1922; Шатилов М.Б. 1931 и др.). Как показывают наши полевые сборы, в памяти пожилых людей представления об этих существах достаточно живы и сейчас. К.Ф. Карьялайнен справедливо заметил: «Современный мир духов остяков так богат, что едва ли кому-либо удастся узнать их число и имена» (Karjalainen K.F. 1922. S. 40). Его система изложения представлений о сверхъестественных существах построена на принципе деления их на антропоморфных и зооморфных, личных, местных, всеобщих, духов неба, духов земли и т.д. Не отрицая правомерности такого деления, мы ставим себе задачей показать картину взаимосвязи духов и других сверхъестественных существ как между собой, так и с человеком.

С точки зрения хантов, дух может находиться как в отдельном предмете (в этом случае он рассматривается хозяином сущностью предмета), так и самостоятельно, отдельно от предмета, имея свою индивидуальную форму. Все закономерности, связи и отношения в природе, влияние предмета на человека и бытие самого человека объясняются хантами как сознательные действия тех или иных духов. Человек испытывает лишь следствия действий этих духов. Дух — это способ проявления вещи как таковой. Однако вещи, относимые хантами к разряду живых, могут оказывать воздействие благодаря самостоятельной жизненной силе. Поэтому считалось, что дух наличествует в тех предметах, которые проявляют себя не совсем обычно, поражая при этом воображение человека. Таков, например, гриб мухомор, который один из всех разновидностей грибов способен оказывать одурманивающее действие. Такова птица (вернее, это дух в форме птицы), которая в отличие от всех других не избегает встречи с человеком, а летает совсем рядом, «стараясь сбить его с пути».

Духи могут проявлять себя не только через конкретные живые или неживые предметы, но определенная категория их существует самостоятельно. Они могут переходить с одного места на другое, приобретать разную форму и размеры, оказывать положительное или отрицательное влияние на человека и т.д. Хотя в традиционных воззрениях хантов часто и отсутствует разница между материальным и сверхъестественным, то этого нельзя сказать относительно понимания сущности духов. От любого предмета материального мира они отличаются прежде всего тем, что являются бес-

смертными и невидимыми для человека. Животные же, обладающие лучшим по сравнению с человеческим зрением, могут их видеть. К таковым прежде всего относится собака.

Духи заселяют небесный, земной и подземный миры, бывают добрые и злые, антропоморфные и зооморфные, обладают большей или меньшей силой воздействия. Часть из них привязана к определенной территории, другие этой привязанности не имеют, третьи считаются вездесущими. Часть их является собственностью семьи, другая — более крупных социальных объединений, у некоторых лиц (шаманов) имеются личные духи-помощники. Определенная категория духов персонифицирована, другая не имеет персонификации. Разнообразны они и по сфере деятельности. Таким образом, духов можно классифицировать по различным признакам, но любая классификация не даст полного представления об этих существах как о системе, логически оправданной с точки зрения хантов. Признавая это, мы считаем наиболее правильным положить в основу классификации такой существенный признак, как сфера деятельности духов, с учетом и других характерных черт.

Поскольку основным источником существования хантов в прошлом были охотничий и рыболовный промыслы, то ясно, что именно духи этих сфер деятельности занимали наиболее значительное место в мировоззрении. Ханты считали, что в каждом участке леса обитает лесной дух (Вю **Вон-јунк**; В **Вонт-лунг**), регулирующий запасы дичи и отпускающий ее охотнику. Эта территория рассматривалась как его собственность, что предполагало определенные правила поведения на ней промысловика. Лесной дух мог приобретать форму самых различных зверей, птиц и других предметов, находящихся в лесу. Все эти видоизменения обусловлены преднамеренными целями. Если охотник не выполнил необходимых предписаний, то во время преследования какого-либо животного дух принимал форму именно этого животного с той целью, чтобы запутать следы и тем самым отвести животное от выстрела. В подобном случае охотника могла выручить собака, которая якобы не только отличала духа от животного, но и при помощи обоняния различала их следы. Лесной дух мог оказывать положительное влияние на охотника. Перед заблудившимся мужчиной он появлялся в виде копалухи, а перед женщиной — в виде глухаря и, перелетая с дерева на дерево, указывал человеку дальнейший путь. Считалось, что лесной дух способен увести человека с собой для совместной жизни. Потерявшиеся в лесу люди, по мнению хантов, были уведены им с этой целью. Недостаток возможности их об-

щения с другими людьми, по мнению хантов, компенсировался необыкновенной добычливостью, а также тем, что лесной дух, как правило, пребывает в постоянном облике — облике человека. Человек, проживший с ним некоторое время, превращался после смерти в духа-людоеда (В **jaY-jалумта-jунк**). Хоронили его лицом вниз и вбивали над ним семь осиновых кольев.

В представлении васюганцев имелось два **Вон-jунк'а**: один пребывает на земле, а другой между небом и землей. Первый считался создателем соболя, лисицы, белки и куницы и имел помощниками сову и дятла. Функции того и другого совпадали (Karjalainen K.F. 1922. S. 232). Жилищем лесного духа считались небольшие холмы, густые заросли на островах. Ваховцы представляли его также в образе медведя. Ни на Вахе, ни на Васюгане ханты не делали изображений духов, оказывающих непосредственное влияние на охотничий промысел. Известно лишь о существовании изображений их помощников, к тому же «они служили и жертвой» (Karjalainen K.F. 1922. S. 232).

На количество добываемой и вообще находящейся в лесу дичи влиял не только лесной дух. На Вахе было широко распространено представление о духе в облике совы (**ПуYос-лунг**) и о духе — главе всех пернатых (**ТоYлон-вajaY-лунг**). Последний ведает распределением птиц на земле, определяет время их перелетов. Он отличается от прочих духов, связанных с промыслом, тем, что обитает где-то далеко на юге (Шатилов М.Б. 1931. С. 101).

Поскольку считалось, что духи могут принимать любую форму как животных, так и других предметов, то их многообразие было исключительно большим. Видимо, этим и объясняется тот факт, что большинство духов — обитателей леса, в отличие, например, от духов воды, является неперсонифицированным. Обитать они могут в тех же местах, где находят убежище животные, птицы, пресмыкающиеся или насекомые.

Кроме духов в лесу обитают и другие сверхъестественные существа, если и не имеющие прямого отношения к промыслу, то могущие так или иначе влиять на его результат. Категорию этих существ К.Ф. Карьялайнен назвал демонами, оговорив здесь же, что «...между духами и демонами нет резкой пропасти. Демоны — это только часть многочисленных сверхъестественных существ, это тоже духи, хотя они в некоторых важных отношениях отличаются от вышеописанных» (Karjalainen K.F. 1927. S. 370). Таковы антропоморфные остроголовые существа мужского пола **Сэвсики**. Смотря по отношению к ним людей они могут быть и добрыми, и злыми;

Рис. 30. Изображение Сэвсики на металле

чаще всего, особенно на Вахе, они противодействуют людям. **Сэвсики** могут быть одно- и многоголовыми, самый страшный из них семиголовый. Считалось, что **Сэвсики** переходят реку по дну, и тогда от берега до берега поднимаются пузыри, лопающиеся на поверхности воды. Широко распространено представление о человекоподобном шестипалом существе женского пола (у александровских хантов это существо было и мужского пола) **Пырнэ**. На русском языке ханты называют ее ведьмой. Она поступает враждебно только по отношению к людям. На Вахе ее считали супругой **Сэвсики**. Поскольку это существо своим происхождением обязано людям, то шестипалые новорожденные дети рассматривались как его видимая реальная форма. Ярко выраженного культа **Сэвсики** и **Пырнэ** не существовало, хотя в целях задабривания им приносились жертвы в местах предполагаемого обитания.

Лесным обитателем считалось существо особого рода **Пэчак**. На Вахе признавали две его разновидности: обитающий вблизи жилья и дикий, лесной, так называемый **Вор-Пэчак**. Разница между ними заключалась в том, что последний представлялся бессмертным. Ханты полагали, что в эти существа превращаются «выкидыши», умершие грудные и мертворожденные дети. **Пэчак** мог иногда показаться людям в виде призрака, вообще же он невидим. У хантов в прошлом существовал целый ряд запретов, связанных с похоронами мертворожденного или умершего вскоре после рождения. Его запрещалось хоронить на общем кладбище; исключения из этого правила делались только при возможности похоронить вместе со взрослым, который «присматривал» за младенцем. «Выкидыш» женщина должна была завернуть в тряпку и положить на пень неподалеку от жилища. Девочкам запрещалось оставлять в лесу своих кукол. При нарушении этих запретов существовала угроза появления **Пэчак**. На Вахе было широко распространено поверье о том, что он преследует людей, издавая звуки «вав-вав», и просит перевезти на другую сторону реки. В награду за перевоз он «давал» охотнику большую добычу, но при перевозе его нужно было посадить лицом к себе,

иначе движениями локтей он мог «затолкать» человека насмерть. По сведениям васюганцев, **Пәчак** носит с собой при травы судьбы. Зеленая трава обеспечивает быстрый успех, но короткую жизнь, желтая — меньшее счастье, но продолжительную жизнь, а высохшая — несчастье. При перевозе он давал человеку выбрать одну из этих трав (Karjalainen K.F. 1927. S. 380–381). За непочтительное к нему отношение он мог гоняться в лесу за охотником, путать следы и пугать, подражая крику ребенка. На Вахе считали, что можно избавиться от преследования этого существа, если позади себя начертить крест или поперек своего следа положить черемуховый прут.

Как видно из вышесказанного, категория сверхъестественных существ, обитающих в лесу и названных К.Ф. Карьялайненом демонами, мало чем отличается от лесных духов. Они разве что более постоянны в своей форме и действиях, может быть, менее вездесущи.

Мир воды, с точки зрения хантов, также заселен сверхъестественными существами. Наиболее широко распространено представление о водном духе (Вю, Ал **Jәнт-јунк**; В **Jәнк-лунг**). Это также антропоморфный дух, поэтому иногда его называли водным стариком, но он мог принимать облик и других обитателей водного мира. Его местонахождением считались устья рек, глубокие омуты и некоторые перекаты. Следовательно, это существо нельзя признать вездесущим, хотя ханты и были склонны рассматривать местом его обитания любой значительный водоем, по отношению к которому человек предпринимал какие-либо действия. На Вахе считали, что **Jәнк-лунг** зазывает к себе старых рыб и, объяснив им, что они прожили уже достаточно долго, съедает их. От него зависело благополучное продвижение по воде, он рассматривался как хозяин рыб, регулировал их количество, отпуская ту или иную часть рыбы людям. Последнее представление в большей степени относится к ваховским, чем к васюганским и александровским хантам. Вероятно, это связано с тем, что на Вахе отсутствовали изображения семейных духов, от которых у двух других групп зависел успех промысла. Поэтому ваховцы удачу в рыбной ловле объясняли лишь исключительно отношением к ним **Jәнк-лунг'а**. Обычай требовал приносить ему жертву каждый раз перед началом лова. В качестве жертвы могли выступать куски ткани, монеты, которые оставались на берегу или вывешивались на прибрежное дерево. Главному духу Ваха жертвы опускались в воду. Этот дух, считавшийся вообще покровителем рыболовства, «имел своим заданием загонять рыбу из Оби в Вах во время весеннего половодья» (Шатилов М.Б. 1931. С. 101). На Васюгане был обычай делать жертвоприношения водному духу ежегодно в начале ледохода. Здесь считалось, что подача рыбы зависела от дру-

гого водяного духа **Кул-йунк'а**, поэтому жертвы **Йәнт-йунк'у** делали для защиты от опасности на воде. Здесь же был известен еще один дух **Кул'-таттә-йунк** — рыб создатель-дух.

У хантов существовало представление о духе **Сарт-лунг** в виде огромной щуки, обитающей в глубоких омутах и озерах. В гневе он мог якобы перевернуть и даже перекусить лодку. Считалось, что особенно **Сарт-лунг** не любит новые лодки, поэтому перед спуском на воду их протирали сажей. Этот дух мог иногда не допустить рыбной ловли, предупреждением служило появление на воде мелкой ряби. Возможно, что в основе этих представлений лежат рациональные наблюдения за состоянием погоды и воды.

Кроме того, в воде обитали и другие сверхъестественные существа, не относимые к разряду духов. Таков **Вэс**, называемый хантами в разговорах по-русски мамонтом. Для них был слишком очевидным факт наличия в некоторых местах бивней мамонта. Это привело к представлению о том, что «рога» принадлежат водяному чудовищу, так как чаще всего они обнаруживаются в береговых обвалах. Вполне логичным было и умозаключение, что **Вэс** периодически сбрасывает свои рога подобно лосю или оленю. Следовательно, это такое же реальное смертное животное, как и лось. Тем более что часто обнаруживаются и другие останки этого чудовища. То обстоятельство, что **Вэс** невидим, объяснялось иначе, чем «невидимость» духов. **Вэс** «живет» в самых глубоких местах и переходит с места на место только в период половодья. Он просто избегает встречи с человеком, не показывается ему. Иногда, правда, он может подкопать песок под стоящей лодкой, чтобы она перевернулась, но делает это в тех случаях, когда поблизости нет людей и когда хочет наказать их за несоблюдение правил рыбной ловли. Хантам были непонятны причины незамерзания отдельных участков реки, подобное явление они объясняли исходящим от этого существа теплом. **Вэс**, как и любое видимое животное, имеет постоянную форму. От духов его отличает еще и то, что он считался смертным животным. Но Вэс, в отличие от других животных материального мира, не размножались. Считалось, что в него может превратиться старая собака или щука. Рытье собакой земли объяснялось хантами как стремление уйти вниз, под землю, где и происходит это превращение. Также не всякая щука могла превратиться в **Вэс**, а лишь та, у которой на лбу начинали расти рога. У ваховских хантов представления о такой щуке распространены довольно широко и для ее обозначения имеется особый термин **әнтн-сарт** — рогатая щука. Вероятно, формирование образа чудовища

Вэс связано как с реальными наблюдениями хантов, так и с отсутствием в далеком прошлом понятия об естественной смерти, с идеей возможного перевоплощения одного существа в другое.

Гораздо меньшее значение имели в мировоззрении хантов такие чудовища, как щучий **Вэс**, окуневый **Вэс** и ершовый **Вэс**. Щучий **Вэс** представлялся огромным чудовищем в виде щуки. Окуневый **Вэс** обитал лишь в отдельных местах. О его размерах можно судить по рассказам о нем. Однажды рыбаки долбили лед в нескольких местах озера, и везде оно оказывалось мелким, но это якобы было не дно, а спина окуневого **Вэс'а**. В основном это существо нейтрально по отношению к людям, но, разгневавшись, могло причинить большой вред — поднять волны, опрокинуть лодки, сломать лед и т.п. Васюганцы полагали, что ершовый **Вэс** живет в глубоком омуте с сильным водоворотом, препятствующим нормальному движению лодок и плотов. Для того чтобы благополучно миновать такое место, туда бросали куски ткани или монеты. Возможно, что термин **Вэс**, обозначающий конкретное чудовище, был экстраполирован хантами и на многих других обитателей водного мира.

Каждое из описанных чудовищ, будь то дух или демон, имело довольно узкую сферу деятельности: оно могло так или иначе влиять на результат охотничьего либо рыболовного промысла. Всех их объединяет еще один существенный признак: они лишь относительно привязаны к месту своего обитания или такой привязанности не имеют вообще и свободно переходят с одного места на другое.

Существовала категория духов, которая считалась прочно привязанной к одному месту, в связи с чем К.Ф. Карьялайнен назвал их местными (Karjalainen K.F. 1922. S. 228). Одни из них могли оказывать воздействие в границах относительно небольшой территории, другие — практически на любом расстоянии, откуда бы ни прибыл принесший жертву. Сферой деятельности и обязанностью местных духов было облегчение жизненного пути вообще, будь то охота или рыболовство, здоровье детей, общее благополучие и т.п. Но такими широкими возможностями обладали лишь самые сильные местные духи, хотя они и различались воздействием на большую или меньшую территорию. В основном же местные духи имели узкие «специализации». Они были разнообразной формы — антропоморфные, зооморфные, иногда просто в виде отдельных камней (в этом случае камень — способ маскировки духа, его видимая форма).

Деревянные изображения духов высотой до полуметра были выполнены в форме человеческих фигур с обозначенными чертами лица, конечности отсутствовали. Хранились они, как правило,

приставленными к деревьям. Имеются сведения, что подобные изображения делали из свинца. Фигурки местных духов одевали в одежды или заворачивали в семь слоев ткани, одежда женских фигур украшалась бисером. Что касается зооморфных фигур, то К.Ф. Карьялайнен пришел к выводу, что они являются помощниками собственно духов или изготовлены как жертва последним. Имеются, однако, сведения, что фигурки тех или иных животных могли выступать и в качестве самостоятельных духов. Перед началом промысла духов кормили, считая, что вид животных, на которых охотятся и которых изображают, находится под защитой соответствующего духа, и хорошее обращение с ним благоприятно влияет как на духа, так и на животное (Karjalainen K.F. 1922. S. 72).

С той же целью приносились жертвы камням и деревьям, считавшимися духами-хозяевами данной территории. Таков, например, камень **Лунг-сур-ирэх-сылта-кэх-пай** — дух живет прикладной камень остров — на Вахе близ юрт Нижне-Ромкиных (Шатилов М.Б. 1931. С. 103). Видимо, на бедной камнями территории Среднего Приобья случайно занесенный ледоходом камень производил на хантов такое впечатление, что они вынуждены были его рассматривать как проявление сверхъестественных сил. Иногда духом считался просто отдельный участок местности. В качестве примера можно привести на Васюгане **Ими-пăj** — старуха-мыс — на озере Тух-эмтор. Согласно легенде его происхождение связано со старухой, которая в давние времена в поисках выхода из озера остановилась на этом мысу. Целый ряд таких мест связан здесь и с членами ее семьи, которых она приносила в жертву при голоде. Подобные места-духи при главенствующем отношении к охоте и рыболовству имели более широкую сферу влияния, о чем пойдет речь при описании священных мест. К.Ф. Карьялайнен связывал их происхождение с бывшими людьми, сильными героями, которые обосновались на них как духовные существа, принимающие угощения и кровавые жертвоприношения. Подтверждение этому он видит, в частности, в употреблении слов **јунк**, **лунг** для обозначения древних героев (Karjalainen K.F. 1922. S. 212).

Деятельность каждого местного духа, какой бы силой воздействия он ни обладал, распространялась на гораздо более широкий круг людей, чем семья, так как помощь оказывалась любому обратившемуся. Деятельность же семейных духов (Вю, Ал **РəҮəм-јунк**, **Кавала-јунк**; В **РəҮəм-лунг**, **Кат-лунк**) не могла выходить за рамки семьи. Разница между местными и семейными духами заключалась лишь в величине силы и власти, но не в функциях и действиях. Главной задачей се-

мейных духов было оказание содействия в промысле, они же определяли общее благополучие, счастье, успех и здоровье членов семьи. Домашний (семейный) дух чаще всего представлялся хантам человекоподобным. Васюганские и александровские ханты изготовляли изображения домашних духов из дерева, реже из металла, иногда ими были просто камни, напоминающие по форме человека. На Вахе изображения семейных духов, изготовленные человеком, не зафиксированы ни в литературе, ни в наших полевых материалах. В лексиконе ваховцев имеются термины, обозначающие семейного духа, по их представлениям, он имеется в каждой семье и от него зависит все происходящее в ней; пожилые ханты стремятся расположить его к себе. Домашнему духу приносились в жертву куски ткани, бисер, шкурки животных, которые вывешивались близ жилища (Шатилов М.Б. 1931. С. 109). В связи с этим речь может идти об отсутствии на Вахе изображений домашнего духа, но не об отсутствии представлений о нем.

У васюганцев и александровцев изготовить изображение духа мог любой, нередко старый человек или шаман, но не для себя, а для другого. Обычно обозначались голова, черты лица, туловище и частично конечности. Деревянные фигурки имели глаза в виде бусин разного цвета. Причины этого явления выяснить не удалось. Одеждой духов были распашные халаты из ткани, рубахи, шапки в виде колпака, на ногах обувь. В одном случае мы встретили одежду духа — шубку, сшитую из семи шкур бурундука. Деревянные фигурки домашнего духа с Васюгана (МАЭС, колл. № 8050) имеют на себе цветные рубахи в виде халатов из темных тканей с большими отложными воротниками. Оба халата подпоясаны полосками ткани. На ногах хлопчатобумажная обувь без подъема, подвязанная под коленями. На голове надвинуты боком два колпака из тех же тканей, что и халаты. При

Рис. 31. Фигурки домашних духов. МАЭС, колл. № 9016/а, б, в (р. Обь)

нем имеется шесть зооморфных фигурок, каждая из которых завернута в полоску ткани. Это почти объемное изображение животного, вероятно, медведя, фигурка ящерицы из тонкой медной пластины, фигурка гагары из свинцовой пластины, два изображения пресмыкающихся из медных пластин и изображение птицы из свинца. Информаторы называли эти фигурки детьми духа. В другом случае зафиксировано на Васюгане наличие зооморфных духов-помощников семейного духа, которых информаторы считали изображениями гагары (**тəҮтəн**), ящерицы (**сосəл**), летучей змеи (**пороҮлылта-мӧнкам**), водяной змеи, т.е. тритона (**јəнк-мӧнкам**)), лошади (**лоҮ**) и боровой птицы. Размеры фигурок — три-семь сантиметров. В этот комплект входила утраченная позднее фигурка рыбы, всего фигурок должно быть семь. К.Ф. Карьялайнен считал подобные зооморфные изображения помощниками основного антропоморфного духа, обязанностью которых было поддерживать его в делах, проникать в труднодоступные места. Он заключает это из того, что фигурки носят название **kθp** — тень, форма, образ. Последнее обстоятельство он расценивает так, «что эти помощники прежде были не чем иным, как формой проявления духа, так сказать, маскировкой, к которой прибегал дух в силу обстоятельств» (Karjalainen K.F. 1922. S. 27).

Изображения домашних духов хранили в берестяных сосудах или в деревянных сундучках внутри жилища или в лабазах рядом с жилищем. К.Ф. Карьялайнен считает первоначальным способом хранения в берестяных сосудах, подвешенных на дерево около жилища. По его мнению, другие способы возникли с проникновением русских, когда духов стали скрывать и хранить в труднодоступных местах (Karjalainen K.F. 1922. S. 19). Обычай ваховцев вывешивать жертвы для домашнего духа на жердь вблизи жилища указывает, вероятно, на хранение их в прошлом в этих местах.

Духов нужно периодически кормить, одевать, делать им подарки. Жертвами служили мелкие вещи, даже не представляющие практической ценности, но в большинстве случаев это были монеты. Жертвоприношение осуществлялось обязательно перед началом и по окончании промысла, одновременно устраивалось и угощение. Считалось, что дух требует за помощь определенной благодарности, поэтому необходимо соблюдать ряд правил: не допускать разрушения и осквернения места его проживания, кражи имущества, пожертвованного ему ранее, и т.д. Иногда хозяин мог физически наказать своего духа, если считал, что последний не оказывает ему должной поддержки. Роль и значение домашних духов хорошо выразил К.Ф. Карьялай-

нен: «Гнев духа и последующая немилость его основываются не на идеальных причинах. Разгневанного духа нужно умилостивить, восстановить прежние хорошие отношения, ибо без его помощи и особенно при его немилости жизнь для человека становится задачей, превосходящей его силы» (Karjalainen K.F. 1922. S. 35).

В сознании хантов местные и домашние духи выступали как существа, не только покровительствующие промыслам, но и вообще как защитники от различных злых сил, в первую очередь от духов болезни. Последние не занимаются ничем другим, кроме как распространением болезней, проникая для этого в тела людей. В их мире существует такой же порядок, как и среди духов-покровителей человека: они различаются и по силе, и по сфере возможного влияния. Большинство из них не персонифицировано. Они могут принимать любую форму, оставаясь невидимыми. Из тел больных шаман извлекает их в виде червячков, насекомых и т.п. Дух болезни мог быть привнесен и каким-либо животным, пресмыкающимся, но не всяким, а после соприкосновения с которым возникало болезненное состояние. В этом случае считалось, что животное, будучи внешней оболочкой духа, передало человеку другую, невидимую, но вполне материальную субстанцию. Эта субстанция будет существовать в человеке, пока шаман не съест или не перенесет ее в другое место. Заметим, что духи считались бессмертными и уничтожить их мог только шаман при поедании.

Главным среди духов болезни считался **Кын'-лунг.** На Васюгане его называли также **Кали-Торум** — мертвых бог, **МыY-јунк** — подземный дух, **JaY-јалумта-јунк** — людей поедающий дух и **Кинән-јунк,** а на Вахе — **Атәм-лунг** — злой дух или **КәллоY-Торум** — мертвых бог. **Кын'-лунг** имел неограниченную сферу воздействия, жил под землей и представлялся хантам в виде антропоморфного существа. Относительно его происхождения существуют различные мнения, но они не противоречивы. Единство их усматривается в том, что **Кын'-лунг** как подземное существо противопоставлен по всем характеристикам своему антиподу — небесному Торуму. По одним данным, **Кын'-лунг**, являясь сыном **Торума,** был своим отцом ниспослан на землю с той целью, чтобы «развести» людей. Но, увидев, что появившиеся первые люди сами способны к продолжению своего рода, он решил противодействовать процессу роста количества людей. Так **Кын'-лунг** стал противником своего отца и ушел в недоступный для **Торума** нижний мир, откуда иногда появляется для распространения болезней. Это осуществляется им при помощи поедания людских душ. Имеются данные и о том,

что **Кын'-лунг** и **Торум** были родными братьями, родившимися на земле от существа женского пола **Анки-ПуYос**. **Торум** не вынес совместной жизни со своим злым братом, покинул землю и ушел на небо. Млечный путь — это его след. **Кын'-лунг** ушел под землю через отверстие, оставленное посохом своего брата. Распространение болезней он поручил земным духам.

Первый вариант, видимо, можно считать наиболее поздним, так как появление человека в результате деятельности **Торума** как создателя всего окружающего в представлениях хантов является более поздним. В целях задабривания этого существа и предохранения себя от его воздействия нужно было приносить ему жертвы: закопать в землю недалеко от жилища черный халат или положить его под постель, вообще вниз. Считалось, что **Кын'-лунг** ходит в черном одеянии и в противоположность **Торуму** предпочитает все черное. По данным К.Ф. Карьялайнена, ему в жертву забивали черное животное (Karjalainen K.F. 1922. S. 352).

Другие духи-носители болезней известны гораздо меньше, и большинство из них не персонифицировано. Они могут принимать любую форму, оставаясь невидимыми. Из персонифицированных духов болезни следует отметить уже описанного водного духа **Jəнк'-лунг'а**, который за пренебрежение к нему насылал лихорадку. В пантеоне хантов имелся дух **Тарэн**, приносящий своим вселением несчастные случаи, кровотечения и поранения (Karjalainen K.F. 1922. S. 356). По сведениям этого же автора, на Васюгане из персонифицированных духов широкое распространение имел дух оспы **Вэс-јунк**, местом обитания которого считали заросли крушины (ее листья похожи на пятна болезни), поэтому жертвы вывешивались на этот кустарник; дух голода **Пајам-јунк**, распугивающий в лесах дичь и мешающий продвижению рыбы, и ряд других, названий которых автор не приводит (Там же. С. 362–364).

Большинство из перечисленных духов вездесущи; лишь некоторые из них, как видно из описания, обитают в определенных местах. Средств защиты и способов избавлений от тех и других было несколько. Одним из самых распространенных был способ задабривания путем различных жертвоприношений. Иногда прибегали к обману духа, ложась между могилами умерших родственников. Кстати, это свидетельствует о наличии в прошлом наземных захоронений. Можно было обратиться за помощью к шаману, который вступал в связь с духами. Но шаман — это фигура, не обладающая абсолютной силой. Дух оспы, например, не подвластен шаману, тем более в случае ее эпидемии. Иногда и шаман считался бессильным в борьбе с

другими духами, особенно с посланными **Кын'-лунг'ом**. Правда, **Кын'-лунг** подвластен сильному шаману, но не всегда выполняет его просьбы отдать приказ духу-носителю болезни покинуть тело больного. Для всех злых духов смертельным был гром с молнией. Молния била только в то дерево, где обитал злой дух, но их так много, что под удар попадали лишь некоторые. Дух грома и молнии, однако, действовал независимо от людей, и они не имели возможности вступать с ним в какие-либо отношения. Наиболее верным способом было противопоставить силе злых существ силу существ добрых — защитников и покровителей человека. В роли таковых выступали описанные нами домашние и местные духи, сфера деятельности которых была шире, чем только охота и рыболовство.

Кроме местных существовала целая категория духов и существ, сила которых не ограничивалась рамками определенной территории, а распространялась на всю область проживания данной группы или хантов вообще. Такие духи, по терминологии К.Ф. Карьялайнена, носят название всеобщих (Karjalainen K.F. 1922. S. 228). В представлениях хантов они могли выступать и как самостоятельные существа, и как помощники небесного бога, находящегося с ними в родственных отношениях. Если их рассматривать в последнем качестве, то уже благодаря одному этому они могли оказывать то или иное воздействие на жизнь людей. Однако в системе воззрений хантов они имеют большую самостоятельность, если их рассматривать как существа, не зависимые от **Торума.** Мы считаем целесообразным исключить из этой категории и поместить в отдельном разделе существа, от которых зависели природные явления, так как последние хотя и оказывали определенное воздействие на судьбы людей, но это влияние было опосредованным.

К существам, непосредственными функциями которых было положительное влияние на бытие людей, прежде всего следует отнести существо женского пола **Анки-ПуYос** и существо мужского пола **Ыл-лунг'а.** Приблизительный перевод названия **Анки-ПуYос** (она же **ПуYос-Анкил'**, **ПуYос-лунк, АнкjуY, ПуYос, Сӱнк**) означает — самая главная женщина, мать всего; **Сӱнк** означает, кроме того, солнце и вообще свет. Александровские ханты употребляли этот термин в качестве названия небесного бога. На Вахе ее считали матерью **Торума,** в связи с чем место ее обитания помещали в верхнем мире. **Анки-ПуYос** рассматривалась как жизнеподательница вообще и считалась матерью огня. От этого существа зависело здоровье всего будущего поколения семьи, поэтому иногда ему приносили существенные жертвы. Например, К.Ф. Карьялайнен сообща-

ет, что на Васюгане ей дарили пегую лошадь, которую не убивали, а ее содержал даритель (Karjalainen K.F. 1922. S. 308). Весьма интересно, что если все прочие сверхъестественные существа в воззрениях хантов имеют только конкретный облик, то этого нельзя сказать об **Анки-ПуYос**. Наряду с представлениями о том, что это «женщина», имеются и другие, определяющие ее как некую безликую всемогущую силу. Возможно, что ее образ восходит к анимистическим представлениям о мире. Это тем более вероятно, что особенно большая роль ей отводится в понимании хантами сущности жизни, о чем речь пойдет в соответствующем разделе.

Добрый всеобщий дух **Ыл-лунг** — нижний дух — рассматривался прежде всего как давший людям первый огонь. Кроме того, он выступал как покровитель детей и вообще поборник добра. В воззрениях хантов **Ыл-лунг** иногда считался духом нижнего мира, что вполне соответствует его названию, но жертвы ему приносились в тех же местах, где и **Торуму**; последнее обстоятельство противоречит его причастности к нижнему миру. К тому же иногда он считался помощником **Торума**. Здоровье и счастье человека васюганцы связывали также с духом **Торум-јунк**, который создал лося, оленя, куницу и рябчика. Жертвы для него вывешивались на березу, как и для **Торума**.

Покровительство, помощь и поддержку ханты искали не только у добрых земных и небесных духов, но также и у добрых духов нижнего мира, который не рассматривался как заселенный исключительно злыми существами. Последние обитают лишь в отдельной части нижнего мира — в мире мертвых. Представления о добрых духах нижнего мира наиболее развиты на Васюгане, и их подробно рассматривает К.Ф. Карьялайнен (Karjalainen K.F. 1922. S. 316–328). К этим духам прежде всего нужно отнести антропоморфное существо **МыY-ими** — земля-старуха, — которое не является персонификацией земли вообще. **МыY-ими** помогает тем, что предупреждает болезни. В жертву ей приносили семь котлов, которые закапывали в землю. Этими котлами **МыY-ими** якобы прикрывала отверстия на поверхности земли, чтобы закрыть путь болезням из нижнего мира. На Васюгане нам были отданы хантами четыре медных котла, хранившихся на упомянутом мысе **Ими-пăj** на озере Тухэмтор. Подробных сведений об их назначении получить не удалось, но информаторы утверждали, что эти котлы в давние времена были отнесены на мыс «для здоровья». По их словам, остальные три котла не были найдены. Возможно, что эти семь котлов и являлись жертвой для **МыY-ими**. Одним из ее помощников был дух земли

мужского пола **МыY-jунк**, у которого, в свою очередь, также были духи-помощники. Ему делали личные жертвоприношения по приказанию шамана, но последний не мог видеть этого духа. К.Ф. Карьялайнен рассматривает это существо как «параллельное» небесному **Торум-jунк**'у (Karjalainen K.F. 1922. S. 326).

Значительное место в мировоззрении васюганско-ваховских хантов занимала фигура верхнего, а в определенном смысле даже верховного существа **Торума** в образе древнего белого старика, обитающего на недосягаемой высоте. Если материалы по другим сверхъестественным существам, несмотря на свою разнородность, укладываются в единую систему мировоззрения, являющуюся в своей основе анимистической, то этого нельзя сказать о том месте, которое занимает в ней **Торум.** Здесь мы видим переплетение самых различных по характеру и времени возникновения верований и представлений. В одном случае **Торум** рассматривается как демиург, создавший однажды все окружающее, включая и человека. После акта творения он не стал вмешиваться в текущие людские дела, а поручил это своим подчиненным — духам, среди которых также имеются главные и подчиненные. Таким образом, если встать на путь признания иерархической зависимости между **Торумом** и прочими существами, то в системе представлений о них должна улавливаться изначальная связь, подобная той, которая существует между **Торумом** и его антиподом, олицетворяющим злые силы. Однако **Торум** к созданию своих подчиненных не имел никакого отношения, и, напротив, последние возникли независимо от него. Путанность и противоречивость сведений характерны и для других моментов представлений о нем. Так, по одним представлениям, срок жизни каждого человека зависел от желания **Торума**, по другим — от духов, которые этот срок устанавливают, не считаясь с волей **Торума**, по третьим — срок жизни определяется этой фигурой, но через посредничество духов. То же можно сказать и относительно явлений природы.

При общем анализе системы религиозных представлений становится очевидным, что она выглядит наиболее последовательно и логично, если из нее убрать **Торума** как демиурга и рассматривать его как существо, живущее в верхнем мире и олицетворяющее силы, противоположные злым существам нижнего мира. Это, кстати, лишний раз свидетельствует о наличии элементов наивной диалектики в мышлении первобытных народов. Наше предположение о его месте находит поддержку у К.Ф. Карьялайнена, который пришел к выводу, что в древности эта фигура не осмыслялась как божество, а представлялась в качестве верхнего небесного духа, употребля-

ющегося в настоящее время в качестве небесного бога (Karjalainen K.F. 1922. S. 291). По мнению того же автора, небесный бог в качестве духа в прошлом был отделен от людских дел, почитание его было незначительным, основанным на природных явлениях неба. К.Ф. Карьялайненом была отмечена тенденция к увеличению роли и места этого божества в мировоззрении лишь тех групп обских угров, которые в силу многих причин могли испытывать чуждое влияние, в частности татар, зырян и русских, которые, по его словам, все влияли в одном направлении. «В настоящее время, — пишет указанный автор, — развитие идет в том направлении, что культ небесного бога завоевывает все более широкие области, вытесняет и устраняет даже самых сильных местных духов» (Karjalainen K.F. 1922. S. 280).

Многие советские исследователи разделяют и обосновывают глубже высказанную точку зрения. Фигура верховного божества **Торума** была предметом специального исследования таких авторов, как И.И. Огрызко, В.А. Кононенко. Не вдаваясь детально в разбор их концепций, приведем лишь основные высказанные ими положения.

Все они отмечали, с одной стороны, формальный характер христианизации, с другой — подчеркивали то несомненно существенное влияние, которое оказывали идеи монотеизма на традиционные анимистические представления хантов. Указанные авторы заостряют свое внимание и на моментах переплетения этих форм религий. В частности, об этом писали М.Б. Шатилов (1931. С. 99, 101), И.И. Огрызко (1941. С. 77, 101), В.А. Кононенко (1971. С. 100, 102). И.И. Огрызко в своей работе приводит ряд документов (1941. С. 78), характеризующих религиозные представления различных групп хантов в период начала христианизации хантов. Из них явствует, что в этот период, т.е. в начале XVIII в., ханты были далеки от признания единого бога. В.А. Кононенко, анализируя материалы, относящиеся к концу XIX — началу XX вв., приходит к выводу, что в это время ханты признавали наряду с духами-хозяевами отдельных областей природы верховное божество. По мнению того же автора, сложность образа божества **Нуми-Торума** объясняется тем, что он состоит из разных по времени возникновения элементов. Одни из них возникли на ранних этапах развития, а другие являются продуктами христианизации (1971. С. 100).

По всей вероятности, до начала христианизации, а может быть, и несколько ранее, во всяком случае до влияния на хантов зырян, татар, а затем и русских, несущих идею монотеизма, **Торум** в сознании народа был существом, обитавшим в верхнем мире и опре-

делявшим состояние погоды. Не случайно, видимо, на языке хантов термин **Торум** одновременно обозначает небо, погоду и бога (Терешкин Н.И. 1961. С. 191). А.А. Баландин писал о том, что в мышлении далеких предков современных хантов и манси небо воплощало в себе могучие силы природы (1967. С. 304). По сообщению путешественников XVIII в., «Ханты до крещения поклонялись воздуху, небу и богу, но все эти три понятия означались одинаково **do-гом**» (Титова З.Д. 1975. С. 100).

Но возможно также, что и до начала христианизации это верхнее небесное существо если не было верховным, то, во всяком случае, могло занимать какое-то особое положение, позволявшее ему в дальнейшем сформироваться в абсолютное божество. С этой точки зрения особый интерес имеют представления о **Торуме** других групп восточных хантов. Например, в религиозной системе юганских хантов **Торуму** отводится по сравнению с другими существами весьма незначительное место. К.Ф. Карьялайнен писал: «Для большей части сургутских остяков небесный бог существует и более ничего» (Karjalainen K.F. 1922. S. 267).

Духи-защитники человека не могли проявлять активных действий против враждебных сил, поэтому его судьба зависела от того, сумеет ли он жертвоприношениями задобрить злых духов и таким образом встать под покровительство добрых. Разница между теми и другими не была абсолютной: если злые могли принести вред без всякой видимой причины, то добрые также были способны на это при условии недостаточно почтительного к ним отношения либо при нарушении определенных правил поведения. Так, за нарушение супружеской верности добрый дух **Анки-ПуYос** могла наказать женщину трудными родами или рождением урода. Даже **Торум** был далеко не всесилен. Его вечный противник **Кын'-лунг** часто насылал болезнь со смертельным исходом задолго до того момента, когда кончался срок жизни, отведенный человеку **Торумом**.

Описанные существа, включая и **Торума**, как мы видели, имеют более или менее определенные функции и сферу деятельности. В представлениях хантов имели место существа и духи без определенных функций. Среди них были антропоморфные и зооморфные, местные и всеобщие, добрые, злые и нейтральные. Как правило, они не персонифицированы. Местом их обитания был средний, т.е. земной мир. К ним можно отнести васюганского **Ворjунк'а** — берегового духа. Считалось, что он обитает по берегам рек и может определять только уровень воды. Этот дух представлялся нейтральным по отношению к человеку и не оказывал на него

почти никакого влияния. К таковым же причислялся **ПθY-jyY-лунг** — стрелочное дерево-дух, обитавший в хвойном лесу на берегу Ваха. По преданию, с этого места ханты брали особо прочное дерево на стрелы. Неопределенные духи могли показываться в виде призраков или являться во сне с той или иной просьбой или без таковой. Пожилая хантыйка с р. Васюгана рассказывала нам: «Я на Чижапке была, мне снится, что из проруби женщина встала и говорит: «Накрой меня деньгами». Я утром в прорубь пять рублей бросила. Другой раз две старухи приснились с белыми головами, говорят: «Голову накрыть надо». Я платок утром повесила». Жертвы таким духам приносились на случай предупреждения какой-либо возможной неприятности.

Почитание огня, особое к нему отношение частично отражено в промысловых культах, частично связано с семейными культами. Особую роль играл огонь и в шаманстве. Вместе с тем представления о нем могут, видимо, рассматриваться как самостоятельный элемент общего мировоззрения хантов. Само собой разумеется, что основой особого отношения к огню является то значение, которое он имел в практической жизни народа. В работах К.Ф. Карьялайнена и М.Б. Шатилова отсутствует специальный анализ этого явления, хотя в каждом конкретном случае они отмечали ту исключительную роль, которую огонь играл в религиозных представлениях. Вероятно, это объясняется тем, что почитание огня не играло самостоятельной роли в религиозных верованиях, а было лишь сопутствующим, хотя и необходимым звеном. Вместе с тем огонь не может быть поставлен в ряд с другими естественными или сверхъестественными силами и существами по той причине, что, с точки зрения хантов, он принципиально отличается от последних.

Огонь (**Häj, TθYət**) — это проявление сверхъестественной силы, т.е. живое существо, имеющее наружную и внутреннюю жизненную силу. Но каждое из остальных сверхъестественных существ мыслится конкретно, индивидуально, каким бы всеобщим оно ни являлось. Огонь же, каждый конкретный костер, есть дитя огня всеобщего, огня вообще. Каждый конкретный большой или малый огонь мыслится двояко. С одной стороны, это индивидуальное существо, локализованное во времени и пространстве, требующее пищи (т.е. того, что горит), с другой — это как бы конкретное производное всеобщего огня, существующего вечно и не имеющего постоянных пространственных границ. Этот всеобщий огонь проявляется в конкретных, возникающих в разное время и в разных местах, огнях, считаясь и не считаясь с желанием человека. «Несколько костров — это один огонь, одна хозяйка огня», — говорили ханты. Они полагали, что возможна утрата

огня людьми. В таком случае он может возникнуть сам и даст знать об этом людям. Возникнув где-нибудь в лесу вдалеке от людей, он способен идти как по земле, так и под землей. На земле его может остановить вода, под землей для него преград не существует. «Это бывает, когда торф горит», — поясняли ханты с р. Васюгана.

Другой его особенностью является то, что, будучи сверхъестественным существом, он в отличие от духов не может принимать форму материальных объектов, т.е. перевоплощаться во что-либо другое. Причина кроется в том, что огонь «поедает» любое материальное или сверхъестественное существо, т.е. уничтожает его, разрушая форму. Одним из способов окончательного уничтожения духов-носителей болезни являлось «поедание» их огнем или шаманом. Шаман извлекал духа из тела больного, на глазах своего «пациента» держал носителя болезни над огнем, демонстрируя тем самым полное излечение. Точно так же поступали ханты с весьма опасными существами, такими, как змея или медведь-людоед. Тощего медведя, отстреленного летом, васюганцы сжигали в костре, сопровождая словами: «Огонь шибко ловкий, все мое мясо съел». Одним из способов уничтожения врага полностью, без остатка, являлось сжигание его трупа (Karjalainen K.F. 1921. S. 34). Не могло происходить и превращение духов в огонь. Наконец, огонь виден и осязаем, что сближает его с реальными существами. Итак, огонь имеет слишком много отличительных черт, чтобы называться сверхъестественным существом.

С другой стороны, огонь обладает свойствами, не позволяющими поставить его в ряд с существами материального мира. К ним могут быть отнесены таинственность возникновения и исчезновения, непостоянство формы и чрезмерная всеядность — «прожорливость» и др. Поэтому как в общих представлениях об огне, так и в отношении к нему не определялось четко его место среди остальных существ. Говоря точнее, к огню одновременно относились как к естественному и как к сверхъестественному существу.

Относительно происхождения «первого» огня зафиксировано несколько точек зрения. Согласно одним данным, огонь есть дочь солнца, по другим — его произвел и дал людям добрый дух **Ыллунг**, по третьим — матерью огня является **Анки-ПуYос**. Хозяином, сущностью огня является **Нäj-лунг** — огонь-дух. Его активность обеспечивает горение, а отдых (сон) означает отсутствие огня. С точки зрения хантов, временное прекращение огня — это лишь его формальное отсутствие. Всегда имеется возможность побудить огонь к активной жизни, для этого нужно иметь при себе средства

для его добывания. Однако одного этого условия недостаточно, предварительно нужно повесить кусок красной ткани, а после возникновения огня положить кусочек пищи. Хорошим угощением считалось плеснуть немного водки.

Родство огня с солнцем усматривалось в способности давать тепло и создавать тень от видимых предметов. На Вахе был обычай класть на костер кусок красной ткани с отверстием в середине, «чтобы у **Анки-ПуYос** дети были». Иногда костер накрывали красным платьем. Считалось, что оно не горит, а его надевает **Анки-ПуYос**. Огню вообще, вернее, матери всех огней **Анки-ПуYос**, иногда специально шили платье из красной ткани, которое вывешивали на чердаке дома со словами: «Мама, я сшила тебе красное платье, не сердись на меня». Это делала старшая в семье женщина, чтобы огонь всегда был в нужное время, не возникали пожары и т.д. Представления об огне как о женщине нашли отражение в фольклоре. В легенде, записанной нами на Вахе, упоминаются и человеческие жертвоприношения огню. Краткое содержание легенды таково. Давным-давно старик со старухой не могли развести костер. Рассердившись, старик порубил это место, но когда они перешли на другое, то и там костер не разгорался. На порубленном месте сидела женщина в красном. Она была вся в крови и плакала: «Видишь, старик, как ты изранил меня. Отдайте мне вашего ребенка, иначе ты не разведешь костер». Старуха не хотела отдавать, но потом согласилась. Отдали. Костер разгорелся. Женщина **Анки-ПуYос** взяла ребенка. С тех пор костер хорошо горит.

Представления об огне как о конкретном живом существе отразились и в правилах поведения по отношению к нему. Место вокруг очага в пределах специальной загородки считалось священным: сюда нельзя было бросать мусор, втыкать нож или топор, а также колоть острыми предметами, рисовать или чертить (Легенды и сказки хантов. С. 36). Запрещалось небрежно бросать в огонь дрова или класть их грязными. Дрова, как пища огня, должны быть чистыми и аккуратно уложенными. Женщина не должна была переступать через огонь. При нарушении запретов огонь, как все понимающее и видящее существо, мог отомстить, т.е. выйти из повиновения людей, что обычно приводило к пожару. Для предупреждения пожаров кроме соблюдения описанных правил поведения на семейном очаге иногда ставили конусом три лучины, накрывали их куском красной ткани и поджигали. Для умилостивления огня, солнца и **Анки-ПуYос** им посвящали на Вахе белого оленя, имеющего на шкуре хотя бы едва заметное красновато-розовое

пятно. Оленю продевали в уши красные ленточки, и отношение к нему было особенно заботливым.

В связи со способностью уничтожать существа как материального, так и сверхъестественного мира огню приписывалось свойство «очищать» предметы, делать их лишенными каких-либо дефектов. Предметы, для изготовления которых требовалось соприкосновение с огнем, могли якобы «дольше жить», т.е. соответствовать своему прямому назначению. Таковыми были, например, самодельный кованый нож, просмоленные над огнем весло или лодка. Иногда такими свойствами наделялись не только предметы, непосредственно соприкасавшиеся с огнем или дымом, но и те, которые были лишь каким-то образом связаны с помещенными в огонь. Например, широко был распространен обычай бросать выпавшие молочные зубы в огонь. При этом подразумевалось, что выросшие на их месте другие зубы будут крепкими и не подверженными заболеваниям.

Таким образом, с точки зрения хантов, огонь — это существо особого рода, обладающее многими уникальными свойствами. Его почитание обусловлено, видимо, исключительно большим значением в практической жизни и сложившимися на этой основе представлениями.

Как указывалось выше, определенным духам с конкретными целями приносились жертвы, и этому придавалось большое значение. В дар приносили не только деньги, куски ткани или ленты, но и готовые изделия: одежду, нарты, лодки, стрелы, бусы и пр. Часто жертвовались вещи, не имеющие почти никакой ценности для хантов, но считалось, что они приятны духам. Самым сильным духам жертвовались животные, но только домашние. Это исходило как из представления о том, что дикие животные принадлежат не людям, а этим существам, так и из желания предоставить им средства транспорта или пищу. Считалось, что некоторые духи среднего мира, будучи невидимыми, физически присутствуют в определенных местах или продвигаются в границах определенной территории. Место обитания духа носило название Вю **јунк-сур**; В **лунг-сур**. Такие духи, в плане противопоставления всеобщим, можно назвать местными. Жертвы им приносились там, где они обитали, на жертвенных местах[30]. У васюганско-ваховских хантов в прошлом существовало огромное количество таких мест.

[30] Обращения, направленные в адрес того или иного духа, могли быть произнесены практически в любом месте. Это объясняется тем обстоятельством, что душа духа, как и у человека, может покидать тело и странствовать за пределами обитания своего хозяина, но при этом способна воспринимать обращения и просьбы.

Жертвоприношения всеобщим духам осуществлялись в любом месте, но с учетом его характера. Так, светлые места на возвышенности, поросшие березовым лесом, были местом жертвоприношений **Торуму** по двум причинам. Во-первых, сама возвышенность рассматривалась стремящейся вверх, к месту его обитания. Во-вторых, березовый лес непосредственно ассоциировался с белым цветом седого старика **Торума**. Подарки для него в виде белых кусков ткани без каких-либо изображений развешивались на березу. По всей вероятности, любые живые или неживые существа белого цвета были для хантов священными потому, что связывались с **Торумом** и рассматривались как его собственность. Таковыми были горностай, чайка, белый олень, подшейный волос оленя, белый камень и т.д.

Жертвенные места входили частью в более широкое понятие священных мест. Если первые требовали обязательного принесения жертвы, то священные, но не жертвенные места требовали лишь особого, бережного и осторожного к ним отношения. Представления о священных местах были не менее разнообразными, чем о сверхъестественных существах. Не все из них связывались с духами среднего, верхнего и нижнего миров, они могли выделяться и по другим причинам. У всех групп хантов священными считались кладбища и прилегающая к ним территория, заброшенные или исчезнувшие поселения, не забытые людьми, а также места обитания сверхъестественных существ, не влияющих или мало влияющих на результаты промыслов. Кроме того, священными считались места, связанные с историческим (чаще героическим) прошлым своего народа и нашедшие отражение в произведениях народного эпоса и мифологии.

Каждая из характеризуемых групп имела ряд священных мест подобного рода, почитаемых только ее представителями. На Васюгане таковыми были, например, места остановок легендарной старухи, с которой частично связывается история хантов; Конный омут, где, по преданию, утонул конь богатыря и находится могила последнего; **Сол-уры** — Кишечная курья, где дрался богатырь **Альвали** с людоедом **Сэвсики**; **Сәвәркы-лат** — Жабье место — в устье р. Нюрольки, где в прошлом молодые женщины выбирали себе мужей (Легенды и сказки хантов. С. 25–26). У александровцев почитался **Jäл'-вэләм-пäj** — в войне убитых мыс, на котором происходило сражение хантов с татарами; с островом **Кат-кон-пäj** — жилище-царь-мыс — связывается легенда о злом **Пырнэ**, которого хотел утопить **Торум**, и т.п. На Вахе таковым был мыс близ устья р. Сабун, на котором когда-то стоял первый русский дом (Шатилов М.Б. 1931. С. 106); участок песчаного берега **Кан-вäрән-сәj** — царь-запор-песок — по притоку

Ваха Кулун-иголу. С этим местом связано предание о том, как в голодное время ханты выловили здесь много рыбы; узнав об этом, царь похвалил песок, почему он и назван был царским.

Нужно отметить, что и жертвенные места не все связывались с представлением о пребывании на них сильных местных и всеобщих духов. Так, если упомянутое нами Жабье место на Васюгане не являлось жертвенным для мужчин, то оно являлось таковым для незамужних женщин. Жертвами, как правило, служили женские украшения. Подобным местом для молодых мужчин было **JырәӮ-jунк** — жертва-дух — на притоке Васюгана Чертале. Считалось, что пребывающие на этих местах существа каким-то образом влияют на выбор супруга. Для вступивших в брак такие места утрачивали свое значение, поскольку в семье жертвы приносились семейному духу.

Жертвенными были не только места, но и отдельные деревья. Им приписывалась способность вмещать духов, но не сильных местных или всеобщих, а ограниченных по сфере деятельности и по своим возможностям. Жертвенное дерево могло и не связываться с пребыванием в нем духа. Таковыми были на Васюгане две пихты в упомянутом месте **JырәӮ-jунк**, «Слепая сосна» близ юрт Озерных, на которую развешивали жертвы, «чтобы не ослепнуть». Некоторым соснам приносились жертвы потому, что они якобы могли успокаивать буянов и драчунов. Это делали как сами виновники, так и их родственники, жертвами были куски красной ткани. У александровских хантов жертвенным было, например, дерево с отходящим в сторону суком, словно рукой просящего человека. Считалось, что жертву требует дух, пребывающий в дереве или живущий под ним. На Вахе священными были деревья, отличающиеся своим внешним видом. Они рассматривались как растущие из подземного жилища духа.

Трудно однозначно ответить на вопрос о том, что являлось определяющим при выборе жертвенного дерева. В одних случаях это зависело от вида дерева (береза — для жертвоприношений **Торуму**, пихта — **Кын'-лунг'у**), в других обращалось внимание на форму дерева; иногда жертвенное дерево являлось таковым потому, что росло в месте обитания духа. В последнем случае деревья лишь относительно можно считать священными: жертвы, по сути дела, приносились местному или всеобщему духу, а само дерево требовало особого к себе отношения как собственность духа, а также как место, куда должны быть доставлены жертвы. В связи с этим вопрос о жертвах деревьям является вопросом о жертвах духам.

Целый ряд жертвенных мест у всех трех групп хантов имел социальное значение. Их сущность может быть сведена к тому, что каж-

дая социальная группа (семья или более крупные объединения) имели свое место для жертвоприношений. Такие места не связывались ни с одной отдельной категорией описанных духов или особых существ, а считались универсальным средством, обеспечивающим общее благополучие. Однако это отнюдь не означало, что члены данной группы могли добиться будущего благополучия жертвоприношениями только в эти места, игнорируя притязания других духов. Первостепенную роль играли все-таки духи отдельных сфер деятельности, местные и всеобщие, и только при условии требуемого обращения с ними в роли защитников могли выступать и жертвенные места социального характера. На таких местах воздвигались амбарчики, предназначенные только для жертвоприношений и ни для чего другого. Имеются, правда, отдельные сведения, что амбарчики не были безусловно обязательными; жертвы могли быть развешены на деревьях или положены в дупла. Небезынтересно, что подобные жертвенные места не связывались с представлениями о сверхъестественных существах, могущих выступать в роли покровителей человека. Они были таковыми сами по себе, как и некоторые деревья, например, предупреждающая слепоту сосна. Вряд ли подобное явление можно рассматривать как позднее. Может быть, их следует считать элементами доанимистического мировоззрения. Г.В. Плеханов писал: «Очень возможно, даже вероятно, что анимизм не был самым первым шагом в развитии человеческих представлений о мире» (1939. С. 26).

Как видно из вышеизложенного, ханты во многих случаях жизни стремились вступить в связь со сверхъестественными существами. Непосредственный контакт человека с такими существами был невозможен, так как последние «невидимы» для большинства людей и им не подчиняются. Человек мог лишь при помощи жертвоприношений обращаться с той или иной просьбой к невидимому существу. Более активной была связь с духами у особых лиц — шаманов

Рис. 32. Священный мыс Ими-пăj. Фот. В.М. Кулемзина, р. Васюган

(**jол, jлтə-ку**). Считалось, что шаманы могут видеть, осязать, призывать и даже вселять в себя духов, разговаривать с ними. Все это существ лялось в процессе камлания. Содержание «беседы» шамана с духами передавалось окружающим. Таким образом, шаман являлся посредником между людьми и миром сверхъестественных существ.

Для исследуемых нами групп хантов не было характерно профессиональное шаманство, шаманы не составляли особой привилегированной прослойки общества. Их функции были довольно ограниченными: в основном они занимались лечением больных. Многие религиозные обряды отправлялись без непосредственного участия шамана, если же он и принимал участие, то наравне с другими. У разных групп отмечены существенные различия в шаманской одежде, атрибутике и акте камлания.

Кроме шаманов здесь были известны и другие лица, выполнявшие религиозные и близкие к ним функции. Это различного рода «гадатели», предсказатели снов, «фокусники», сказочники и т.д. К ним также нередко апеллировало население[31].

Представления о рождении, жизни и смерти

Для хантов очевиден факт, что для зачатия любого живого организма необходимо участие двух противоположных полов. Однако это, казалось бы, бесспорное условие в их мировоззрении является не абсолютным и единственным, а лишь формальной стороной процесса. Это формальное, хотя и необходимое условие еще не определяет положительного результата для деторождения. Его гарантией считалось участие в этом процессе вышеназванного сверхъестественного существа **Анки-ПуYос**. Особенно отчетливо это прослеживается у хантов Ваха. Они считали, что **Анки-ПуYос** обитает в стороне восходящего солнца. Там она «выкачивает» маленьких, на глаз незаметных детей и посылает их на землю (Шатилов М.Б. 1931. С. 117). По другим представлениям, распространенным в целом у васюганско-ваховских хантов, этот дух находится в чреве у каждой женщины и является «настоящей» матерью всех детей данной женщины. Утроба будущей роженицы рассматривалась лишь как местонахождение плода. Подобными представлениями можно объяснить тот факт, что отсутствие детей или рождение уродов ханты не связывали с мужчиной; виновной всегда признавалась женщина, которой **Анки-ПуYос** по каким-либо причинам не давала детей или наказывала рождением уродов.

[31] Подробнее о шаманстве *см.*: Кулемзин В.М. 1976 б.

Здоровье человека с самого начала и даже до его рождения зависело прежде всего от отношения этого существа к матери родившегося, а затем и к нему самому. Болезнь беременной женщины приписывалась влиянию **Анки-ПуYос**, поэтому имел место обычай приносить ей в жертву красный платок (Вю **сунг-jäр-самын'тəY, пуYос-jäр-самын'тəY**). Его вывешивали на чердаке жилища беременной, а в случае ее болезни заносили в дом.

Считалось, что до момента рождения, а также семь-десять дней после появления на свет ребенок находился в ведении **Анки-ПуYос**. Звуки, издаваемые им в этот период, считались общением с ней. «Если ребенок плачет, значит, она ругает его, если смеется, — играет с ним», — говорили наши информаторы. Ханты полагали, что в этот период ребенок находится в связях с невидимыми сверхъестественными существами, с которыми человек не мог входить в общение. Ребенок мог передать содержание разговоров сверхъестественным существам, поэтому при нем избегали говорить что-либо неприятное для последних. Очевидно, с представлением о связи новорожденного с миром духов связан обычай помещать его вначале в специально изготовленную для него колыбель из старой бересты. С того момента, как ребенок начал улыбаться «по-человечески», он считался перешедшим в мир людей, во владение реальной матери.

Новорожденный, как и любой живой предмет, обладал жизненной силой, называемой в литературе термином «душа». Исследованию представлений о душе у хантов посвящено много работ (Paasonen H. 1909; Karjalainen K.F. 1921; Шатилов М.Б. 1931; Paulson J. 1958; Чернецов В.Н. 1959 и др.). В них предлагаются различные точки зрения по этому сложному вопросу. Большинство авторов исходит из признания двух или нескольких душ в представлениях хантов. По исследуемым группам больше всего сведений мы находим у К.Ф. Карьялайнена и М.Б. Шатилова.

Жизненную силу (**ил'т, лил'**)[32] новорожденный получал от **Анки-ПуYос**. Названное существо могло «изготовить» **лил'**, качнув семь раз семь колыбелей на «золотой крыше своего жилища. Если колыбель опрокидывалась, «появлялась **ilt**, которая будет жить долго» (Karjalainen K.F. 1921. S. 52). В понимании хантов жизненная сила **лил'**, присущая человеку с момента его рождения или до этого, являлась его индивидуальной сущностью, которая имела вполне самостоятельное существование и даже собственную жизнь. Это не противоречит представлениям о том, что **лил'** тесно связана

[32] Мы будем пользоваться наиболее употребительным термином **лил'**, за исключением тех случаев, когда дословно цитируется информация.

с существованием человека в период его жизни. Она мыслилась отнюдь не как нечто идеальное и духовное, а как что-то конкретное, материальное, хотя и неуловимое, невидимое для обычного человека. Ханты считали ее похожей на того, в ком она находится: **лил'** человека похожа на самого человека, **лил'**животного — на животное. По другим представлениям она имеет форму пресмыкающегося (ящерицы) или насекомого (жука).

У человека не может быть больше одной **лил'**, у близнецов она была одна на двоих. Если близнецы были однополые, то родившийся первым должен был умереть, и **лил'** переходила ко второму. Разнополые близнецы могли жить с одной **лил'**, которая со смертью одного из них переходила ко второму. **Лил'** постоянно находится в человеке и покидает его только во время сна, обморока, болезни и смерти. Считалось, что во время сна **лил'** «бродит» по тем местам, которые во сне видит спящий. С возвращением ее на место человек просыпался. На Васюгане, правда, считали, что во время сна **лил'** не покидает человека, а сновидения — это предсказания духов, с которыми человек связан неразрывными нитями. «Дух урманный думает, что ты пойдешь на охоту, вот тебе и снится», — говорят информаторы. В случае обморока, например, при сильном испуге **лил'** также покидала человека временно. Но в отличие от сна здесь она находилась рядом с человеком и как только занимала свое место, человек приходил в себя. Эта самостоятельная сила рассматривалась как хозяин человека. Ханты объясняли: «Если ты не хочешь идти на охоту, значит, **лил'** не пускает твои ноги». Временно покинув человека, **лил'** не могла ни заблудиться, ни потеряться. Рассуждения хантов об этом звучат логично и последовательно: если человек спит, он проснется, если сильно испугался, очнется. Со смертью **лил'** покидала человека навсегда. Точнее говоря, для хантов смерть — это состояние, когда **лил'** (**ил't**), покинув тело, уже более не возвращается. «**Ил't мӓнӓj**», — говорят они о смерти, т.е. «**ил't** ушла».

К.Ф. Карьялайнен, исходя из воззрений хантов о том, что «душа» — это сила, отличающая живого от мертвого, и что видимым признаком этой силы является дыхание, допускает, хотя и с оговоркой, наличие души-дыхания. Но указанный автор не приводит конкретных данных о душе-дыхании у хантов Васюгана и Ваха, такие представления не зафиксированы и нашими материалами.

Второй столь же самостоятельной жизненной силой выступало само тело как материальная субстанция, а также его вид, форма, образ. Трудность выяснения различия между телом и его возможными производными идеального порядка (образа, отражения, отпе-

чатка и даже тени) объясняется тем, что эта четкая грань отсутствует в представлениях самих хантов. Материальная часть тела может как бы расслаиваться бесконечное количество раз. Она может давать отражения, отпечатки, появляться в виде призрака, и все эти производные рассматривались как равноценные с самим телом и требовали к себе такого же отношения, как и оригинал. В лексике хантов понятия внешний вид, форма, образ, отпечаток не различаются терминологически, все это носит общее название: Вю **ил'сӓл'**, **ил'сӓл'тӓл'**; Ал **ил'т**; В **илӓс**, **ил'сӓм**; в разговорах по-русски употреблялся термин «тень». Последний термин применялся и по отношению к собственно тени (как к отсутствию света), если она воспроизводит форму предмета.

Если **лил'** наличествует только в живых предметах, то **илӓс** (для удобства будем пользоваться одним из названий) присуща всем без исключения предметам материального мира, т.е. всем видимым предметам, поскольку каждый предмет имеет ту или иную форму. На вопрос, сформулированный по-русски, имеется ли тень у предметов, где нет света, информаторы ответили: «Зимой, когда снег, ни солнца, ни луны нет, а тень все равно есть, всегда с человеком. У подземного камня тоже есть **илӓс**». На Вахе нам так ответили на вопрос о различии между **илӓс** человека, животного и другого предмета: «Тень человека похожа на самого человека, тень зверя — на зверя, так же как **лил'** похожа на того, в ком она есть». По мнению хантов, **илӓс** отсутствует у **лил'**. **Илӓс** исчезает с уничтожением или разрушением предмета как единого целого. «Если камень раскрошить, камень пропал, значит, **илӓс** пропала». Образ приснившегося человека также называется **илӓс** или же самим человеком.

Здесь наглядно демонстрируется нерасчлененность в понимании хантов объекта и его образа. О виденном во сне человеке они говорили, что приходил сам человек, и в связи с этим предпринимали практические действия. Например, если приснился умерший, то его родственники отправлялись на кладбище для свидания с приснившимся (он потому и «приходил» к живым, что «соскучился», так как последние его долго не «посещали»). К отпечатку человеческой фигуры было такое же отношение, как и к самому человеческому телу: на него нельзя было наступать, колоть острыми предметами. Отпечаток нельзя было оставлять на снегу: считалось, что его постепенное исчезновение весной вызовет болезненное состояние человека, оставившего данный отпечаток. Изношенная одежда не выбрасывалась, а вывешивалась где-либо в лесу, так как она рассматривалась частью тела, по крайней мере сохраняющей его

форму. На прямую связь и зависимость оригинала и его образа в свое время обратил внимание М.Б. Шатилов. Он отметил неприязненное отношение хантов Ваха к фотографированию, объяснив это тем, что душа человека, по мнению хантов, перемещалась в изображение, следствием чего может быть смерть (Шатилов М.Б. 1931. С. 117)[33]. К тени, исходящей от живого предмета, отношение хантов было таким же, как и к самому предмету.

Полное разрушение формы влекло за собой уничтожение предмета. Исходя из этих представлений ваховские ханты хранили до конца жизни, например, отрубленный палец, стремясь таким образом обеспечить цельность, неразрушенность формы тела. («Если потеряется, человек может умереть»). При жертвоприношении животного духу ханты не ограничивались тем, что последнему «отдавали» только внутреннюю жизненную силу **лил'**. Шкура жертвенного животного вместе с головой и ногами также вывешивалась на дерево, и, хотя мясо поедалось присутствующими, этим демонстрировалось, что дух получал животное целиком.

Итак, человек имеет кроме внутренней жизненной силы **лил'** еще и другую — **илəс,** которой является само тело, его часть или отражение (видимое проявление). Именно благодаря ему, как воочию видимому образу, человек и может оставаться живым при отсутствии жизненной силы **лил'**. Несмотря на то, что обе жизненные силы представляются самостоятельными, они не должны рассматриваться как независимые одна от другой. Полную активность человек имеет, безусловно, при наличии их обеих. Как указывалось, в случае сна и обморока **лил'** возвращалась в тело сама, а в случае болезни (при похищении злым духом) она должна быть водворена на место шаманом. Само тело без **лил'** не обеспечивало полной активности и жизнедеятельности. Для того чтобы эти две силы находились в единстве, требовалось сохранение тела в целостности — иначе **лил'** могла перейти в отпечаток на снегу или любое другое изображение. К.Ф. Карьялайнен справедливо заметил, что «жизнь души зависит от сохранения и существования тела» (Karjalainen K.F. 1921. S. 179). Весьма любопытно с этой точки зрения, что один и тот же термин **ил't** обозначал внутреннюю жизненную силу (Васюган, Вах) и внешнюю (александровские ханты). Небезынтересным представляется и то, что внутренняя жизненная сила **лил'** «похожа на того, в ком она живет», т.е. форма является одним из ее показателей.

---

[33] По отношению к механическому отпечатку предмета ханты Васюгана и Ваха иногда применяли термин **кθр**. Его значение в принципе не отличается от понятия **илəс**. Фотографии ханты называют **кθр**.

Некоторую ясность в вопрос о соотношении внутренней и внешней жизненных сил могут внести представления о живых и неживых предметах (*см.*: Кулемзин В.М. 1976 а). В лексике исследуемых групп хантов отсутствуют понятия «одушевленный» и «неодушевленный», а все предметы материального мира они делят на живые и неживые. К живым предметам и явлениям относятся те, которые способны к движению, росту, дыханию, видоизменению, простому механическому перемещению в пространстве, оказыванию влияния на другие предметы. В число живых, например, включаются: человек, животные, деревья или растения, вода и снег (если они находятся в естественном состоянии, но не в посуде), огонь, гром и молния, духи и другие сверхъестественные существа. Все названные предметы обладают жизненной силой **лил'**, благодаря этому они и являются живыми.

Лил' некоторых предметов имеет форму самого предмета (у человека, животных), **лил'** других предметов не имеет их формы (растения, огонь), у некоторых же предметов она изменяет свою форму. Таков дух (**лунг**), который, благодаря способности видоизменяться, может поселиться в любом предмете, живом или неживом. При вселении в живой предмет **лил' лунг'а** занимает место жизненной силы предмета, вытесняя ее. Так живой предмет превращается в сверхъестественное существо, т.е. становится духом.

Предметы, не обладающие перечисленными признаками живых, относились хантами в разряд неживых. Таковыми признавались, например, лежащий снег, вода в посуде, камень, пень, отдельно взятый кусок земли. Они не обладают жизненой силой **лил'**. Однако **лунг**, вселившийся в неживой предмет и привнесший в него собственную **лил'**, «оживляет» данный предмет. Живым считался, например, тот камень или пень, в котором, по представлениям хантов, поселился дух. Неживые предметы могли быть «оживотворены», если им преднамеренно придать форму какого-либо живого предмета или если они таковую имели изначально. Так, домашние духи — антропоморфные изображения из дерева — считались живыми. Живым считался участок крутого берега, имеющий внешнее сходство с животным. К разряду живых относились и такие предметы, у которых единственная деталь напоминала какой-либо орган живого существа. Нами уже был приведен пример с деревом с отходящим в сторону суком, сходным с рукой человека. Такие предметы не обладали жизненной силой **лил'**, но тем не менее рассматривались как живые. Они не проявляли активных признаков жизни (отсутствовало, в частности, движение или дыхание), но считались жи-

выми подобно тому, как спящий или человек в обморочном состоянии считался живым, хотя утратил на некоторое время **лил'**. Небезынтересным является и то обстоятельство, что неживые предметы могли рассматриваться в отдельных случаях как живые не только с привнесением жизненной силы **илəс** (в качестве формы живого предмета), но и при единичном проявлении любого признака живого предмета. Например, кусок земли, в присутствии человека свалившийся с берега, считался живым, т.е. обладающим жизненной силой **лил'**.

Таким образом, грань между живыми и неживыми предметами представлялась хантам весьма относительной и подвижной, поскольку, с их точки зрения, у живых предметов имеется две жизненных силы — скрытая в предметах сущность (**лил'**) и внешний вид, форма (**илəс**). Эти представления нашли свое выражение и в погребальном обряде.

Мы уже говорили о том, что «смерть» для хантов отличалась от понимания этого явления в общепринятом современном смысле слова. Это явление называлось **сурам,** но существовали и другие названия, обозначающие буквально «попасть в беду», «потеряться», «потерять **лил'**» и т.п. Подставные названия, видимо, можно объяснить как представлениями хантов о том, что мертвый все видит и слышит, так и боязнью произносить само слово. Умерший человек также назывался по-разному. Наиболее часто применялось название **kəли**. Наряду с ним употреблялось сочетание **сурам-от** — умершая вещь — или описательные выражения: **том Торма питəс** — к тому **Торуму** ушел, **пəлəк Торма мəнвəл'** — на сторону **Торума** ушел[34]. К.Ф. Карьялайнен приводит еще несколько названий: «ходивший неудачно на охоту», т.е. тот, кто не в состоянии что-либо сделать, «тот, кого нужно оплакивать» и др.

С точки зрения хантов, смерть (вернее, уход в другой мир) могла быть вызвана разными причинами. Внезапная смерть связана с разрушением тела. Если тело остается в сохранности, смерть наступает в результате утраты **лил'** навсегда. Такая смерть не может быть внезапной, о ее приближении свидетельствует звон в ушах в вечернее время, появление во сне умерших родственников, крики сверхъестественного существа **Пəчак**. Человек может лишиться **лил'** навсегда по многим

[34] В связи с тем, что у хантов **Торум** — это не только божество, но и небо, т.е. верхняя часть вселенной, остается неясным из приведенных названий смерти, ушел ли умерший к другому **Торуму** или в другую часть вселенной. Логичнее предположить второе, так как ханты словом **пəлəк** называют сторону предмета или горизонта.

причинам: она может быть украдена злым духом нижнего мира, ее может увести с собой **лил'** умершего человека, она может быть вытеснена духом-носителем болезни, который занимает ее место. При быстром вселении злого духа смерть была скоропостижной, медленное вытеснение жизненной силы **лил'** злым духом проявлялось в форме тяжелой и продолжительной болезни, заканчивающейся смертью.

Чаще всего смерть связывалась с хищением жизненной силы **лил' Кын'-лунг'ом** или его посланниками. Срок жизни человека определяет **Торум.** По его истечении человек попадает под власть **Кын'-лунг'а,** который забирает его в нижний мир. Обычно это происходит в преклонном возрасте. Но смерть могла наступить и ранее срока, намеченного **Торумом. Лил'** здорового человека могла быть уведена такой же жизненной силой умершего. Это явление рассматривалось хантами как своеобразная форма мести тому, кто при жизни обижал или оскорблял умершего. Особенно опасным считался еще не погребенный умерший. Но и погребенные могли насылать духов-носителей болезни в мир людей ради увеличения количества обитателей нижнего мира. Смерть могла возникнуть в результате преднамеренных действий и тех духов, специфическим заданием которых являлось не хищение **лил',** а нанесение телесных повреждений. Таков был злой дух **Тарэн.** Он мог натолкнуть человека либо на самоубийство, либо на ссору с другим человеком, что заканчивалось дракой или убийством. Есть сведения и о том, что смерть очень старых людей не связана с действиями сверхъестественных существ. Возможно, такие представления позднего происхождения.

Болезнь, которая постепенно приводит к смерти, могла насылаться не только обитателями нижнего мира, но и живыми людьми, если они причинили вред каким-либо частям тела. Такое мнение основано на вполне рациональных представлениях о взаимосвязи частей целого и о том, что повреждение какой-либо одной части может привести к заболеванию всего организма. Однако иррациональный элемент в понимании хантами единства части и целого приводил к нарушению этих представлений. Так, например, с их точки зрения, можно было нанести вред телу как целому, если нанести вред выделениям, отрезанным ногтям или волосам. Болезнь или смерть можно было вызвать и повреждением изображения человека (объемного, плоскостного или просто обозначенного контура). С нашей точки зрения, в акте повреждения изображения с целью вызвать заболевание оригинала нет магических действий. Здесь сказывается своеобразное понимание хантами части и целого, материального и идеального, формы и содержания. Это находило отражение в их пони-

мании сущности жизни, болезни и смерти человека. Поскольку человек, благодаря наличию внешней оболочки, может быть «бесконечно размножен» в виде его изображений и поскольку все эти изображения — суть сам человек, то достаточно повредить одно из них, чтобы это отразилось и на самом человеке. К.Ф. Карьялайнен справедливо заметил, что владелец изображения получал опасное оружие, враждебное по отношению к изображаемому (Karjalainen K.F. 1921. S. 76)[35].

Болезнь безотносительно к тому, была ли она временной или закончилась смертью, расценивалась хантами двояко. Она могла быть наказанием за нарушение правил и норм поведения (наказание в этом случае исходило и от добрых сверхъестественных существ верхнего и среднего мира) или рассматривалась как неизбежный исход (если была послана из нижнего мира или кончался срок жизни, отведенный **Торумом**). Ханты считали, что болезнь необязательно приводит к смерти: **лил'** могла вернуться сама, ее мог водворить на место шаман, можно было встать под покровительство сильных добрых сверхъестественных существ. При болезни, связанной с утратой какой-либо части тела, можно было избежать смерти путем сохранения этой части в жилище пострадавшего.

Избежать же смерти нельзя, и это не противоречит представлениям хантов о том, что смерть — разновидность обморока (если смерть вызвана уходом **лил'**, а не есть следствие разрушения тела). Смерть — это такая разновидность обморока, когда **лил'** покидает тело, чтобы более уже не вернуться. Как и при обморочном состоянии, **лил'** находилась рядом с человеком как до погребения, так и после него. Свое существование она продолжала «года три, потом сама умирает, когда человек сгниет». По другим представлениям, распространенным особенно на Васюгане, **лил'**, покинув человека и вызвав этим смерть, посещала те места, где бывал человек при жизни. Через сутки она возвращалась и «сообщала» покойному, что уходит далеко и больше не вернется. У всех трех групп, кроме того, имеется представление о том, что после смерти **лил'** «улетает на небо».

Возвращения **лил'** нужно было ждать, по одним данным, сутки (Васюган), по другим — двое (Вах). В это время человек считался еще живым, поскольку уход жизненной силы **лил'** необязательно должен был означать смерть. Если по истечении этого срока человек не проявлял активных признаков жизни, считалось, что он

[35] На Васюгане также изготовлялись деревянные фигурки собак, их хранили вместе с предметами культа. Чтобы вывести из строя охотничью собаку, нужно было нанести вред ее изображению.

находится не в состоянии обморока или сна, а что он мертв. К.Ф. Карьялайнен, анализируя меры предосторожности васюганских хантов от возможных действий умершего, приходит к выводу, что в умершем еще не погасло стремление к своим родственникам, с которыми он был связан при жизни многочисленными узами (1921. S. 89). Действия, исполнявшиеся хантами после смерти человека, также свидетельствуют о том, что они относились к умершему, как к живому человеку.

С того момента, когда человек лишался способности проявлять активные признаки жизни (т.е. со времени ухода **лил'**), и до момента его погребения он рассматривался как все понимающее, видящее и слышащее существо. Ему лишь не хватало той жизненной силы, которая привела бы его в движение. К умершему приглашали на ночь специального сказочника, или рассказчиком был кто-либо из присутствующих. Обычай запрещал оставлять мертвого одного. В жилище поддерживали огонь, который служил не только для обогревания тела умершего, но и для его **лил'**, которая могла вернуться, чтобы согреться. Отношение присутствующих к умершему было двояким: с одной стороны, характерна забота о нем, как о живом человеке, с другой — боязнь его. Боязнь объяснялась представлением о том, что **лил'** умершего могла увести с собой кого-либо из окружающих. Кроме того, за **лил'** умершего охотились духи нижнего мира, пытаясь быстрее увести ее туда. Огонь разводился также и для отпугивания этих духов. По сведениям К.Ф. Карьялайнена (1921. S. 126), одной из защитных мер был вынос из жилища подстилки, на которой находился умерший до помещения его в гроб, а также его личных вещей.

На Васюгане делали надрезы на концах брюк и рукавов или же просто вырезали кусочки одежды умершего. По ним умерший якобы узнавал о том, что он мертв, когда приходил в себя через сутки. Однако это «пробуждение» рядовые люди видеть не могли, его мог наблюдать только шаман. Как указывалось, на Васюгане считали, что к умершему **лил'** возвращалась через сутки и «сообщала» ему, что уходит навсегда и более не вернется. Видимо, с точки зрения хантов, пробуждение умершего и связано с ее возвращением.

В связи с представлениями о возможности возвращения **лил'** в течение первых двух суток хоронить умершего нужно было на третьи сутки. На Васюгане считали, что **лил'** могла вернуться только через сутки, но хоронили тем не менее также на третьи сутки. Ваховские ханты хоронили умершего по возможности скорее, как только изготовят для него колоду (Шатилов М.Б. 1931. С. 119).

Этот обычай является традиционным и менее всего подверженным чуждому, особенно русскому, влиянию, хотя, видимо, и не является самым ранним. Он находится в полном соответствии с представлениями хантов о жизненных силах. Гроб, рассматриваемый как последнее жилище покойного, как его место пребывания, является таковым прежде всего для **лил'**, вышедшей из тела. Самое тело, естественно, должно быть водворено сразу туда же. Если гроб изготовлялся не сразу, а на вторые или третьи сутки после смерти, то это объяснялось стремлением окружающих продлить умершему жизнь «на этом свете», тем более что возможно было возвращение **лил'**. Наиболее верной, однако, представляется точка зрения, высказанная в свое время В.Н. Чернецовым (1959. С. 152–153). Как известно, данный автор исходил из того, что целостности предмета, его форме люди придавали исключительно большое значение на доанимистической стадии развития. По его мнению, именно к ней может восходить обычай хоронить на третьи сутки, когда появлялись явные признаки смерти — внешнее изменение тела.

Названия гроба различаются у разных групп — Вю **камп**; Ал **jyY-kθры** — дерево для образа; В **kəлы-jyY** — мертвого дерево. Наиболее древние вместилища для мертвых известны на Васюгане. Здесь хоронили в распиленной поперек и сложенной вдвое долбленой лодке, а также в долбленой колоде. Хоронили и в коробах, сшитых из двух слоев бересты и состоящих из двух равных половин — нижней и верхней. Зашивали умершего и в оленью шкуру; интересно, что ее название — **камп** — позднее было перенесено на гроб. На Вахе хоронили в долбленых колодах, кроме того, повсеместно использовались дощатые гробы.

Лишь в исключительно редких случаях человек, считавшийся умершим, оживал. Видимо, это происходило с сильно угоревшими или потерявшими сознание на длительный срок, но тем не менее сохраняющими какие-то признаки жизни. Ханты объясняли это тем, что **Кын'-лунг** взял **лил'** человека раньше, чем окончился срок, отведенный ему **Торумом.** На Вахе в подобных случаях специальное лицо **исылта-ку** ложился лицом рядом с «умершим» и лежал трое суток без присутствия других людей. Считалось, что **исылта-ку** отправлялся вниз, в царство **Кын'-лунг'а,** дорога к которому занимает более суток. Там он якобы объяснил, что **лил'** умершего попала преждевременно к духам нижнего мира и что она должна быть возвращена. Было два возможных исхода: либо **лил'** возвращалась умершему, либо **Кын'-лунг** отказывал в просьбе, и тогда «умерший» умирал окончательно, терял последние признаки жизни.

Однако и после окончательного ухода **лил'** умерший все-таки не рассматривался как абсолютно мертвый. На Васюгане был обычай перед выносом покойного из жилища садиться на гроб, скрип которого давал знать умершему, что его уносят не случайно, а что он мертв. «Покойник вспоминает, что он умер», — так объясняли значение этого действия ханты. Перед выносом гроба с телом умершего имел место обряд неоднократного поднимания и опускания гроба. По данным К.Ф. Карьялайнена и М.Б. Шатилова, это делалось для выяснения того, своевременно или преждевременно умер человек. Во время наблюдаемого нами погребения на Вахе информаторы объяснили, что гроб с телом поднимается для того, чтобы узнать, покинула **лил'** тело или еще нет. Если гроб казался тяжелым, то **лил'** еще находилась в теле или вернулась в него временно. Если гроб казался легким, то **лил'** «ушла». Но бывает и так, что при одном из поднятий гроб кажется легким, а при следующем — тяжелым. Это означало, что умерший «украл» **лил'** у кого-либо из присутствующих[36]. Поднимающий спрашивал у мертвого: «На кого ты сердишься, т.е. у кого украл **лил'**?» Ответ последнего поднимающий передавал присутствующим. Названное «умершим» лицо из числа присутствующих должно было вскоре умереть. По нашим наблюдениям, а также судя по сообщениям информаторов, вынос тела и погребение не осуществлялись, если обнаруживалось присутствие **лил'** в умершем. Как правило, на четвертое-пятое поднятие исполнитель обряда сообщал, что **лил'** отсутствует и что умершего пора провожать в нижний мир. Похороны именно такое название и носили — В **ыл тäYили** — вниз отправлять.

Гроб с телом умершего зимой на нарте, а летом на лодке отвозили к месту захоронений, располагавшемуся обычно неподалеку от поселения, на высоком незатопляемом берегу. Могилу выкапывали сразу же после доставки трупа на кладбище. Могила называлась В **лат, кəлы-лат**, а кладбище — Вю **кəлəнса** (от **кəли** — мертвый), **jaYы-пуYəл** — народа поселение. С точки зрения хантов, умерших отправляют для дальнейшей жизни в другой мир. Для этого им ставили в гроб сбоку головы некоторый запас пищи, клали трубку и табак. Из пищи не клали мертвому карася и нали-

[36] На Васюгане зафиксировано и такое объяснение: гроб оказывался тяжелым у людей, которые вели неправильный образ жизни, нарушали различные правила и запреты, оставаясь неуличенными. Тот же, кто вел правильный образ жизни, «ни на кого не сердился», должен быть в гробу легким. Подобные представления мы считаем трансформированными под влиянием христианской идеи «воздаяния на том свете».

Рис. 33. Забой оленя для умершего. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

Рис. 34. Сооружение на могиле. Фот. Н.В. Лукиной, р. Вах

ма. Считалось, что карась живет на дне, в иле, т.е. в нижнем мире, и там его можно будет добывать, а налим — это рыба, которая ест покойников. Этих рыб нельзя было привозить на кладбище для поминок. Пищи клали немного, «а то умерший будет считать: у меня добра много, можно еще кого-нибудь забрать».

Глубина могилы была небольшой — до подмышек погребенному, ориентация — головой на восток. После угощения пищей и чаем, в котором «участвовал» и умерший, гроб обертывали и накрывали берестяной тиской, опускали в могилу и закидывали землей. Над могильным холмом, у головы погребенного, ставили сосновую палку (В **oYo-jyY** — голова-палка), а позднее крест. Поверх могилы оставляли одежду, орудия труда, средства передвижения, утварь, детям и игрушки. Этот обычай является, видимо, пережитком наземных захоронений, когда все необходимое оставляли мертвому рядом с ним, на земле. Сопроводительный инвентарь сознательно приводили в негодность: у котла пробивали дно, у режущих инструментов отламывали кончик острия, у нарты ломали передок и т.п. Наиболее вероятным объяснением этого обычая было представление хантов о том, что в нижнем мире все «наоборот»: мертвое там живое, а поврежденное — невредимое, поэтому вещи должны быть приведены в соответствие с закономерностями нижнего мира.

Иногда при похоронах забивали оленя или лошадь, так как считалось, что умерший в нижнем мире нуждается в ездовом животном. Поскольку мертвый считался в нижнем мире живым, жи-

вотное должно быть убито в этом мире, чтобы стать живым вместе со своим хозяином. Мясо поедалось присутствующими, а шкура оставлялась вместе с другими вещами на могиле. Над могильным холмом устраивали подобие домика (В **кат-сурам-кəсы** — дом мертвого человека). Обычно это были дощатые постройки, на Вахе встречались и рубленые. В могильный холм втыкали палку или ставили крест. Формы крестов были самыми разнообразными, каждый старался сделать его «поинтереснее». Закончив похороны, люди покидали кладбище. Каждый должен был положить позади себя поперек следа прутик — преграду для **лил'** умершего, которая могла увязаться за родственниками и увести с собой чью-либо **лил'**[37].

Поминки устраивались у «домика» мертвого его родственниками. Здесь разводили небольшой костер и готовили пищу, часть которой через отверстие в стене намогильного сооружения оставляли для умершего. Продолжительность периода, в течение которого необходимо было поминать умершего, не была строго определенной. Вообще это происходило в течение трех лет. К.Ф. Карьялайнен считает, что этого срока было достаточно, чтобы умерший устроился в потустороннем мире и более не нуждался в помощи своих родственников (1921. S. 132). Возможно также, что прекращение поминок связывалось с разложением тела, когда мертвый «умирал» окончательно и не было необходимости в оказании ему помощи. Это находит подтверждение и в сообщении М.Б. Шатилова о том, что поминки совершались в течение трех лет, когда душа умершего еще может возвращаться в среду живых и приносить им вред, если они не справляют поминок (1931. С. 119).

О возвращении умершего наши информаторы говорили следующее: «Если звон в ушах, кто-то из умерших пришел и вспоминает. Если вечером, то нужно сказать: что ты ночью ходишь, поди ешь собачий кал». Считалось, что в правое ухо «звенят» самые близкие родственники, а в левое — отдаленные; можно было якобы узнать и голос мертвого. Его проникновение в жилище можно было предупредить, если подпереть дверь или положить на его пути ударяющие предметы.

Вера хантов в возможность возрождения умершего проявляется в представлении о превращении его в медведя после пребывания в нижнем мире (Вах). Это происходило далеко не с каждым умершим, а только с тем, которому очень хотелось вернуться в средний мир, в сообщество своих родственников. В связи с этим имел место обычай «спрашивать» у отстреленного медведя, кто он есть из по-

[37] О похоронном обряде и кладбищах хантов Ваха *см.* также: Соколова З.П. 1971. С. 231–234.

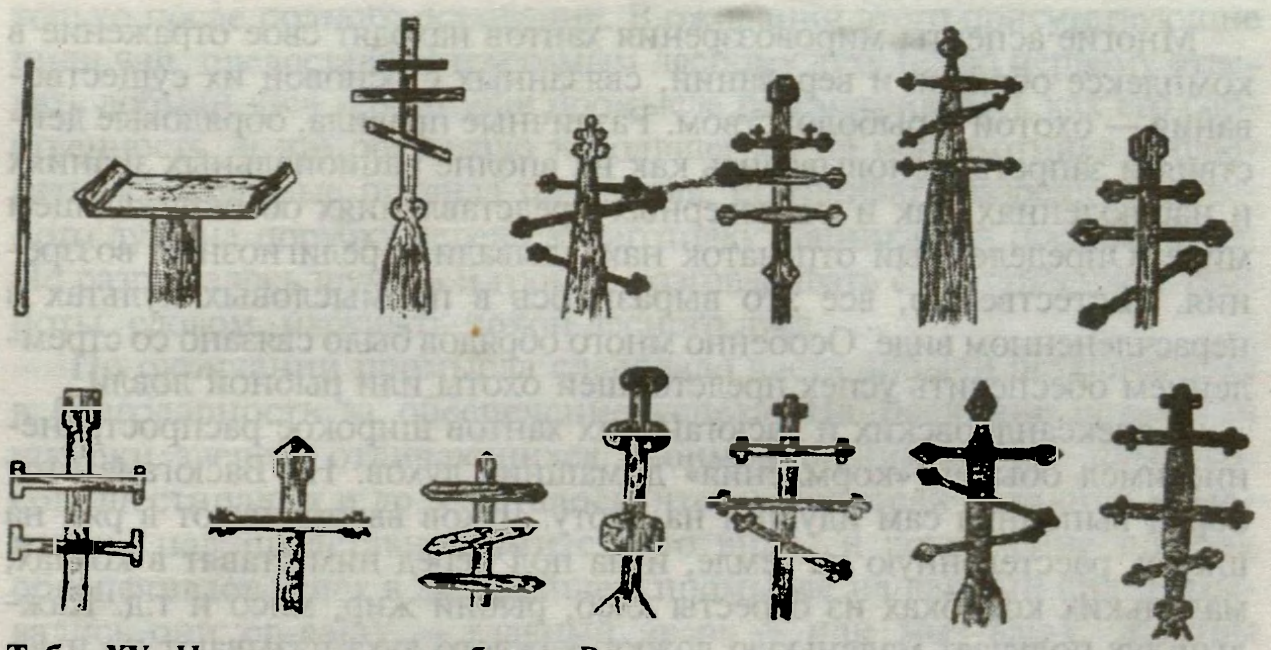


Табл. XV. Намогильные столбы, р. Вах

гребенных родственников. Для этого поднимали и опускали голову убитого зверя и называли конкретных лиц. Если голова оказывалась тяжелой, значит, медведь и был этим лицом. Наличие на теле зверя какой-нибудь отличительной черты (лысина, шрам), присущей кому-либо из умерших, служило для хантов достаточным основанием для их отождествления. Стремление вернуться на «этот свет» объяснялось тем, что в целом в нижнем мире хуже, чем здесь: земля сырая, из рыб только карась, жизнь менее разнообразная и вообще неуютно. Вместо **Торума** там правит злой **Кын'-лунг**, возможность жить имеют не все погребенные, а только имеющие в сохранности тело. С идеей возрождения, очевидно, связан обычай хантов хоронить умерших на чужбине на кладбище по месту рождения. Возможно, что это связано с воззрением о том, что **лил'** умершего должна возродиться среди родственников.

Промысловые культы и почитание животных

Многие аспекты мировоззрения хантов находят свое отражение в комплексе обрядов и верований, связанных с основой их существования — охотой и рыболовством. Различные правила, обрядовые действия и запреты основывались как на вполне рациональных знаниях и наблюдениях, так и на неверных представлениях об окружающем мире. Определенный отпечаток накладывали и религиозные воззрения. Естественно, все это выразилось в промысловых культах в нерасчлененном виде. Особенно много обрядов было связано со стремлением обеспечить успех предстоящей охоты или рыбной ловли.

Многие аспекты мировоззрения хантов находят свое отражение в комплексе обрядов и верований, связанных с основой их существования — охотой и рыболовством. Различные правила, обрядовые действия и запреты основывались как на вполне рациональных знаниях и наблюдениях, так и на неверных представлениях об окружающем мире. Определенный отпечаток накладывали и религиозные воззрения. «Естественно, все это выразилось в промысловых культах в нерасчлененном виде. Особенно много обрядов было связано со стремлением обеспечить успех предстоящей охоты или рыбной ловли.

У александровских и васюганских хантов широкое распространение имел обычай «кормления» домашних духов. На Васюгане этот обряд выполнял сам идущий на охоту. Духов выстраивают в ряд на шкуру, расстеленную на земле, и на пол перед ним ставят в котлах, маленьких коробках из бересты хлеб, рыбий жир, мясо и т.д. Каждый дух получает маленькую ложку, каждого духа называют по имени и приглашают есть. Например, «Склонись, дух, над дымом костра, попроси для меня долгой жизни, обеспечь мне добычу, у которой кончился срок жизни (т.е. которая встретилась мне как добыча)» (Karjalainen K.F. 1922. S. 22). Остальные члены семьи не принимали участия в обряде, а женщинам даже запрещалось входить в жилище, пока не будут убраны духи на свое место. У александровских хантов духов «кормили» только после удачной охоты, а непосредственно перед выходом на промысел ограничивались смазыванием их лиц рыбьим жиром. Здесь в обряде принимали участие не только члены семьи, но вообще все родственники; подобное явление объясняется, вероятно, тесным переплетением промысловых культов с семейными. Коллективные жертвоприношения родственников, а по некоторым данным, и вообще жителей одного поселения, были известны на Васюгане. Перед уходом на промысел одного или нескольких членов семьи созывались все родственники, забивалось жертвенное животное и устраивалось празднество (**парры**). Лесному духу в качестве жертвы отдавалась шкура животного. Считалось, что до начала промысла дух должен довольствоваться этим приношением. Придя на место промысла, охотник должен был соблюдать целый ряд определенных правил. Прежде всего обычай требовал сделать подарок обитающему здесь лесному духу, чтобы добиться его расположения. Это называлось **ӈырәӮпәнвәл, ӈирәӮсәвәл** — жертву сделать. Подарком мог быть кусок новой ткани, несколько монет или специально сшитый для этой цели халат. Шкурка первого отстреленного зверька вывешивалась также лесному духу. На Вахе во время весенней охоты мясо первых добытых уток ставилось на стол и употреблялось в пищу

только после полного остывания. В ожидании этого присутствующие пили чай, предоставляя тем самым лесному духу право первому отведать добычи. Вся территория промысла рассматривалась как его собственность, и это обязывало находящегося на ней охотника соблюдать необходимые правила поведения: спрашивать разрешения лесного духа на порубку деревьев, заготовку лапника для постели и т.д. Не разрешалось шуметь и громко разговаривать с наступлением темноты, словом, нарушать покой лесного духа.

По окончании промысла следовало часть добычи оставить духу в благодарность за обеспечение успеха. На Васюгане оставляли шкурки зверей, отличающихся своим внешним видом: альбиносов, шестипалых и др. Считалось, что их носители являются «главными» над представителями своего вида, и сохранение шкурок обеспечивает успех в дальнейшем промысле на данный вид. Назывались они **ор-вајәY** — главный зверь — или **мыч-вајәY**. Жертвы приносились не только лесному, но также местным и всеобщим духам. Однако жертвоприношения всеобщим сверхъестественным существам не были безусловно обязательными и не имели широкого распространения. Даже такой значительной фигуре, как **Торум**, жертвоприношение делалось не всегда. Считалось, что успех в охоте на зверя зависит прежде всего от лесного духа, который «отпускает» охотнику то или иное количество добычи.

Особое положение в представлениях хантов, особенно васюганских, занимал лось. Если остальные животные находились в непосредственном подчинении лесного духа и для удачной охоты на них нужно было добиться помощи этого духа, то успех в промысле лося зависел от расположения самого лося. Для этого ему на березу вывешивались жертвы. Выслеживание и охота на лося рассматривались хантами Васюгана как игра в подобие шахмат — **топис**, где противниками являются охотник и зверь, понимающие ходы друг друга и реагирующие на них. По рассказам хантов, у некоторых лосей при снятии шкуры обнаруживается в области лопатки небольшой белый камень, бережное обращение и хранение которого гарантирует дальнейшую удачу в охоте на этого зверя. Камень могли передавать по наследству. Для успешного промысла достаточно было посмотреть на камень, который при этом «краснел». Отдельные особи якобы предупреждали, чтобы в них не стреляли, издавая мычащие звуки. Выстрел в такого лося мог повлечь за собой смерть кого-либо из родственников.

На Васюгане в прошлом ежегодно проводился лосиный праздник (**н'θY-парры**), наиболее подробно о нем рассказывают в юртах Озер-

ных на берегу озера Тух-эмтор. Праздник приурочивался ко времени вскрытия рек и озера, по другим данным, он проводился в начале лета. Каждый охотник поселения должен был хранить определенные части всех добытых им лосей — глаза, почки, печень и т.п.; ко времени проведения праздника их скапливалось достаточное количество. Сердце должно было быть одно. По другим сведениям, незадолго до праздника одного из добытых лосей клали на хранение в холодное место или использовалось только что убитое животное. В назначенный день шаман или мужчина, проснувшийся первым, начинал праздник. Взрослое мужское население поселка переплывало на лодках озеро и располагалось на мысу Ими-пăj[38]. Здесь руководитель праздника устанавливал огромный котел, в котором варили лосиное мясо. Готовое мясо он разбрасывал небольшими кусочками на семь сторон; так же расплескивался и бульон. Это осмыслялось как кормление различных духов. Затем все приступали к поеданию мяса. Его запрещалось подсаливать, брать железными вилками (применялись специальные деревянные вилки) или резать ножом, сердце нельзя было резать поперек волокон. Костный мозг нужно было есть сырым. Нарушение этих запретов влекло за собой неудачный промысел в дальнейшем, так как ханты полагали, что остальные лоси «будут мстить» за своего сородича, отводя пулю или избегая встречи с охотником. Для исправления нарушения нужно было начертить на копыте лося изображение креста. Оставшееся от праздника мясо увозилось в берестяных сосудах в поселок женщинам и детям.

В других местах Васюгана лосиный праздник выглядел намного проще. Варили только голову, при поедании которой шаман гадал с помощью ложки. Он бросал ее на пол; падение выгнутой стороной вверх предвещало удачную охоту на лося в будущем сезоне, а вниз — неудачную. Нельзя было опаливать губы животного и употреблять соль при поедании его глаз. Вообще лось на Васюгане рассматривался как символ благополучия и богатства. Так, для обеспечения удачного промысла нужно было сделать подарок изображению лося из белого камня, которое якобы появляется из-под земли на берегу р. Тух-Сиги[39]. Здесь же при строительстве рыболовных запоров изготовлялись священные молоты, оформленные в виде головы лося[40].

У ваховских и александровских хантов не зафиксировано почитание лося в такой ярко выраженной форме, как на Васюгане. У

---

[38] На лосиный праздник нельзя было брать собак.

[39] Подробнее об этом *см.*: Легенды и сказки хантов. С. 25.

[40] *См.*: Иванов С.В. 1949. С. 148; 1970. С. 34.

них широко был распространен культ медведя, наиболее полные сведения об этом имеются с Ваха. Большинство обрядов, связанных с почитанием медведя, нашло отражение в медвежьем празднике. Многие элементы культа медведя не имеют непосредственного отношения к промысловым культам, но мы пишем о нем в этом разделе, так как считаем, что целесообразнее не разделять комплекс этих верований, а дать его в целом.

Существовало несколько способов добычи медведя, и все они заканчивались празднеством. Случайно встреченный в лесу медведь рассматривался как умерший родственник, желающий попасть в гости, поэтому он должен быть немедленно «приглашен», т.е. отстрелен. Васюганцы считали, что этот зверь (**иY, какым-**вајəY — младший брат-зверь) имеет в округе своего обитания какое-либо дерево, о которое периодически «точит» когти. Заметив на коре следы когтей, охотник должен был выше сделать зарубку топором, т.е. положительно ответить на вызов зверя к поединку. Медведь, якобы принимая вызов охотника, в следующий приход делал царапины выше этой зарубки. В следующий раз, если охотник не застал зверя, делал топором зарубку опять-таки выше царапины. Так продолжалось до тех пор, пока не происходила встреча человека со зверем.

Но чаще всего медведя добывали в берлоге. Подойдя к ней, охотники доставали по куску мяса и говорили, что им не требуется мясо и сало медведя, а он нужен как гость. Куски мяса демонстрировали достаток и обеспеченность людей. При охоте в берлоге ханты всячески старались скрыть свое непосредственное отношение к факту убийства, маскируя его или перенося вину на других лиц и предметы. С убитого зверя снимали шкуру, за исключением головы и ног, до голенных суставов. Эту работу следовало сделать в один день, но при наступлении темноты можно было отложить и на следующий. В таком случае медведя укладывали животом вниз, перед его мордой втыкали топор, а на голову клали брусок. Эти действия выполнялись для того, чтобы медведь «не поднялся». «Брусок, — поясняли ханты, — такой сильный, что точит топор, с ним медведь встать не сможет». Шкуру вывозили в тот же день, что и мясо, но на разных нартах. При подъезде к поселку медведю надевали на голову шапку (самке платок) и делали в зависимости от пола пять или четыре выстрела, произнося: «Приготовьтесь встречать, в гости идет медведь». На Васюгане охотник, приближаясь к дому, кричал: «Ёлка меня заставила» (т.е. не он виноват в убийстве зверя). Шкуру с неотделенной головой и лапами помещали в жилище, голову укладывали на передние лапы и перед ней ставили берестяные коробки с пищей по количеству

участников охоты. Запрещалось выставлять в качестве угощения медвежье мясо. Дальнейшие действия на Васюгане выглядели так. Кто-нибудь накладывал на глаза зверю монеты и произносил: «Проснулся». Присутствующие пели хвалебные гимны в честь медведя. Их основное содержание сводилось к тому, что здесь, среди людей, находится гость — медведь. Поедая медвежье мясо и сало, подражали звукам ворона. Это также являлось своеобразной маскировкой. Празднество длилось четыре или пять дней, соответственно полу убитого зверя. По истечении этого времени обдирали голову и лапы. Голова вываривалась в котле, череп перевязывался кедровым корнем и помещался на чердак жилища. По одним сведениям, это делалось для того, чтобы челюсти не развалились, по другим — чтобы впредь медведь не мог кусаться. Видимо, как первое, так и второе объяснения имеют под собой основания. С точки зрения хантов, голова не должна «разваливаться», ведь не случайно запрещалось дробить кости зверя. Второе объяснение также не лишено логики. Ханты исходили из того, что костяк медведя имеет способность облекаться кровью и плотью, т.е. оживать. Медведь, таким образом, мог встретиться человеку вторично, и для обезвреживания его челюстей их следовало перевязать.

На Вахе медведя помещали в почетный передний угол мордой к очагу со словами: **«Пэт'авэла вонт-ики»** — здравствуй, лесной старик. Затем происходил обряд поднимания и опускания головы медведя, при котором устанавливалось, кем из умерших родственников он является. Если при упоминании имени голова поднималась легко, факт превращения человека в медведя был установлен. Тогда голову укладывали на лапы и перед ней ставили угощение в посуде, вино и спички, бросали ей куски мяса. Убивший медведя возлагал общее руководство праздником на кого-либо из старших среди присутствующих, желательно родственника. На праздник могли прийти все жители поселения. Здесь же находились женщины и дети, но участия в празднике они не принимали. Обязательным было присутствие участников охоты. Когда руководитель объявлял, что медведь насытился (гость должен был поесть первым), начиналась трапеза имеющих на нее право. Стол, который прежде стоял перед головой медведя, теперь выдвигался в центр жилища и присутствующие занимали места вокруг него. На стол подавалось мясо и сало медведя. Отметим, что стрелявший в зверя не принимал непосредственного участия в торжестве. Считалось, что находящийся здесь медведь жив, все видит и слышит и если узнает, кто его убил, то впоследствии сможет отомстить.

После насыщения участников угощения стол отставляли в сторону и на его место усаживали медведя. Руководитель брал пять или четыре лучины (соответственно полу медведя), каждая лучина предназначалась для разведения костра на одну ночь. Если был убит медведь, ведущий ограничивался беседой с ним и узнавал о жизни зверей в лесу (ведь это был лесной человек), о их местонахождении, о возможности добычи и т.д. С медведицей он имитировал совместный сон, обнимал ее и разговаривал. Затем поджигалась вторая лучина, третья и т.д., что означало наступление следующих ночей. После сгорания последней лучины ведущий отрезал ножом кончик носа с частью верхней и нижней губы, отчего образовывался замкнутый ремень. Руководитель праздника надевал его себе на шею, а нос медведя придерживал у себя на лбу. Сделавшись таким образом «медведем», он должен был свистнуть, подражая бурундуку. После этого дважды имитировалась борьба медведя с кем-нибудь из присутствующих. Объяснялось это так. Когда-то у медведя было две старших сестры-бурундука. Шли они однажды втроем по лесу, медведь устал и свистом попросился к самой старшей сестре на спину. Когда она устала, он взобрался на спину другой сестре. «С тех пор, — говорят ханты, — бурундук полосатый, медведь оцарапал своим сестрам спины». По другому объяснению, положение медведя под соперником означало его поражение и победу охотника. Как в том, так и в другом случае имитация борьбы считалась последним актом медвежьего праздника, хотя обряды на этом не кончались.

Как при встрече медведя-«родственника», так и при добыче его в берлоге во всех действиях по отношению к зверю усматривается противоречивость. С одной стороны, зверь убит и это требует различных оправданий, с другой — в этом же звере видят своего когда-то умершего родственника, который считается равным среди присутствующих. Такое своеобразное понимание хантами одной и той же вещи, которая для них является строго расчлененной, не может быть ими объяснено с достаточной ясностью, и это создает основную труд-

Рис. 35. Череп медведя. ТОКМ, колл. № 3411/89, р. Васюган

ность в осмыслении материалов по культу медведя. С нашей точки зрения, для хантов противоречие в отношении к убитому зверю снималось тем, что отдельные его части выступали в разных ролях. Шкура с головой и лапами, «находящаяся в гостях и принимавшая угощение», считалась человеком, а сама туша без головы и лап в роли зверя — носителем мяса, которое нужно было съесть. До снятия шкуры зверь рассматривался тем и другим, поэтому к нему обращались одновременно с приглашением в гости и искупительными словами.

После окончания праздника медведь утрачивал свою «двуликость» и рассматривался хантами только с одной точки зрения — это был убитый и доставленный сюда зверь. Уже после отрезания носа медведя убивший его наравне с другими принимал участие в разговоре, он же объявлял об окончании праздника. Шкуру медведя расстилали на полу и снимали ее с головы и лап. Голову варили в котле, мясо ставили на стол, теперь его могли есть женщины и дети. Оставался в силе запрет называть отдельные части тела медведя. Например, язык называли ящерицей. Кости можно было расчленять только по суставам, но не дробить. Часть мяса оставляли на концах костей. По оголенным костям водили гребнем, символизируя расчесывание волос. Череп помещали на чердак дома, вверху чума или вывешивали в лесу на дерево. Куски мяса, которые медведь «получал, будучи в гостях», закапывали в землю. На Вахе устраивались специальные хранилища для всех добытых данным человеком медведей, они назывались **пöYорты-лθY** — сруб для костей. По словам информаторов, сруб из шестивосьми венцов имел размеры 2х4,5 м. Крыша была плоской, из накатника. Во втором от верха бревне делали во всю его ширину отверстие для сбрасывания костей внутрь сруба. Черепа медведей выставлялись в ряд на крыше. Все это было связано с представлением о том, что неразрушенные части скелета обладают способностью облекаться кровью и плотью, после чего медведь оживет.

Промысловые культы нашли свое выражение и во всевозможных запретах, временно или постоянно действующих правилах поведения. На Васюгане, например, если один из охотников убил лося, а его спутник — нет, то последний все имеющиеся с собой патроны расстреливал в этого лося. Считалось, что при следующей встрече со зверем все заряды таким же образом уйдут в цель. Запрещалось бросать в костер перо и пух ощипанных птиц, так как другие птицы будут с опаленными перьями и не смогут летать. Если на охоте «пищал» костер, то в него нужно было бросить горсть толченой сухой рыбы. Это гарантировало хорошую добычу на следующий день, ибо

огонь никогда не оставался безучастным к судьбе охотника. На Вахе запрещалось сжигать не только перья птиц, но и внутренности, чешую рыб. На стоянке рыба чистилась деревянной пластинкой в одном и том же месте, а чешуя не разбрасывалась по сторонам. Нельзя было пинать, бросать и вообще небрежно обращаться с добычей. Из представлений о том, что животные, а особенно лесные духи, все понимают, видят и слышат, возникли такие запреты, как хвастать удачей или накануне выхода на промысел обещать принести много дичи. В противном случае лесные духи могли оставить охотника вообще без добычи до момента принесения искупительной жертвы этим духам. На Вахе обычай запрещал охотнику поднимать самому убитого им зверька или птицу, это должен был сделать идущий следом. Нам не удалось получить удовлетворительного объяснения такого явления. Считалось, что охотник может «испортить руку», нарушая обычай (Садовников Г. 1911. С. 16). По существующему поверью, если охотник стрелял несколько раз подряд и не мог попасть в белку, то поблизости находилась берлога. Предвестником добычи был кувыркающийся в воздухе ворон.

Отношение хантов к различным животным и их изображениям было отнюдь не одинаковым. Причины и степень почитания тех или иных видов были различными. Почитание лося объясняется, видимо, тем огромным значением, которое он имел в жизни хантов, особенно васюганских; не случайно лось осмыслялся как символ изобилия. Почитание бобра в этой же группе связано с представлениями о том, что он пришел на Васюган вместе с хантами. Кроме того, ханты верили в полное взаимопонимание их с бобрами. В подтверждение такого мнения нам рассказали случай с охотой на последнего бобра. Установив на него ловушку, хант ночью услышал песню бобра о том, что с их исчезновением исчезнут и ханты. Обеспокоенный судьбой народа и своей собственной, охотник утром сломал ловушку. В меньшей степени почиталась выдра. Ей, так же, как и бобру, приписывалось наличие сорока семи ног, из них видимы только четыре. Именно этим ханты объясняли способность выдры ходить по земле, плавать и ходить под водой и даже под землей. Почитались также птицы и животные белого цвета, в частности скопа, чайка, лебедь и горностай. Причины почитания были различными. Например, скопа считалась сыном **Торума**, но была им превращена в птицу за непослушание. Горностай выступает нередко в легендах помощником людей. Ханты считали, что все животные белого цвета «имеют душу, как у людей», и отличаются от них только формой. Можно предположить, что почитание белых особей

связано с особым отношением к белому цвету вообще, как к цвету верхнего мира, светлого, божества **Торума**.

Некоторые животные считались посредниками в наказании. В первую очередь, к ним следует отнести волка и медведя. Эти животные фигурировали в различных клятвенных церемониях. Например, на Васюгане для наказания неизвестного вора брали сухожилие волка и сжигали его, произнося: «Пусть рука вора скрючится так же, как это сухожилие». На Вахе, если муж подозревал жену в измене, то она ставила перед собой череп медведя, делала на его лбу свое изображение и говорила в присутствии мужа: «Если я виновата, пусть меня в лесу поймает медведь и разорвет». Клятва на медвежьей шкуре была у хантов самой сильной.

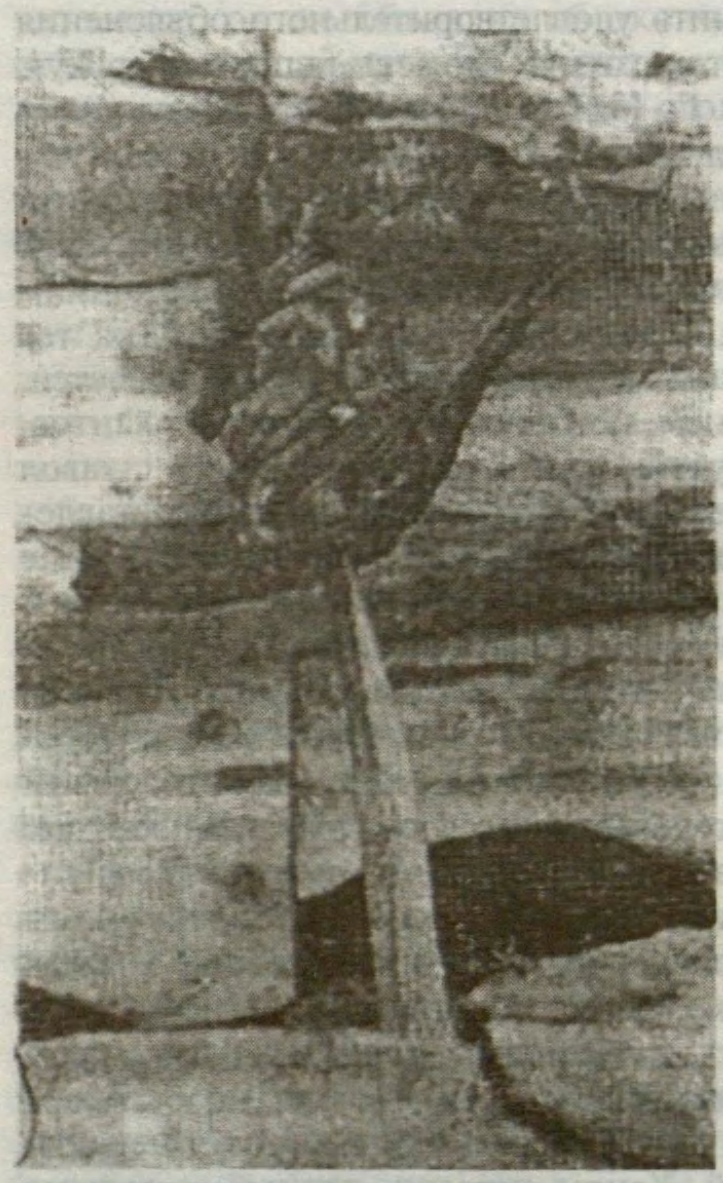


Рис. 36. Конечности и хвост выдры, хранимые для удачной охоты. Фот. В.М. Кулемзина, р. Вах

Вряд ли можно говорить во всех перечисленных случаях о культе животных. В свое время К.Ф. Карьялайнен справедливо отмечал, что особое отношение к некоторым животным или изготовление их фигурок необязательно свидетельствует о существовании их культа (Karjalainen K.F. 1927. S. 8). Любопытно, что почитались в основном дикие животные и среди них чаще те, которые имели промысловое значение. Несмотря на почитание, последние добывались без каких-либо ограничений, а особое отношение к медведю и лосю проявлялось главным образом уже после их убийства. Все это позволило К.Ф. Карьялайнену заключить: «О настоящем культе животных у угров говорить нельзя, а лишь об их почитании» (Karjalainen K.F. 1927. S. 36). Автор прав, видимо, и

в рассуждениях о том, что почитание животных еще не дает полного основания для рассмотрения его в качестве пережитка тотемистических воззрений (Ibidem. S. 40–42).

Приемы и действия, направленные на достижение успеха в рыболовстве, были аналогичны вышеописанным и имели с ними общую основу. Действия, направленные человеком по отношению к какому-либо водоему с целью извлечь из него рыбу, рассматривались лишь как формальные условия для достижения цели. В основном же результат деятельности, с точки зрения хантов, зависел от отношения водного, местного или всеобщего духа. Однако такая предопределенность результатов со стороны сверхъестественных существ и в первую очередь водного духа не освобождала рыболова от затраты максимума усилий при выборе места, изготовлении и расстановке снастей. Дело в том, что дух «вознаграждал» человека добычей лишь тогда, когда последний этого вполне заслуживал. Во-вторых, дух мог послать лишь рыбу в установленные ловушки, не «отвечая» за ее дальнейшую судьбу вплоть до момента извлечения рыболовом. Все это обязывало тщательно следить за сохранностью снастей. В основном все-таки успех приписывался тем отношениям, которые складывались между духом и человеком. Они определялись как одной, так и другой стороной. И человек, естественно, стремился к наиболее активной роли в определении этих отношений, чего можно было добиться только одним путем: задобрить, умилостивить духа так, чтобы он при необходимости отвечал человеку полной взаимностью. С подобными представлениями связан весь комплекс действий хантов, направленный на обеспечение успеха в рыбной ловле.

Как указывалось, васюганцы считали, что подача рыбы зависит от духа **Кул'-јунка**. Для него изготовляли из дерева и бересты фигурки рыб, которые брали с собой на рыбалку. Они рассматривались не как изображения духа, а как принесенные ему жертвы (Karjalainen K.F. 1922. S. 242). Интересный обряд зафиксирован нами в юртах Озерных на Васюгане. Здесь, на берегу реки Тух-Сиги, которую весной перегораживали запорами, хранились прислоненными к кедру упоминавшиеся деревянные молоты различных размеров, от полуметра до полутора. Каждый мужчина, начинавший заниматься промыслом рыбы на данном месте, изготавливал молот и ставил его в определенное место. Предполагалось, что водный дух **Јәнт-јунк** ночью укрепляет расшатанные колья запоров, вгоняя их молотом глубже в землю. Таким же образом помогали рыболовам жившие в этих местах человекоподобные сверхъестественные существа **Сэвсики**, им нужно было делать подарки в месте обитания. По некоторым сведе-

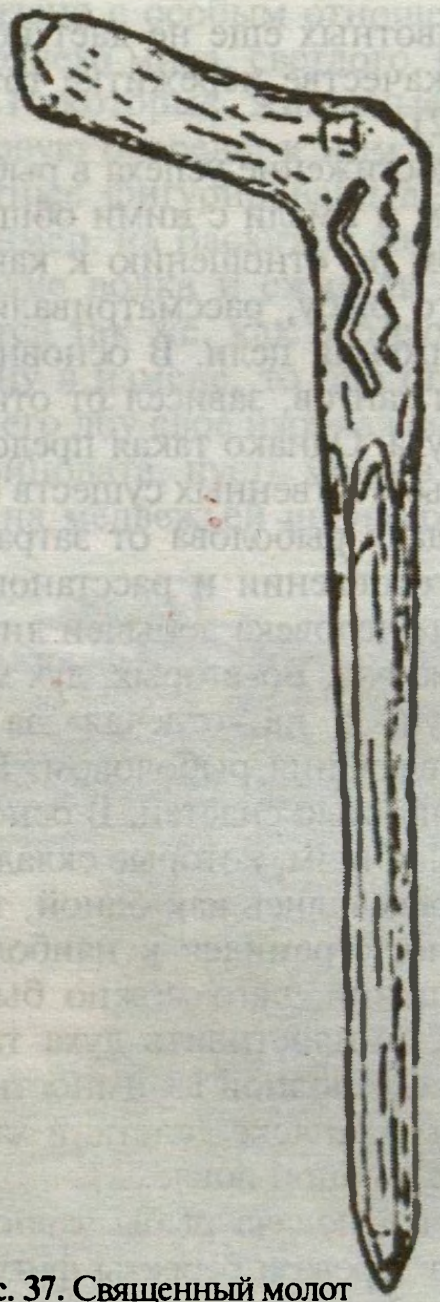


Рис. 37. Священный молот с р. Васюгана. ТОКМ, колл. № 3411/16

ниям, описанные молоты в прошлом изготавливали у каждого рыболовного запора как на Васюгане, так и на Вахе. Александровские ханты в месте будущего лова бросали котел для **Jəнт-jунк'а**, а затем плавали вокруг на лодках, прося отпустить им нужное количество рыбы. Ваховцы развешивали для **Jəнк-лунг'а** подарки на ветвях прибрежных деревьев и бросали их в воду в месте лова. Считалось обязательным приносить жертвы (обычно медные деньги) в устьях рек, впадающих в Вах. У озера Варен-эмтор, где обычно происходила коллективная ловля рыбы, перед ее началом на берегу развешивались куски ткани, а под корень закапывались монеты. Все это выполнялось индивидуально, и каждый «про себя» должен был произнести в адрес **Jəнт-jунк'а** просьбу дать больше рыбы.

Широкое распространение имел обычай изготовления непосредственно на берегу деревянных шампуров для поджаривания рыбы у костра. После использования их не выбрасывали, а хранили в определенном месте. В следующий приход использовались старые, но могли изготовляться и новые шампуры. С точки зрения хантов, успех рыбной ловли был предопределен уже тем, что предметы, специально предназначенные для насаживания рыбы, находятся в целости и сохранности. А раз они продолжают свое существование, следовательно, на них будет насажена рыба, остается выполнить хотя и необходимый, но формальный момент — поймать ее. Дурным предзнаменованием считалось плохое внешнее состояние шампуров, поэтому каждый раз старались сделать новые.

У хантов существовало особое отношение к некоторым экземплярам рыб, резко отличающихся от других внешним видом, например, к карасю с необычайно золотистой чешуей или к голубоватому окуню. Они назывались **кул-мыч** и рассматривались как хозяева

данного вида: обладание ими должно было предопределить, что и весь вид станет собственностью людей. Кожа с таких рыб тщательно хранилась в жилище вместе с другими предметами культа.

С промысловыми культами не следует смешивать обряды и действия, направленные на то, чтобы обезопасить себя лично от опасности на воде или от наказания живущих в воде сверхъестественных существ. О них шла речь в разделе о сверхъестественных существах.

Народное творчество

Изобразительное искусство васюганско-ваховских хантов нашло наиболее полное выражение в орнаментации бересты, в изготовлении мозаики из меха и ткани, резьбе по кости (рогу), дереву и металлу, в вышивках бисером и других приемах украшения одежды и утвари[41]. Художественным оформлением костяных, деревянных и металлических предметов, а также тиснением и штамповкой по бересте занимались мужчины; другие способы орнаментации бересты и мягкой утвари были обязанностью женщин.

Творческие способности народа особенно полно проявились в орнаментации берестяных изделий: посуды для заготовки, обработки и хранения пищи, коробок для мягкой утвари и табакерок. Художественная обработка бересты производилась выскабливанием, изготовлением аппликаций, ажурной резьбой с подкладным фоном, тиснением, нанесением узора штампом и профилировкой краев. Так украшали кузова, коробки и водонепроницаемую посуду, у последней узор иногда выскабливали не на наружной, а на внутренней стороне. Вначале рисунок наносили тупым концом ножа, затем бересту слегка смачивали и острым концом ножа соскабливали с нее коричневую пленку, под которой выступал светлый слой. Рисунок занимал всю боковую поверхность сосуда или крышку. Узор выполнялся без применения трафарета, что требовало развитого глазомера. Нередко узор представлял собой непрерывную линию, которая создавала сложную композицию и замыкалась у своего начала. Выскобленные орнаменты были весьма разнообразны, носили криволинейно-геометрический характер и состояли из бордюров и розеток. Они наносились «для красоты», нередко являясь плодом фантазии той или иной мастерицы, и лишь в отдельных случаях имели названия.

[41] При подготовке раздела мы основывались на исследованиях изобразительного искусства обских угров С.В. Иванова (1952, 1954, 1963, 1970), использованы также работы Дмитриева-Садовникова (1916 а), М.Б. Шатилова (1931) и наши материалы.

Аппликации, представлявшие собой вырезанные узоры, нашитые на закопченную полосу бересты, применялись только для украшения наружной боковой поверхности сосудов или накладных крышек к ним. У кузовов, набирок и коробок они преимущественно окаймляли верхний или нижний края, а у водонепроницаемых сосудов заполняли всю боковую поверхность, располагаясь иногда в два ряда. Этот способ художественной обработки бересты был менее распространен, требовал большей затраты труда и ценился выше. Прямолинейно-геометрические узоры аппликаций были канонизированы, передавались из поколения в поколение, и большинство из них имело названия, связанные с растительным и животным миром.

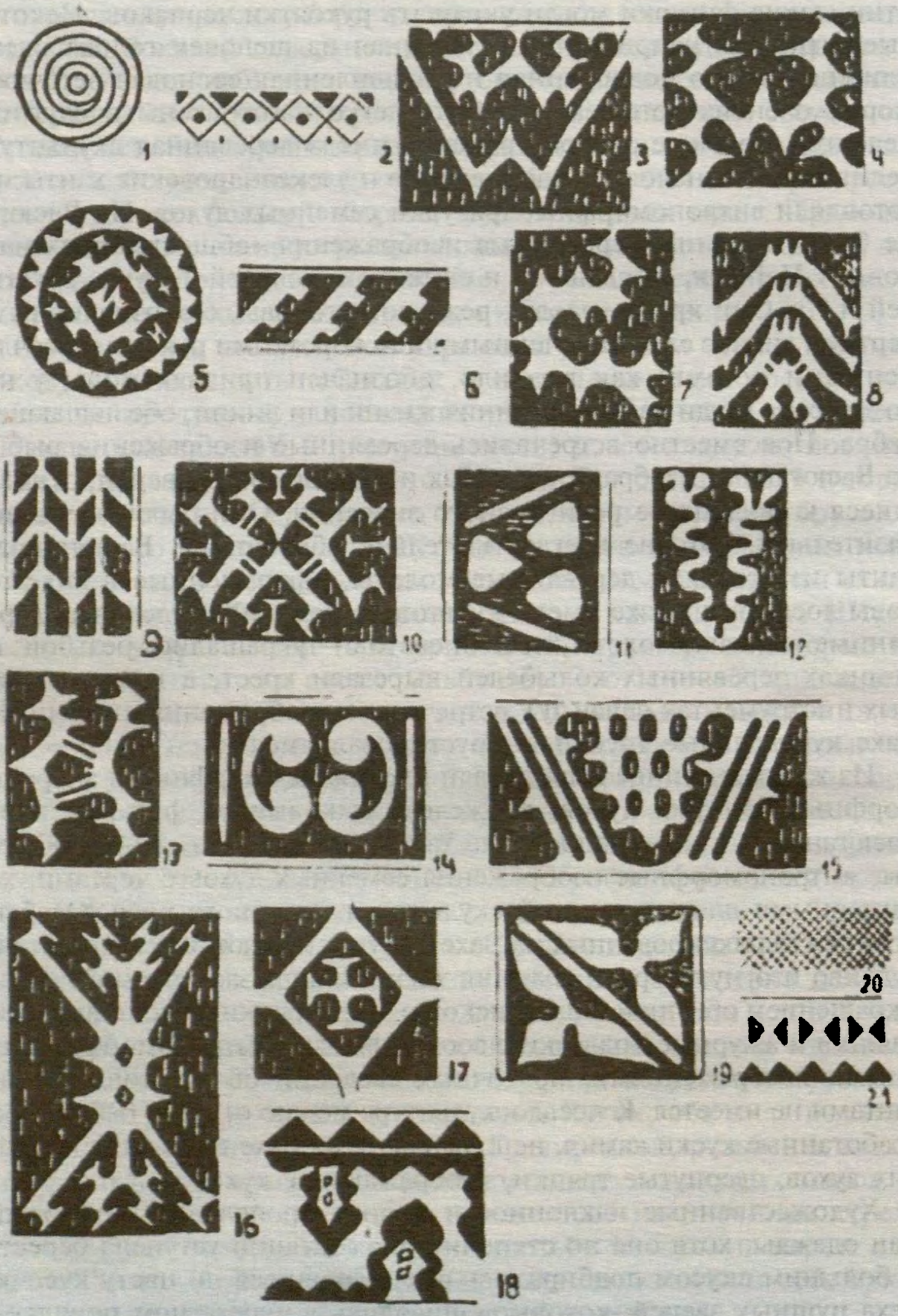
Тиснением и штамповкой украшали рукоятки лука и пальмы, боковую поверхность табакерок и цилиндрических сосудов для хранения продуктов, у последних узоры наносили и на крыши. Штампы (**канчан-лθY** — рисунок-кость) изготовляли из лосиного или оленьего рога, а также из дерева. Рог разваривали в горячей воде, отчего он становился мягким, затем вырезали брусок и на одном его конце — узор. Штамп прикладывали рабочим концом к бересте, а по другому ударяли молотком или другим тяжелым предметом. Тиснение производилось концом ножа. Штампованные узоры имели геометрический характер, некоторые из них осмыслялись как следы животных. Этот способ орнаментации лучше сохранялся на Васюгане, здесь же была известна ажурная резьба с подкладным фоном. В полосе бересты прорезывали фигурные отверстия и прикрепляли ее к крышке или к боковой поверхности коробки; между ее стенками и берестой прокладывали ткань яркой расцветки. На Васюгане встречались деревянные ступы и песты, оклеенные берестой с профилированным краем зубчатой формы. Известно было также вырезывание из бересты масок для медвежьего праздника и других изделий.

Художественная резьба по кости наиболее характерна для Васюгана. Использовались рог оленя и лося, мамонтовая кость и окаменевший материал черного цвета, называемый хантами «печенью мамонта». Из кости вырезались зооморфные и другие фигуры для игры **топис**, крепилки для сухожильных ниток; оба вида изделий зафиксированы лишь на Васюгане. Гравировкой, резьбой и наколом украшались пряслица, крепилки для сухожильных ниток и для ремней заплечного кузова, утолщенные наконечники стрел, пластины для защиты кисти при стрельбе из лука и мерки для пороха. Мотивы орнаментов на изделиях представляли собой полосы, уголки, зигзаги, ямки, звездчатые розетки.

Из дерева вырезались игрушки — изображения животных и птиц, такие фигурки могли украшать рукоятки черпаков. Некоторые игрушки, например, составленная из щепочек голова оленя или специально подобранная и расщепленная сосновая веточка в форме оленьих рогов, могли быть легко изготовлены и служили недолго. Большое распространение имела деревянная скульптура религиозного значения. Васюганские и александровские ханты изготовляли антропоморфные фигурки семейных духов. На Васюгане были известны деревянные изображения «общественных идолов» — **Пăj-ими,** ее сыновей и служанок, дочерей **Торума,** богатырей и т.д. Они круглоголовы, реже остроголовы, с обозначенными чертами лица, с едва намеченными или короткими руками и расчлененными ногами; как правило, обозначен признак пола, у некоторых на груди нанесены линия жизни или линии, обозначающие ребра. Повсеместно встречались деревянные изображения рыб, а на Васюгане — изображения собак и промысловых зверей, относящиеся к скульптуре религиозного значения. Они были очень выразительны, хотя не всегда тщательно обработаны. Васюганские ханты изготовляли деревянные молоты, оформленные в виде головы лося, они также имели культовое значение. Отдельные деревянные изделия: молоты, посохи сватов — украшались резьбой; на спинках деревянных колыбелей вырезали крест, а на музыкальных инструментах **панан-jуУ** встречались изображения ящериц. На Вахе курительные трубки инкрустировали медью.

Из жести и свинца вырезывали плоские зооморфные и антропоморфные фигурки духов, из железа выковывали фигурки змей. Васюганские и александровские ханты отливали из свинца объемные антропоморфные изображения семейных духов с чертами, характерными для деревянной скульптуры подобного рода. Особенностями зафиксированных на Вахе фигурок являются длинные, причудливо изогнутые руки и линия жизни в виде заостренного овала. Украшением обычной и шаманской одежды служили металлические бляшки и ажурные подвески с зооморфными, антропоморфными и иными изображениями, но точных сведений об изготовлении их хантами не имеется. К псевдоскульптуре можно отнести бабки, необработанные куски камня, используемые на Вахе в качестве домашних духов, свернутые тряпки, изображающие кукол, и т.п.

Художественные наклонности народа проявлялись в украшении одежды, хотя она по степени орнаментации уступала бересте. С большим вкусом подбирались различающиеся по цвету кусочки меха пушных зверей, которые сшивались в шахматном порядке и


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

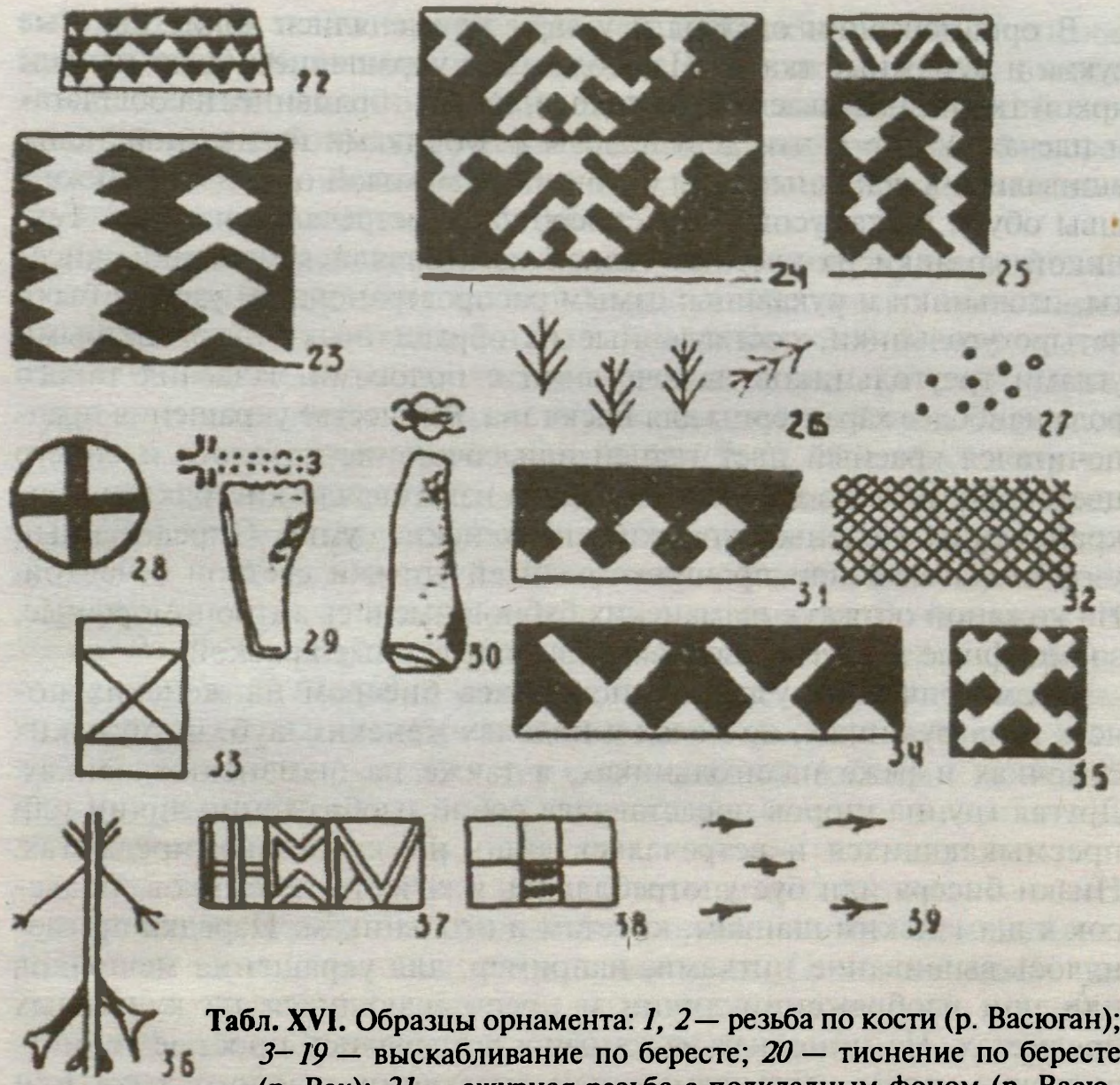


Табл. XVI. Образцы орнамента: *1, 2* — резьба по кости (р. Васюган); *3—19* — выскабливание по бересте; *20* — тиснение по бересте (р. Вах); *21* — ажурная резьба с подкладным фоном (р. Васюган); *22—25* — аппликации из зачерненной бересты; *26, 27* — резьба по металлу (р. Обь); *28—30* — штамповка по бересте; *31, 34, 35* — аппликации из меха (р. Вах); *32* — плетение бисером (р. Вах); *33* — мозаика из ткани; *36* — вышивка цветными нитками (р. Вах); *37* — вышивка бисером (р. Вах); *38* — плетение циновки (р. Вах); *39* — узоры на хлебе (р. Вах)

располагались полосой вдоль пол и подола, из них изготовляли полотнища для подбивки зимней одежды. На Вахе комбинировали светлые и темные оленьи шкуры при изготовлении малиц, кумышей, женских шуб и обуви. Некоторое распространение имели у хантов Ваха симметричные узоры, выполненные техникой мозаики и сочетающие темный и светлый олений мех; они встречались на женских шубах и сумках, на детской одежде и обуви.

В орнаментации одежды и утвари применялись яркие цветные сукна и бумажные ткани. Излюбленным украшением были полосы яркой ткани, нашиваемые на подоле, полах, горловине, на обшлагах и плечах. Узкие канты или полосы с зубчиками из цветной ткани вшивались в основные швы суконной и меховой одежды, а также в швы обуви из камусов. Этот способ чаще встречался на Вахе. Техникой мозаики из цветных тканей изготовлялись мешочки, кисеты, игольники и рукавицы; самым распространенным узором были четырехугольники, составленные из обращенных внутрь острыми углами треугольников, в сочетании с полосами. Изделия такого рода наиболее характерны для Васюгана. В качестве украшения предпочитался красный цвет тканей или сочетание красного и синего цветов. На Вахе из крашеной ровдуги изготовляли кисточки и прикрепляли их к оленьей упряжи и на женские сумки. Определенный узор создавался при прошивке оленьей упряжи светлой бечевкой. На кожаной обтяжке шаманских бубнов имелись антропоморфные, зооморфные и другие изображения, нанесенные краской.

Геометрические узоры выполнялись бисером на женских поясах и нагрудниках, на полах и подолах женских шуб, на мужских сумочках и реже на игольниках, а также на шаманских шапках. Другая группа узоров представляла собой изображения личин или пресмыкающихся и встречалась лишь на культовых предметах. Низки бисера или бус употреблялись в качестве косников, подвесок к шаманским шапкам, кисетам и игольникам. Изредка применялось вышивание нитками, например, для украшения мешочков или при изображении личин и пресмыкающихся на культовых предметах. На циновках из камыша встречались простые геометрические узоры, получаемые при вплетении талового лыка или почерневшего камыша.

Для многих изделий характерно украшение их различными материалами. Например, женская шуба александровских хантов имеет подкладку из заячьих ушей, а верх — из темной ткани в полоску. Воротник и полосы вдоль пол изготовлены из лисьих лап с чередованием светлого и темного меха. По кромке подола проходит полоса из заячьих ушей с вставками кисточек от ушей белки. Правая пола и подол украшены, кроме того, полосой темной ткани с рядами нашитых бус, пуговиц и бисера. Мешочек с Ваха изготовлен из желтой и черной бумажной ткани техникой мозаики. Его клапаны из серого сукна окантованы розовой тканью и вышиты красными и белыми нитками, каждый клапан имеет свой узор. К мешочку на низках бисера прикреплены кисточки из жел-

той и розовой ткани, а также два металлических кольца на низках крупных бус. Культовое изображение пресмыкающегося, выполненное женщинами по описаниям мужчин, якобы видевших его, представляет собой полосу темной ткани, вышитую с одной стороны бисером. Из низок крупных бус, заканчивающихся кистями из ткани, изготовлены ноги и хвост.

При характеристике устного народного творчества исследуемых групп хантов мы исходим из положений, высказанных относительно фольклора этого народа в целом. По мнению З.Н. Куприяновой, в нем «преобладает эпос в широком смысле слова, т.е. повествовательное творчество, в котором можно выделить область народной прозы и область эпической поэзии» (1972. С. 139). Фольклор васюганско-ваховских хантов разнообразен по жанрам («Легенды и сказки хантов»)[42]. В мифах отражены представления народа о происхождении земли, небесных светил, животных и людей. Предания (**илнов-ətjасəн**) повествуют о событиях в жизни народа, в них верят. У васюганских и александровских хантов наиболее распространены были сюжеты о борьбе с татарами, а на Вахе — с самоедами. Нередко указывалось и конкретное место описываемых событий. Особого внимания заслуживает цикл сказаний об **Ал'вали** и **Сэвсики**. Образ **Ал'вали** (**Ал'ви**) дается в виде обыкновенного человека, наделенного особым умом и хитростью, которые помогают ему одолеть **Сэвсики**. Последний представляется в разных обликах: то обыкновенного человека, то огромного существа, ломающего деревья, то в виде заколдованного старца или духа. Цикл сказаний, где **Сэвсики** изображается в виде змеи с разным количеством голов, от одной до семи, излагается в определенном порядке: вначале об одноголовой змее, затем двухголовой и т.д.

Большинство сказок (**ман't'**) посвящено животным. Последние нередко наделяются человеческими качествами, вступают в контакты с людьми и помогают им. Помощниками людей чаще всего выступают бобр и выдра. Особой хитростью и умом наделена лиса. В сказках о медведе проявлялось особое отношение хантов к этому животному. Они избегали называть медведя его настоящим именем, употребляя иносказательные термины «он», «старик», «зверь». Поэтому иногда в начале сказки бывает непонятно, о ком идет речь, и лишь впоследствии выясняется, что действующее лицо — медведь. Были известны и бытовые рассказы (**jасəн**).

К устному народному творчеству относятся загадки (**В муjвəты**) и пословицы (**илновə-кθл**). Тематика загадок тесно связана с окру-

[42] О классификации жанров *см.*: Куприянова З.Н. 1972.

жающей природой и животным миром, основными занятиями и бытом народа. В начале каждой загадки произносилось: **Муjтə** — отгадай, затем следовал вопрос. Например: 1. На том берегу дерево с колокольчиками стоит (ответ: кедр с шишками). 2. Лабаз, в нем все съедено, только щука кривая (ответ: месяц на ущербе). 3. Везде: и на болоте, и в лесу следы от стрел (ответ: верхушка чума). Близки к загадкам диалоги в форме вопросов и ответов, предназначенные детям. Устоявшиеся формы выражения примет, оберегов и запретов также можно отнести к устному народному творчеству. Например. Вечером нельзя выглядывать на улицу — к худу. Огонь трещит — к худу. Собака скребет задними лапами — к худу.

Эпические произведения пелись и обычно сопровождались игрой на струнном музыкальном инструменте. Центральной фигурой эпоса является богатырь, характеризуемый красочными эпитетами и наделяемый целым рядом положительных качеств, по образу жизни он почти не отличается от сородичей. Выделяются героические песни (**арəYjунк-арəY**), где каждый герой имеет семь песен (Steinitz W. 1967. II. S. 165). Лирические песни (**В лулпəнə**) были почти исключительно песнями-импровизациями. Некоторые из них имели общеизвестную мелодию. Наряду с этим отдельные лица могли сочинять слова и музыку индивидуальной песни, считавшейся как бы их собственностью, отличительным знаком. У ваховских и александровских хантов были известны песни, исполняемые в честь медведя на медвежьем празднике.

Коллективным творцом и хранителем фольклора был весь народ, однако во все времена имелись особо выдающиеся сказители (**ман'т'е-ку**) и исполнители эпической поэзии (**арəYтə-ку**). Их способность запоминать содержание мифов и сказок или заучивать наизусть тексты героических песен вызывала почтение и представлялась людям чем-то не совсем обычным. Но еще более необъяснимой им казалась способность отдельных индивидуумов к игре на музыкальных инструментах. Ханты Васюгана объясняли это связью со сверхъестественными существами.

Музыка занимала большое место в жизни народа, ее эмоциональное воздействие было очень велико. К сожалению, эта сфера народного творчества обских угров почти не изучена, и мы можем привести лишь некоторые сведения о музыкальных инструментах васюганско-ваховских хантов. Губной инструмент варган (**тамра'**, Вю **конкол'-лонкол'**) использовался чаще женщинами, но играли на нем и мужчины. Он представлял собой костяную пластинку (длиной 10—15 см, шириной 3 см) с прорезанным внутри язычком и привязанной к нему сухожильной ниткой. Изготовлял варган муж-

чина. Струнный музыкальный инструмент **панан-jyY** использовался при исполнении эпических произведений и в шаманских сеансах. Играли на нем преимущественно мужчины, они же изготовляли инструмент. Ладьеобразный, полый внутри корпус раздваивался на одном конце, развилки соединялись перемычкой. К ней с помощью колков из дерева или костей птиц прикреплялись пять струн, их другой конец закреплялся у головки на противоположном конце инструмента. **Панан-jyY** клали на колени и, поддерживая снизу левой рукой, правой перебирали струны.

На Вахе был известен смычковый музыкальный инструмент (**кукəл'-jyY**) в форме скрипки, но в отличие от последней он имел три струны и одно круглое резонаторное отверстие; длина **кукəл'-jyY** — 76 см — превышала длину скрипки. У александровских хантов бытовал инструмент в форме русской домбры, но с восемью струнами; у них, по устным сообщениям, встречался также инструмент в форме балалайки.

На Васюгане в качестве музыкальных инструментов использовались бубны. Они были большими и круглыми, обтягивались шкурой лося или собаки, а внутри на обтяжке укреплялось по семь колокольчиков разных размеров, с левой и правой сторон. Снаружи против них к обечайке пришивались пуговицы в соответствии с размерами колокольчиков. При помощи ремня бубен подвешивали на шею, а для извлечения из колокольчика звука определенной высоты нужно было ударить по соответствующей пуговице.

Народное творчество было представлено также драматическим искусством, которое стало предметом специального исследования М.Б. Шатилова[43]. Анализируя драматическое искусство хантов р. Ваха, автор отмечает, что оно находилось в стадии синкретизма, когда драматические моменты еще не обособились, а сопровождались другими видами народного творчества. К наиболее простым драматическим действиям относились драматизированная передача сказок и былин, драматизированное пение и музыка. Произведения народного эпоса излагались чрезвычайно живо, образно, целые актыпередавались «в лицах» на разные голоса, с мимикой и жестами. К драматическим действиям без слов (пантомима) М.Б. Шатилов относит пляски на медвежьем празднике, некоторые моменты свадебного, похоронного и других обрядов. Особого внимания как по наличию различных элементов драмы, так и по глубине драматизма заслуживают медвежий праздник и действия шамана.

[43] *Шатилов М.Б.* Драматическое искусство ваховских остяков. ТОКМ. Оп. 4. Д. 91. 73 л. Часть рукописи опубликована (Шатилов М.Б. 1976).

Наиболее же сложной, развитой и усовершенствованной формой драматического искусства ваховских хантов М.Б. Шатилов считает представление **нюкуль-вель**, которое он относит к разряду религиозных мистерий. Его характерными особенностями являются действия в темноте и восприятие их на слух, господство пения и музыки, обилие интонаций, звукоподражаний. В этой драме налицо исполнитель (М.Б. Шатилов называет его шаманом), выступающий одновременно в качестве режиссера; имеются зрители; сцена и декорации — пол и стенки юрты, специально подготовленные для этого акта; реквизит и бутафория — полотнище бересты с сухой травой, разостланное на полу. Большое место в описанном действии занимает музыкальное сопровождение, это, собственно, музыкальная драма.

Плодом коллективного творчества являлись игры и состязания, развивающие качества, необходимые в охотничье-рыболовческом быту. На Вахе была распространена детская игра, которую Г.С. Дмитриев-Садовников (1915. С. 13) считает пережитком состязаний в стрельбе из лука. Задача двух играющих сводилась к попаданию каждого в свою мишень. Мишенями служили дощечки, вбитые в землю друг против друга на расстоянии от 5 до 15 луков. Попавший в мишень приближался к ней на расстояние одного лука. Выигрывал тот, кто первым достигал своей дощечки. Здесь же была известна игра (**кӓлӓм**), состоящая в том, что две команды отнимали друг у друга палочку, которую нужно положить на колышек, чтобы выиграть очко (Терешкин Н.И. 1961. С. 141). Играли в лосиные и оленьи бабки (**п'ӓкка**). Весьма интересна игра **топис**, напоминавшая шашки. Фигуры изготовлялись из кости или мягкого дерева и представляли собой изображения зверей, птиц и т.д. (Иванов С.В. 1970. С. 13). По одним данным, число фигур равнялось 20, по другим — 12. Из кедрового дерева делали доску (**топис-пэрт**) с углублениями по количеству фигур. Точных сведений о правилах игры нет, но известно, что смысл ее ханты видели в состязании со зверем в хитрости. Победа в **топис** считалась залогом успешной охоты. Популярна была игра в карты (**кӧсӓр**). Она нередко упоминается в фольклоре, где ее приписывают духам.

Все виды народного творчества имели познавательное значение и способствовали воспитанию эстетических взглядов и этических норм у молодого поколения. Вместе с тем они являлись развлечениями и служили для снятия психического напряжения.

Как мы видели, во многих сферах мировоззрения хантов отразилось неверное понимание существующих объективно причинно-

следственных связей во взаимоотношениях человека и природы, а также и в самой природе. Неверно отражающие действительность представления о причинно-следственных связях и о соотношении таких категорий, как часть и целое, форма и содержание, материальное и идеальное, существовали субъективно, в головах людей, и в таком виде переносились на объективный мир. Вполне понятно, что подобное мировоззрение было следствием недостатка знаний, низкого уровня социально-экономического развития народа, на что указывал Ф. Энгельс: «...низкое экономическое развитие предысторического периода имеет в качестве дополнения, а порой в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о природе» (1965. С. 419). Тем не менее из изложенных материалов отнюдь не следует, что отношение человека к действительности было царством сплошных иллюзий и заблуждений. В.И. Ленин писал: «...человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней» (1961. С. 185). Люди стихийно понимали, что вся совокупность созерцаемых объектов, включая и человека, составляет одно нерасчлененное и связанное целое. Человек, таким образом, как равнозначная часть этого целого, не является особым существом, составляющим исключение из этого целого. Подобное представление ярко отражено и в мировоззрении исследуемых групп хантов.

Попытки понять и осмыслить мир в целом отражены и в произведениях устного народного творчества. Ценность фольклора бесписьменного народа заключается в том, что он фиксировал события далекого прошлого, утверждал этические принципы и нормы морали, включал элементы обычного права. Исследование фольклора может способствовать решению вопросов, связанных с генетическими истоками многих элементов духовной культуры. Эстетическое восприятие и передача всего разнообразия окружающего мира нашли свое выражение также в музыкальном и других видах народного творчества.

Глава III

Социальная организация и семейно-брачные отношения

Формы социальной организации

Основными единицами обско-угорского общества в XVI–XVII вв. и позднее были семья и юрта-поселок (Соколова З.П. 1970 б. С. 110). У исследуемых групп хантов семья называлась Вю **касыл'**; Ал **саискат**; В **cajəYcat**; большая семья —Вю **вəнт'aYa-jaY**. Метрические записи конца XVIII в. свидетельствуют о преобладании у хантов р. Ваха больших семей над малыми (Соколова З.П. 1970 б. Табл. 6). В начале XX в. сохранялись большие семьи, объединяющие несколько женатых сыновей с родителями и насчитывающие до 16 человек. Большая семья проживала, как правило, в одном жилище, где каждая семейная пара с детьми занимала определенное место. Главой был отец или старший брат, им беспрекословно подчинялись все остальные члены. Однако старший по возрасту мужчина, не участвующий в хозяйственной деятельности, мог быть только советчиком, в то же время прислушивались к мнению младшего по возрасту, умного и добычливого человека. Дети в семье считались принадлежащими не матери, а отцу и его старшим родственникам. По рассказам ваховцев, отец мужа или его старший брат могли избить женщину за плохое обращение с ребенком или не отдать матери детей при разводе, даже если они были от другого брака.

В семье были известны две формы собственности: семейная и личная. Важнейшей общесемейной собственностью были промысловые угодья. У всех исследуемых групп таковыми являлись места установки запоров для добычи рыбы, а у васюганцев и охотничьи урманы. Владельцем угодья считался тот, кто первым его освоил: построил избушку и сделал затесы на деревьях. Общей собственностью были большие сети и невода. Мясо и рыба поступали в общее пользование семьи, пушниной женатые сыновья распоряжались самостоятельно, а неженатые сдавали главе семьи. Но были известны случаи семейной соб-

ственности на пушнину. В общем владении семьи находились большие лодки для переездов на далекие расстояния, жилище, постель, котел, на Вахе также часть оленьего стада, включая и оленей из приданого невесты. Распоряжался оленями чаще всего мужчина — глава семьи. Ему принадлежали также запор, оружие, маленький обласок для разъездов на охоте и рыбалке. Собственностью женщины кроме приданого являлась сложенная ею печь[44], берестяная утварь, швейные принадлежности. Каждый член семьи имел личные инструменты, а на Вахе — и отдельных оленей вместе с их приплодом.

Заготовка и распределение пищи происходило по установившейся традиции. Объем заготавливаемых впрок продуктов определялся женой главы семьи. При отсутствии рыбных и мясных продуктов их можно было безвозмездно попросить в другой семье, но купленное подлежало обязательному возврату. При избытке было принято отдать часть мяса, сала или рыбы родственникам. Вопросы, связанные с выдачей пищи другим, жена могла решать самостоятельно или спрашивала разрешения мужа. Внутри семьи пища распределялась также в определенном порядке. Каждая семейная пара имела свою коробку с посудой и столик. Эти атрибуты были и у отдельных членов семьи, живших несколько обособленно, например, у престарелого отца, у бездетной жены умершего брата и т.п. Эти лица, как и семейные пары, регулярно получали от главы семьи или его жены небольшой запас таких продуктов, как чай, хлеб, и должны были довольствоваться ими до получения следующей порции. Горячая пища из общего котла делилась сразу на всех и не подлежала перераспределению. Ее можно было съесть целиком или оставить часть до следующего раза. Во время трапезы не было принято делиться пищей с тем, кто уже покончил со своей долей, угощали лишь детей. В равной мере считалось неэтичным просить пищи раньше, чем ее предложат.

Выделение женатых сыновей из семьи происходило обычно после женитьбы самого младшего. Он оставался жить с родителями и должен был содержать их до смерти. Отделившиеся сыновья получали часть промыслового снаряжения, например, сети и невода, все остальное они изготовляли сами. В промыслах они нередко продолжали участвовать совместно с отцом.

Обычное право предусматривало нормы наследования, об этом сообщалось в литературе (Воронов А.Г. 1900. С. 26; Шатилов М.Б. 1931. С. 91–92). После смерти главы хозяйства имущество делилось между теми его сыновьями, которые жили и работали вместе с ним,

[44] Наземная печь для хлеба, а на Вахе и участок для его выпечки в песке могли находиться в собственности нескольких женщин одного поселения.

отделившиеся ранее не имели права наследования. Вдова переходила на попечение одного из сыновей, обычно младшего, сохраняя права на свое приданое. Имущество бездетного наследовали его отец или братья, вдова переходила к ним на попечение. Муж наследовал своей жене в ее части имущества, если имелись дети; после нового вступления в брак он мог отдать часть этого имущества новой жене, но если в семье была взрослая дочь, вещи умершей матери принадлежали ей. При отсутствии детей приданое умершей могли затребовать ее родители. Жена наследовала своему бездетному мужу, если он жил отдельно от отца. В обычном праве хантов имела место опека над имуществом умершего, если у него остались несовершеннолетние дети. Опекуншей могла быть вдова, в случае ее вступления в новый брак опека и содержание опекаемых детей передавались кому-либо из родственников или обществу (Шатилов М.Б. 1931. С. 92). После смерти обоих родителей детей должны были взять на воспитание братья отца. В свою очередь, подросшие дети были обязаны заботиться о престарелых старших братьях отца.

Существовали объединения жителей одного поселения (**ə̈j-пуYləм-jaY**). Они имели особые названия, например, **TyYy-jaY** — Озерный народ — жители юрт Озерных, **Aj-пöY-jaY** — Маленькой реки народ — жители с. Айполово и т.п. В одном поселении проживала обычно разделившаяся на две-три семьи большая семья или другие близкие родственники. На Васюгане их коллективной собственностью был большой котел с горячей водой (Очерк Васьюганской тундры. 1859. С. 6). Каждое поселение имело общее культовое место. Вместе с тем имеются сведения об их фамильном характере. Противоречивость этих данных можно объяснить следующим образом. В древности на одном поселении проживали близкие родственники, имевшие одно жертвенное место. При переселении они продолжали эпизодически приносить жертвы сюда. Позднее, с появлением фамилий и усилением их роли в социальной жизни, последние стали выступать признаком, объединяющим родственников, и жертвенные места стали осознаваться как общие для членов одной фамилии.

Жители одного поселения были участниками жертвоприношений, устраиваемых отдельными семьями перед началом промыслов или в честь местного духа. На Васюгане коллективным был праздник лося. Каждое поселение имело свое кладбище, расположенное обычно на противоположном берегу реки. Умершего хоронили на кладбище того поселения, где он родился. Возможно, что раньше были места захоронений, общие для нескольких поселений. Так, на месте современного поселка Новый Васюган было кладбище, куда свозили покойников с верховьев

Васюгана и с юрт Айполовых. В разросшихся поселениях родственников хоронили компактно на определенных участках кладбища.

В изучаемый период в общественном устройстве васюганско-ваховских хантов определенную роль играли более крупные объединения. В литературе высказывалась точка зрения о существовании у них родов, но наличие термина «род» не отмечалось. Ю.Б. Симченко, анализируя тамги XVII в., выделяет по одному роду на Васюгане и Вахе, а на территории александровских хантов — четыре рода (Симченко Ю.Б. 1965. С. 124–126). О существовании родов у хантов Васюгана в XIX в. упоминает А.Г. Воронов (1900. С. 4, 6, 29), но характеристики их не дает. М.Б. Шатилов в подробном описании социальной жизни хантов р. Ваха относит некоторые институты и обычаи к пережиткам рода: общность фамилии, предания о родоначальниках, экзогамность, общность рыболовных угодий, забота о сиротах и престарелых, общие жертвенные места и совместные праздники на них (1931. С. 78–83). По его мнению, род у ваховцев составляли представители одной фамилии, при этом ряд признаков он иллюстрирует только примерами с фамилией Прасиных (последние делились по месту проживания на Прасиных Лариакских и Прасиных Ромкиных, составляя два рода). Обстоятельный анализ литературных данных и новых материалов позволил З.П. Соколовой (1970 б. С. 134–135) сделать вывод о том, что признаки рода у обских угров, подобные вышеназванным, свидетельствуют не о роде, а о других группировках — семье, поселке, фратрии.

Определенную роль в социальной жизни хантов играла принадлежность к объединениям **пуч**, **поч**. Ханты переводят этот термин на русский язык как «порода» (**эj-пуч** — одна порода). В изучаемый период основным признаком **пуч** была принадлежность к одной фамилии. В некоторых случаях известно разделение представителей одной фамилии на две «породы». Примером такого деления было существование на Вахе Прасиных, проживающих в районе Ларьяка и называемых **Тур-пуч**, и Прасиных в верховьях Ваха, называемых **Лар-пуч** (по М.Б. Шатилову, это два рода). Те фамилии, под которыми ханты числились в документах, оставались для них формальными, а в своей среде они пользовались национальными антропонимами — фамильными прозвищами. Большинство из них переводится на русский язык, но значение некоторых остается невыясненным. На Васюгане зафиксированы: **Вокы** — Лиса (русская фамилия Чечергины), **Купорки** — Бурундук (Милимовы), **Кэмлях** — Росомаха (Игормашевы), **Ивэх** — Филин (Колмаковы), **Тегай** — Заяц (Тагаевы) и др. У александровских хантов встречались **Конал** — Неряха (Мурасовы), **Похлы** — Желудок (Печиковы), **Солки** — Лгун (Танасаковы) и др.

Большинство перечисленных антропонимов представляют собой, очевидно, прозвища лиц, стоявших во главе больших семей, позднее распавшихся на малые, в результате чего возник ряд семей с одинаковым прозвищем. Некоторые из них уходят своим происхождением в далекое прошлое. Так, согласно легенде, от брака человека (происшедшего от гусиного кала и названного **Евток**) с его сестрами произошли богатыри **Кырах**, **Енгеля**, **Кена** — основатели фамилий Карауловых, Ангалиных и Якимовых (вероятно, Якуниных), а также богатырь **Мыль**[45] (Пелих Г.И. 1972. С. 274). Заметим, что эти фамилии в конце XIX—начале XX вв. концентрировались на притоке Васюгана — Нюрольке. Прасины Лариакские произошли, по преданию, от богатыря **Сайяли** — Гоголь, а Прасины Ромкины — от человека по имени **Кул-Косяк** — Чебак (Шатилов М.Б. 1931. С. 80). Микуминых традиция производит от женщины, которая во время сражения с татарами спряталась между кочками и ее стали звать **Мукун-кут** — за кочкой спряталась. По другой версии, сыновья этой женщины от брака с отцом ее погибшего мужа были основателями фамилий Калиных, Микуминых и Васькиных.

В ряде случаев подобные антропонимы оказались очень устойчивыми, и позднее от них были образованы фамилии по русскому образцу: **Кяна** — Якунины, **Анкаля** — Ангалины, **Томспай** — Тунуспаевы и т.д. Мнение о происхождении официальных обско-угорских фамилий от имен уже высказывалось в литературе (Соколова З.П. 1970 а. С. 272). Естественно, что выделение семей приводило к появлению новых национальных фамилий, в последние века такие семьи получали соответственно и свою официальную фамилию. Например, **Игляк** (Игляковы) считались отделившимися от **Анкаля** (Ангалины); среди потомков **Мюх** были **Тором** (Васькины), **Нёхохот** (Калины) и Чердаковы. Обращает на себя внимание большое количество как национальных, так и официальных фамилий. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что в большинстве случаев семья именовалась по ее главе. На Васюгане в середине XIX — начале XX вв. среди 586 хантов (Патканов С.К. 1911. Т. 1. С. 134) было известно более 80 официальных фамилий[46], т.е. в среднем одну фамилию имели семь человек[47].

[45] Это имя можно связать с фамилией Мыльджиных.

[46] Метрические книги Васюганской Крестовоздвиженской церкви за 1842—1918 гг. (хранятся в архиве ЗАГС Каргасокского района Томской области) и Спасской церкви с. Каргасок за 1858—1875 гг. (ГАТО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1). Точных данных о количестве национальных фамилий нет, по утверждениям пожилых хантов, оно должно соответствовать числу официальных.

[47] Некоторые фамилии были весьма многочисленны, например, Синарбины, Кучуковы, Юрломкины, Карауловы, Анжины, Бардины, Ячегины.

Кроме происхождения от общего предка представителям одной фамилии, или «породы», приписывалось общее культовое место, но не всегда ясно его соотношение с культовым местом поселения или группы. Известно об особом поведении женщин, взятых замуж Синарбиными, на пути в юрты **ТуУ-пуУәл**, а женщин, взятых Ангалиными, у жертвенного места **Јунка-мӧнкӓм-вын'а** на Нюрольке. В данных случаях это не было связано с поселениями названных фамилий. Не ясен характер жертвенных мест, отнесенных М.Б. Шатиловым к «родовым» на Вахе (1931. С. 82). Жертвенные места Прасиных Ромкиных **Огорт-юх-пеля** и Сегельетовых **Пугос-лунг** были, очевидно, общими, а не фамильными, так как первое считалось сотворенным для прикладов **Торумом,** а второе связывалось с духом **ПуУос,** почитаемым всеми восточными хантами. С Прасиными Лариакскими можно связывать культовое место **Ирых-сылта-пай.**

Не вызывает сомнений локализация отдельных фамилий в определенных поселениях, обычно его название совпадало с фамилией. Некоторым фамилиям-«породам» приписывались особые качества. Рассказывают, что у богатыря **Анкаля** сын не мог передвигаться самостоятельно, и все его потомки, носящие фамилию Ангалиных, имели слабые ноги. Прасины из «породы» **Тур-пуч** считались жадными, крикливыми, а их шаманы — злыми и причиняющими людям много зла. Характерной чертой Пыгатовых была доброта и безобидность. У представителей одной фамилии наблюдалось сходство физического типа.

У васюганско-ваховских хантов выделяются объединения **јаУ** — народ[48] (Лукина Н.В., Кулёмзин В.М. 1976. С. 232–236). На Васюгане зафиксированы **Онкул-јаУ** — Серный народ, **Колән-јаУ** — Еловый народ, **Кулун-игол-јаУ** — Рыбной реки народ; у александровских хантов **Нум-јоУән-јаУ** — Верхней реки народ; **ЫІл-јоУән-јаУ** — Нижней реки народ, **Лар-јоУән-јаУ** — Соровой реки народ; на Вахе **Лар-јаУ** — Сора народ; **Ват'-јаУ** — Города народ, **Тым-јаУ** — Тыма народ.

Происхождение той или иной группы связывалось с мифическим предком-богатырем (**матур**). Существуют легенды о богатырях — предводителях отдельных групп, о сражениях между ними (Легенды и сказки хантов. 1973. С. 11). Каждая группа включала

[48] Термин **јаУ** многозначен. Он употребляется в этнонимах (**КантәУа-јаУ** — ханты, **Рут'-јаУ** — русские), в территориальных названиях (**Ас-јаУ** — обской народ, **Ват'-јоУән-јаУ** — васюганский народ, **тим-пуУәл-јаУ** — этого поселения люди), в терминологии родства (**рәУәм-јаУ** — родственники, **јаУкан** — муж с женой) и для обозначения различных категорий людей (например, **питәм-јаУ** — пьяные). **ЈаУ** также название небольшой реки и любого заселенного людьми или животными места. Кроме того, в понятие **јаУ** входят животные и птицы.

определенные фамилии, например, **Онкул-jaY** — Милимовы, Синарбины, Пачельгины, Анжины, Исубаковы, Игляковы, Айдаровы, Игормашевы, Чекины. Объединения **jaY** имели свою территорию; как правило, это был небольшой участок или приток реки. Так, **Онкул-jaY** занимали верхнее, а **Кулун-игол-jaY** — среднее течение Васюгана, между ними проживали **Колəн-jaY**[49]. Признаком принадлежности к тому или иному объединению **jaY** было поклонение определенному духу, общим было и жертвенное место[50].

Согласно устной информации, представителям одной группы было запрещено заключать между собой браки. Для проверки подобных суждений были проанализированы браки васюганских хантов по метрическим книгам середины XIX — начала XX вв.[51] Общее количество взятых для анализа браков 295, из них 117 заключено между фамилиями, чья принадлежность к той или иной группе выявлена по этнографическим данным. Из 92 браков, относящихся к **Онкул-jaY,** внутри группы заключено 14, т.е. нарушения составляют 15%; в группе **Кулун-игол-jaY** нарушения в 12 случаях из 84, т.е. 14%; **Колəн-jaY** таких нарушений не имеют. Это подтверждает устную информацию хантов р. Васюгана об экзогамности их групп.

Эпизодически возникали объединения, продиктованные экономической необходимостью. При добыче рыбы неводом могли объединиться несколько семей, добыча в этом случае делилась по числу участников. Во время охоты на пушного зверя два-три промысловика могли жить в одной избушке и построить общий лабаз. Каждый из них являлся владельцем добытой им пушнины. Мясо отстреленных зверей считалось в таком коллективе общей собственностью. Одна его часть использовалась для пропитания и варилась в общем котле, другую делили поровну, и каждый мог по желанию обработать свою долю для доставки домой.

В сферу социально-экономических отношений входили обмен товарами и торговля[52]. Пережитком древних форм обмена были подар-

---

[49] Некоторые информаторы относят часть территории этого объединения к **Онкул-jaY.** Вообще сведения о **Колəн-jaY** менее определенны, чем об **Онкул-jaY** и **Кулун-игол-jaY.** В некоторых легендах рассказывается о первоначальном заселении Васюгана только двумя последними группами.

[50] Переселившаяся часть группы могла создать новое жертвенное место, но главным по-прежнему считала старое.

[51] *См.* сноску 46.

[52] Мы не ставим целью подробно характеризовать социально-экономические отношения. Эта работа в значительной мере выполнена на примере хантов р. Ваха М.Б. Шатиловым (1931).

ки, которые предусматривали равноценные «отдарки». Дарение и обмен происходили как между членами одной семьи, так и между родственниками и свойственниками, проживающими в значительном отдалении друг от друга. Излюбленными предметами обмена и подарками у женщин были платья, игольники, кольца, наперстки, пояса, а у мужчин — кисеты, трубки, обласки и др. По существующей традиции женщина дарила отцу или старшему брату мужа кисет или обувь и получала в качестве отдарка платок, мать мужа дарила ей обычно деревянное корытце или инструменты для обработки шкур. Нельзя было дарить одну вещь, для пары клали иногда незначительный предмет — иглу, полоску ткани. Обменные отношения с соседними народами у васюганско-ваховских хантов были развиты слабо. Обмен подарков со свойственниками распространялся главным образом на селькупов, но он не диктовался экономической необходимостью, так как материальная культура этих народов имела большое сходство. Лишь ханты верховьев Ваха выменивали или покупали у тазовских селькупов оленей, оленьи шкуры и одежду из них; олени приобретались и у эвенков. В верховья Васюгана приезжали тарские татары и русские торговцы, они доставляли хантам муку, сахар, ткани и получали взамен рыбу, сушеную ягоду. Охотничий провиант, муку, ткани и другое ханты приобретали у русских купцов, расплачиваясь пушниной. Дважды в год, в середине зимы и весной, они посещали ярмарки, где закупали все необходимое. Часть товаров доставлялась купцами непосредственно в селения и отдавалась в долг, при этом должник ставил в качестве подписки личную тамгу. Были известны и посредники в торговле из среды хантов. Они брали товар у купцов и перепродавали его сородичам.

Общественная жизнь у исследуемых хантов была развита слабо, особенно на Васюгане. У населения сохранялись воспоминания о той поре жизни, когда изолированно расселенные люди боялись появления любого нового человека. Из страха быть обнаруженным предки хантов строили свои жилища в земле, попасть в них можно было по подземному ходу, в который человек въезжал на обласке. Очевидно, в те времена сложился известный на Вахе обычай: подъехавший к поселению извещал о себе криком, что символизировало его мирные намерения, и ожидал, пока его встретят (Дмитриев-Садовников Гр. 1916 б. С. 14).

Способы добывания средств существования были в основном индивидуальными и не требовали объединения в крупные коллективы. Присваивающий характер хозяйства, основанного на охоте и рыболовстве, предполагал слабую заселенность территории, а передвижение пешком, на лыжах

или лодках не создавало условий для интенсивных контактов населения. Поездка в гости, угощение по случаю сватовства, рождения ребенка или жертвоприношения перед началом охоты — подобные события охватывали весьма ограниченный круг людей. Скромен и немноголюден был праздник лося на Васюгане. Напротив, у александровцев и ваховцев ярким и многолюдным был медвежий праздник, хотя он и выглядел скромнее, чем у более северных групп хантов. В коллективных жертвоприношениях участвовали, как правило, родственники. Такие коллективные акты, как военный поход, фигурируют лишь в легендах. Общие собрания населения, проживающего по бассейну одной реки, устраивались во время ярмарок, но, как и самые ярмарки, были привнесены в жизнь хантов русскими.

Разобщенность и слабые контакты отдельных групп населения создавали условия для консервации древних элементов культуры и социальных отношений. В обществе, находящемся на стадии разложения первобытнообщинного строя, продолжали существовать и более древние явления. Например, сохранились пережитки уравнительного распределения добычи. Синарбины на Васюгане рассказывали об одном из предков, что он, благодаря своей силе и добычливости, обеспечивал мясом всех соплеменников. По обычаю ваховцев, охотник, убивший утку, не должен брать ее, а оставить товарищу по охоте (Садовников Г. 1911. С. 10). Раздача излишков рыбы и мяса родственникам или просто неимущим, коллективная собственность на эти продукты у людей, объединившихся во время промысла, коллективное поедание остатков пищи перед началом нового охотничьего сезона также могут рассматриваться как отголоски древних обычаев. К ним же можно отнести существовавший некогда обычай выбора мужа женщиной, легкость расторжения брака в первые месяцы после его заключения (пережиток пробного брака), отсутствие ярко выраженного имущественного неравенства между супругами, частичное признание большей близости родственников по матери, а не по отцу. С женщиной связывается происхождение некоторых культовых мест на Васюгане, где лучше сохранились отдельные черты древнего общественного устройства. У ваховцев традиционная структура общества была, видимо, размыта в процессе переселения их на Вах и смешения с иноэтническими элементами.

После освоения края русскими были созданы волости, но они не внесли коренных изменений в общественную жизнь хантов. В 20-х годах нашего века М.Б. Шатилов, подробно характеризуя систему управления хантов р. Ваха, отмечал незначительную роль официальных органов власти и сохранение традиционных институтов, действующих по нормам обычного права.

Наиболее часто встречающимися преступлениями были ссора, оскорбление, нанесение побоев и ранений, драка, очень редко — кражи и изнасилования. М.Б. Шатилов подробно останавливается на порядке судебного разбирательства названных преступлений (1931. С. 85–87). По нашим данным, в целом ряде случаев разрешение конфликта происходило без вмешательства суда и лица, исполнявшего судебные функции. Так, при избиении или убийстве ребенка женщиной отец или старший брат ее мужа могли сильно избить виновницу, и на этом дело заканчивалось. Если была вынута рыба из ловушки или похищен пойманный зверь, украдена мелкая вещь, пострадавший шел к виновному, ссорился и мог избить его. В случае убийства вначале обращались к «ворожею», который должен был определить, не было ли здесь вмешательства злых духов, после чего дело передавалось на собрание (**мыр**) [53] взрослых мужчин. Собрание либо само устанавливало меру наказания, либо принимало решение о передаче дела официальным властям. Оно решало ряд других вопросов, например, о распределении урманов, о выборе лица для перевозки собранного ясака и т.д.

Постоянными представителями официальных властей на местах были волостные старшины, функции которых в сознании хантов сливались с функциями глав групп, о которых говорилось выше[54]. Интересно, что на Васюгане волостного старшину называли так же, как и главу группы — **ор**[55]. Десятник (Вю **тэ́сятник**) осознавался хантами как лицо, исполняющее решения о наказании виновных розгами. Ханты не имели почти никакого представления об административном устройстве России и полагали, что волостной старшина подчиняется непосредственно царю (Вю **сар**; Вю, В **кан**), для которого они сдают ясак[56].

Социальное расслоение не проникло глубоко в общество васюганско-ваховских хантов. Их хозяйственный уклад не способствовал

[53] Обращает на себя внимание фонетическое и семантическое сходство этого термина с русским **мир** («решать всем миром»). Г. Дмитриев-Садовников подчеркивает также его близость финскому **меря** — люди и черемисскому **мари** — люди. Он не склонен считать хантыйское **мыр** поздним заимствованием из русского языка, так как уже в старинных легендах упоминается имя старика **Ар-мыр-ики** (Архив ГО СССР. Разряд 61. Оп. 1. Д. 50. С. 17–18).

[54] О местных органах власти, установленных русской администрацией, и их взаимоотношениях с народными институтами *см.*: Шатилов М.Б. 1931. С. 83–87.

[55] Этот термин употреблялся хантами по отношению к любому руководящему лицу светских и церковных властей.

[56] Царь не занимал в сознании хантов подобающего ему места. Так, они вполне допускали, что находящиеся в верховьях Васюгана юрты **Кан-пуYэл** названы так потому, что в них жил «царь Микола».

накоплению излишков. Рыба и мясо добывались для пропитания, а олени у хантов Ваха едва обеспечивали транспортные нужды и имелись далеко не во всех семьях. Охота на пушных зверей хотя и имела товарное значение, в основном создавала возможность для приобретения лишь самых необходимых продуктов и товаров. Как известно, стремление к накоплению вещей и продуктов, выходящих за рамки разумных потребностей, а также забота о материальном благосостоянии в будущем вообще не характерны для общества охотников и рыболовов. Стимулирующее воздействие в развитии социальной дифференциации оказало проникновение русского капитала. Неудачи в добыче пропитания и невозможность уплатить ясак и долги купцам приводили к обнищанию и нередко вынуждали мужчин наниматься в артели русских рыбопромышленников по неводному лову рыбы на Оби. Из архивных документов известно, например, что после наводнения 1862 г. многие жители края «пришли в крайнюю бедность, обносились догола, взошли в неоплатные долги и не могли уплачивать имеющиеся на них повинности» (Архив ГО СССР. Разряд 61. Оп. 1. № 27. Л. 24). Были известны случаи сдачи в аренду освоенных промысловых угодий. У александровских хантов зажиточные семьи имели по несколько голов крупного рогатого скота и лошадей, значительные запасы муки, большие дома русского типа, другие же семьи проживали в крайней бедности. Выше упоминалось о торговцах из числа хантов, но они еще не выделились в особую социальную категорию, а продолжали заниматься промыслами.

Лица, выполнявшие в обществе васюганско-ваховских хантов религиозные и близкие к ним функции, по своей социальной значимости не были однородными. Некоторые из них: гадатели, сказочники, фокусники — не получали вознаграждения за свое «служение», средства к существованию они добывали, как и рядовые члены общества. Что касается шаманов, то намечалась тенденция к выделению их в особую социальную прослойку. Получаемое ими вознаграждение было безусловно обязательным, а на Васюгане иногда весьма значительным. Тем не менее шаманы вынуждены были заниматься традиционными видами промыслов (Кулемзин В.М. 1976 б. С. 141–142).

Брак и семья

Важным событием в жизни хантов было вступление в брак. Ему предшествовали поиски брачного партнера, выбор которого диктовался традиционными нормами. В изучаемый период решающее значение при выборе невесты имела ее принадлежность к той или иной социальной группе (**jaY**). В связи с размыванием этих групп и умень-

шением их значения в жизни народа и выдвижением на первый план роли фамилий групповая экзогамия стала осмысляться как запрет браков между однофамильцами[57]. Поскольку каждая группа проживала на определенной территории, невесту стремились искать в других районах. Заключать браки можно было с представителем любой иной группы. Одновременно существовал запрет браков между кровными родственниками до четвертого (по другим данным, до шестого-седьмого) поколения как по отцовской, так и по материнской линиям. Считалось, что кровосмесительные браки приводят к рождению уродов и вырождению народа.

Выяснению форм брака помогает терминология родства и свойства[58]. У исследуемых групп хантов, как и у обских угров вообще, она отражала патрилокальный брак[59]. Как показывают термины, наиболее близкими являлись родственники по линии отца. Об этом свидетельствует тот факт, что дети братьев отца называются так же, как родные братья (**әт'и**, **kaкы**) и сестры (**ӓн'и**, **т'эkaj**). Но для тех родственников отца, где родство ведется по женской линии, существуют отдельные названия (**лöY**, **ыл'ти**), применяемые также по отношению к детям старшей сестры и некоторым свойственникам. Подобные различия наблюдаются и среди родственников супругов. Родственники по линии мужа являются более близкими. Почти все названия, связанные с этой линией, встречаются среди обозначений кровных родственников, в то время как большинство родственников жены именуются терминами свойства. Например, младший брат мужа называется **лöY**, так же, как и сын старшей сестры или младшей сестры отца; младший же брат жены именуется **jамkол'**, это название встречается лишь среди родственников жены.

Некоторые термины можно рассматривать как пережитки более древних норм заключения брака. Наличие классификационных терминов, охватывающих целые группы лиц, принадлежащих часто к разным поколениям, рассматривается учеными как существование в прошлом брачных групп. Это явление характерно и для исследу-

[57] Подробнее об этом *см.*: Лукина Н.В. 1976. С. 176–178.

[58] Список родственных терминов хантов р. Васюгана и некоторые термины хантов р. Ваха опубликованы К.Ф. Карьялайненом (Karjalainen K.F. 1913). Некоторые материалы имеются у М.Б. Шатилова (1931), Н.И. Терешкина (1961) и В. Штейница (Steinitz W. 1966). Принципы классификации хантыйских терминов родства и их социальная основа установлены В. Штейницом (*см.*: Вавра К. 1970. С. 6–7), эти вопросы рассмотрены также К. Ваврой (1970). Терминологии родства и свойства исследуемых групп хантов посвящена статья Н.В. Лукиной (1976).

[59] Это положение по отношению к терминологии родства хантыйского и мансийского языков было высказано К. Ваврой (1970. С. 25).

емых нами групп хантов. Например, у них словом **ими** обозначаются мать матери, мать отца и их мать, старшая сестра отца, старшая сестра матери, жена старшего брата матери, жена, старшая сестра жены, старшая сестра мужа, мать жены, мать мужа. Термин **әт'и** применяется по отношению к старшему брату, младшему брату отца, сыну старшего брата отца и т.д. Особенно многочисленна группа **кәләY**, включающая, по нашим данным, более тридцати лиц мужского и женского пола.

Отсутствие в финно-угорских языках специальных терминов со значением «сын» и «дочь», «муж» и «жена» и использование для обозначения этих понятий слов «мальчик» и «девочка», «мужчина» и «женщина», по мнению К. Вавры, отражает существование в прошлом группового брака (1970. С. 16). О некоторых обычаях обских угров, являющихся пережитками форм группового брака, пишет З.П. Соколова (1970 б. С. 118). Наличие на Вахе общего термина **иYленг** для отчима и мужа младшей сестры матери является, вероятно, отголоском сорората, по обычаям которого мужчина должен жениться на сестре своей жены и тем самым стать отчимом ее детей.

Представляют также интерес термины **әспәY** и **әсöYи**, применяемые в основном к детям сестер матери. Они состоят из двух компонентов; **әс** — древнеугорское название матери и **пәY** — сын, **öYи** — дочь; буквально **әспәY** переводится — матери сын, **әсöYи** — матери дочь. Таким образом, мать включается в одну группу с ее сестрами, что может рассматриваться как пережиток группового брака. Допустимость особо непринужденных отношений женщины с младшим братом ее мужа и наблюдаемые нами на Вахе факты проживания вдовы в семье и на средства млашего брата ее умершего мужа могут рассматриваться как пережитки левирата. Мужчины, женившиеся на сестрах, назывались взаимно В **кӳли**, Вю **шели** и находились в особой близости, выражавшейся в помощи друг другу, совместном промысле и т.п. Такое явление не соответствует нормам большой патриархальной семьи, господствовавшей у хантов в последние века, и является, очевидно, отголоском древнего обычая, когда два брата женились на двух сестрах.

Заключение брака именовалось по-разному: на Васюгане **н'улаку әнтәвәлт** — вместе сошлись, **нингынта** — жениться; на Вахе **н'уула-мәнтә** — сойтись, пожениться, **куjынта, куjынтәлли** — выходить замуж, **käслинтä**, **нингынтәYәлтä** — жениться. Ведущую роль в этом событии играли родители брачующихся, решающее слово принадлежало отцу. Если у невесты не было отца, ее судьбу решала мать; если не было и матери, вопрос о браке решался братом

отца или матери. Желание молодых принималось во внимание редко, и браки по любви могли произойти, если случайно совпадало желание молодых и родителей. Юноша и девушка, любившие друг друга, могли встречаться лишь случайно, не было принято назначать свидания и открыто проявлять свои симпатии.

Брачным возрастом для юноши считались 16—18 лет, для девушки — от 13 до 14 лет. Иногда просватывали малолетних, но будущие супруги оставались, как правило, жить в своих семьях до брачного возраста[60], лишь родители жениха присылали родителям невесты платок, чтобы ее не могли отдать в жены другому. Невеста могла также перейти с момента сватовства в дом будущего мужа и воспитываться там. Нередко наблюдалось возрастное несоответствие супругов, при этом разница в возрасте бывала весьма значительной — до 40 лет, старшей могла быть и женщина. С наступлением брачного возраста юноши его родители во время поездок присматривались к девушкам тех семей, с которыми можно было вступить в брак согласно нормам экзогамии. Главными достоинствами будущей невесты считались здоровье и трудолюбие, ее внешние качества учитывались мало. Добрачные связи девушки вызывали осуждение, но большим пороком это не считалось, впрочем, такие случаи были редки. По обычаю ваховцев, старшего сына, который должен был отделиться, старались женить на женщине, уже бывшей замужем и умеющей самостоятельно вести хозяйство. Жена младшего сына, остающегося жить с родителями, попадала под опеку его матери, поэтому можно было взять неопытную в хозяйственном отношении молодую девушку.

Обряд сватовства (В **урт**) в общих чертах совпадал у васюганских, александровских и ваховских хантов, однако выявляется и ряд отличительных моментов[61]. Родители отправляли сына либо ехали также сами со сватом в поселение, где они наметили невесту, будущий жених иногда даже не знал о цели поездки. У александровских хантов родители посылали в дом будущей невесты платок. Оставив платок у себя, родители невесты давали понять, что они не возражают против сватовства.

Сватом (Вю **ур-ку**; В **ур-ку**, **урт-ку**, **уртко**Y**әлта-ку**) мог быть родственник — брат, или дядя, или любой человек; желательно

[60] На Вахе существовал интересный обычай условного наречения в супруги новорожденному ребенку кого-либо из пожилых людей, при этом соблюдались экзогамные нормы. Дети знали об этом, часто навещали своих «супругов», последние относились к ним с особым вниманием: делали подарки, много играли с ними и т.д. Брак мог не состояться.

[61] Обряд заключения брака на Вахе описан в литературе (Шатилов М.Б. 1931. С. 92—97).

лишь, чтобы он имел опыт в подобных делах. Его обязательными атрибутами были посох (**соУ-јуУ**) и платок. Первый представлял собой черемуховую палку, на ней вырезали наискось узкую непрерывную полоску коры. На Васюгане в нижней части посоха вырезали лицо человека, а на верхний конец накидывали свернутый жгутом платок, концы которого спускались вниз и перекрещивались несколько раз на посохе; иногда платок накидывали в развернутом виде[62]. У александровских хантов вырезали на посохе крест и другие рисунки. Жених (**нингынта-ку**, **мај-ку**[63]) или его родители везли с собой вино и подарки. Приехавшие останавливались у посторонних или оставались на своем транспорте. Сват, постукивая посохом, первым шел в дом невесты (Вю **выня**; В **мај-ни, ун'ы**), где после приветствий и поклонов произносил традиционную фразу: «Пришел спросить человека» или: «Мы идем дружбу делать». Родители по обычаю встречали такие заявления молча, сват же продолжал: «Я буду ходить до тех пор, пока не согласитесь, одну обувь изношу, другую надену и все буду ходить». Первый визит свата не имел видимых результатов, о чем он сообщал жениху. При втором посещении сват также пытался вызвать на разговор родителей невесты, но они продолжали молчать. На Вахе для третьего визита жених давал бутылку вина, и если отец невесты принимал угощение, это означало его согласие на ведение переговоров. У александровских хантов родители в знак согласия накидывали свату на посох платок.

При получении отказа сватовство прекращалось и более не возобновлялось, при согласии же через свата посылались женихом подарки для родителей невесты. У александровских хантов сват вначале накрывал головы невесты и ее матери большими платками, под которыми они сидели до прихода свата с новыми подарками. Во время последующих переговоров родители невесты по обычаю приписывали своей дочери мнимые недостатки, сват сообщал об этом жениху и родителям, а те заверяли, что «им такую и надо». Если у невесты был добрачный ребенок, его судьба решалась во время сватовства, он мог остаться у родителей невесты или перейти в дом мужа. Наконец, родители невесты называли первоначальный размер выкупа (Вю **т'ан**; В **тан**, **оУил'мӧУәлна** — букв.: невесты доля, пай) и начинался торг. На Вахе окончательная сделка совершалась на 16 визите свата (Шатилов

[62] На Васюгане сват и жених повязывали через плечо свернутый жгутом платок, очевидно, подражание русскому полотенцу.

[63] Термины **мај-ку** — жених — и **мај-ни** — невеста — являются однокоренными со словом **мајэлта** — дарить, гостить.

М.Б. 1931. С. 95). Если жених соглашался с названным окончательно размером выкупа, то часть его вносил сразу. Выкуп осознавался хантами как плата отцу за затраты на воспитание дочери, которая уходит из семьи в том возрасте, когда она могла бы вознаградить его своей рабочей силой (Там же. С. 88). Размер выкупа в целом был небольшим. На Васюгане за невесту-девочку давали 10–20 руб. и полведра водки, а за совершеннолетнюю — от 20 до 50 руб., сукно на кафтан невесте, ситцевое платье матери и одно-два ведра водки отцу (Воронов А.Г. 1900. С. 12) либо деньги — от 50 до 500 руб.; могли дать одну шкуру росомахи. Под влиянием русских в выкуп стали включать лошадей с упряжью или золото. Таковым же был выкуп у александровских и ваховских хантов, у последних включались также олени — два или четыре.

В процессе сватовства невеста не принимала участия, иногда даже уходила в другой дом. На Васюгане одна из старших родственниц могла уговаривать невесту, но фактически ее мнение не учитывалось, и иногда по отношению к сопротивлявшейся девушке применяли физическую силу. Жених и особенно невеста в ходе церемоний, связанных с заключением брака, испытывали чувство неловкости и стыда. После соглашения о размере выкупа жених в сопровождении свата шел в жилище невесты. Последняя надевала платье, специально сшитое для такого случая, но отличающееся от обычного лишь большей длиной, или просто новое платье[64] и ожидала жениха в установленном по этому поводу пологе. Там они сидели некоторое время спиной друг к другу (Шатилов М.Б. 1931. С. 95). По нашим данным, жених и невеста садились на приготовленную для них постель, их накрывали платком и махали другим платком над головами от жениха к невесте, как бы соединяя их. Между тем для них кипятили чайник, ставили столик, и они пили чай из одного блюдца. Здесь девушка впервые закрывала платком лицо, если присутствовали люди, перед которыми она обязана это делать по обычаю.

Начинался второй акт — свадебное угощение (**маj-парры**). Он был несложен по обрядовому оформлению и по воззрениям народа имел маловажное значение. Угощение чаем или водкой шло со стороны жениха[65], приглашались родственники и желающие. Оно длилось до трех дней, а если у жениха было много водки, то и дольше. Для ночлега жених и невеста пользовались приготовленной для них общей постелью, но первую ночь (по другим данным

[64] На Васюгане невеста иногда имела белое платье, расшитое бусами, но это явное заимствование от русских.

[65] По обычаю александровцев, водку распивали из котла.

— семь ночей) спали, повернувшись спиной друг к другу. Несколько дней жених оставался жить в доме невесты и работал на правах члена семьи, иногда этот срок растягивался до полугода, а если в семье невесты не было взрослых мужчин, то муж мог оставаться здесь навсегда. Отъезд невесты в дом жениха определялся во время сватовства. Он мог состояться сразу, независимо от того, внесен ли выкуп полностью, или после выплаты последнего. Если невеста оставалась временно в доме родителей, то по соглашению с ними жених мог ее посещать на правах мужа.

Невеста отправлялась в дом будущего мужа, как правило, с приданым, но оно не было безусловным. На необязательность этого момента указывает, с нашей точки зрения, отсутствие переговоров о нем во время сватовства. В сознании народа необходимость приданого обусловливалась лишь общественным мнением: «чтобы не подумали, что невеста совсем бедно живет». Об этом же может свидетельствовать отсутствие специального термина «приданое». На Вахе его называли описательно **jkkолтула** — из дома принесла, а на Васюгане — **шай**, последний термин применялся по отношению к любому набору вещей. Характерно также, что в приданое входили большей частью женские атрибуты: берестяная коробка для посуды, личная одежда и обувь, полог и лишь иногда олени, лошади, коровы[66].

При отъезде невесты родители погружали ее приданое на лодку или нарту, брали невесту за руки и выводили из дома, она кланялась дому и родителям, прощалась с ними. Затем приглашали ехать жениха: «пора ехать, дорога дальняя». Последний приговор справедливо рассматривался как реминисценция древнего обычая брать невесту из дальних мест (Шатилов М.Б. 1931. С. 96). На первой нарте ехал отец или старший брат жениха, далее следовала нарта жениха, к которой привязывалась нарта невесты. Женщины и дети поселения вырубали к этому времени березовые крюки (**киYрив-jyY**) и задерживали ими нарту или лодку невесты. Жених бросал им деньги или мелкие вещи для откупа.

На Васюгане у отдельных фамилий существовали определенные места, проезжая которые впервые, невеста должна была исполнять древние обычаи. Так, если Синарбины везли невесту в Озерное, то она должна была закрыть лицо платком и не смотреть, куда ее везут, иначе она могла якобы ослепнуть. Смотреть ей разрешалось лишь после того, как она повесит игольник на священную сосну. В пути из пос. Айполово в Озерное находился **Нирэм-муры-чвор**, проезжая который, невеста должна была изображать негромкий

[66] Обычай запрещал включать в приданое собаку (Васюган).

плач, «нюнить». На притоке Васюгана Нюрольке было особое место **Јунка-мӧнкӓм-вын'а**. Проезжая мимо него, невесты, взятые Ангалиными, надували живот и рот, а на берегу им следовало повесить игольник и украшение в косы.

Подъехав к своему новому жилищу, невеста не должна была заходить в него самостоятельно. Первым туда входил жених и говорил условную фразу, например: «Там человек сидит». Присутствующие знали, в чем дело, и хозяйка заводила за руку невесту в дом. У александровских хантов отмечено, что невесту снимали с лодки или нарты и ставили на игольник перед входом, затем дважды обводили внутри жилища, невеста при этом помахивала платком. На Вахе ее обводили трижды (по солнцу) вокруг жилища, невеста слегка кланялась в его сторону. Если приезд совершался в сопровождении свата, то приобщение к новому жилищу производилось его женой (Шатилов М.Б. 1931. С. 96–97).

С этого момента брак считался заключенным и молодые назывались мужем и женой. Для них устраивали вновь чаепитие, затем начиналось второе свадебное угощение (Вю **вын'а-парры**), на котором жена могла угостить родителей мужа привезенным из дома вином. На Васюгане через неделю после переезда в дом мужа женщина подвешивала игольник на черемуховое дерево на жертвенном месте, расположенном ниже юрт Пеноровых (Островских П. 1931. С. 118). На Вахе было принято посещение молодыми родителей жены спустя некоторое время после заключения брака. На Васюгане брак мог быть легко расторгнут, если женщине не нравилась жизнь в новой семье.

В такой форме заключалось большинство браков в изучаемый период. Сохраняются воспоминания и о более древних обычаях. В устье Нюрольки находилось жертвенное место **Сәвәркы-лат** (Жабье место)[67], там делали подарки духам лишь женщины. Там же в далеком прошлом совершался обряд, предшествующий заключению брака. Происходило это так. Собирался народ, разводили костер и ставили на него котел с водой. В закипевшую воду бросали жабу или лягушку. Когда она сварится и опустится на дно котла, к нему садились девушка и юноша. Деревянными ложками они ловили лягушку. Если ложки не встречались в котле, к нему садился другой юноша, если же встречались — это предрешало брак.

[67] По воззрениям васюганцев, жабы могут быть пособниками в любовных делах. Косточка в виде крючка, вынутая из вареного самца жабы и пришитая на локоть правого рукава мужчины, при прикосновении к женщине может приворожить ее, а косточка в виде вилки от самки жабы, пришитая на локоть левого рукава, оказывает обратное действие.

Характерно, что в сознании народа этот обряд расценивается как выбор женщиной мужа. В сказках упоминается о поисках девушками мужей (Легенды и сказки хантов. С. 41–44).

Известны были также случаи брака убегом или похищением, чаще всего с согласия невесты. Обычно молодые, спустя некоторое время, отправлялись в дом родителей жены и просили у них прощения. Следовало примирение, и вопрос о выкупе отпадал. Брак похищением известен с древности, особенно в быту кочевников, каковыми некогда являлись и угры. Возможно, его существование у исследуемых хантов является отголоском того далекого прошлого, но заслуживает внимание и мнение М.Б. Шатилова, склонного рассматривать брак похищением на Вахе как явление позднего порядка, обусловленное экономическими факторами. Автор аргументирует свое мнение тем, что подобные браки особенно участились в его время и прибегали к ним лишь очень бедные люди, не способные собрать выкуп (Шатилов М.Б. 1931. С. 93). Он обратил внимание и на отсутствие обрядности этой формы брака; нам также не удалось получить об этом какие-либо сведения. Начиная с XVIII в. практиковалось венчание в церкви, но этот акт осознавался хантами как нечто внешнее, навязанное попами, и не вытеснил народных обычаев. В литературе отмечалось, что закрепление брака венчанием было особенно характерно для хантов Васюгана (Воронов А.Г. 1900. С. 9).

Безбрачие встречалось редко, основной его причиной была нехватка женщин или невозможность выплатить выкуп. Брак у хантов был моногамным, но в легендах есть упоминания и о многоженстве. Подобные случаи отмечены у александровских хантов документами XVIII в., судя по ним, многоженство было замаскировано под видом купли работниц (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1747. Д. 14. Л. 20–21). Вторичное вступление в брак после смерти супруга было весьма распространено, но лишь по истечении определенного срока: на Васюгане — через 40 дней, на Вахе — с опадением листьев первой осенью. В этот период женщинам нельзя было, например, наносить узоры на берестяную посуду и др.

Разводы (В **силя-менсекам** — расходись в стороны) у хантов были редки, и собрание стариков, решающее этот вопрос, обычно стремилось примирить мужа и жену, однако насилия в этом случае не допускалось. По обычному праву основаниями для развода считались нарушение супружеской верности (однократное женой и многократное мужем); длительное отсутствие супруга; impotentia и неспособность к деторождению, жестокое обращение с женой либо пьянство и мотовство; публичное заявление одной из сторон

на собрании стариков о нежелании продолжать совместную жизнь (Шатилов М.Б. 1931. С. 90–91).

Семейная жизнь хантов протекала, как правило, размеренно и спокойно, в ней не было места ярким проявлениям чувств и пышным торжествам. Все трудоспособные члены семьи имели свои обязанности и стремились их выполнять. Мужскими занятиями были добыча рыбы и мяса на пропитание, заготовка и сдача пушнины (на Вахе также и основной уход за оленями), заготовка материалов для постоянных жилых и хозяйственных построек и их сооружение, изготовление инструментов, средств передвижения, различных поделок из дерева и многое другое. Женщина готовила ежедневно пищу и некоторые ее виды заготавливала впрок; она же кормила собак и участвовала в подкормке оленей; ее заботой были дрова, сбор дикорастущих и заготовка коры деревьев для многих видов утвари, которая выходила из-под ее рук, она обрабатывала шкуры, а в Нарымском крае и крапиву, шила из различных материалов одежду и обувь и следила за их сохранностью, ухаживала за детьми и гостями. Женщина строила печи и считалась хозяйкой очага, она следила за правильным обращением с огнем.

В определенных ситуациях мужчина и женщина взаимно заменяли друг друга. Так, при отсутствии в семье трудоспособного мужчины или просто при желании охотой и рыболовством могли заниматься женщины. Мужчины, уходя на промысел без семьи, исполняли повседневные женские обязанности. Некоторые виды труда были совместными: гребля на лодках (чаще все-таки гребли женщины, а мужчины правили), установка временных каркасных жилищ, сбор ягод, ловля оленей и т.п. В ряде случаев предусматривалось поэтапное разделение труда, например, обрубки гнилого дерева находили и привозили домой мужчины, но строгали их для подстилки в колыбель женщины; бересту для покрытия жилищ заготавливали мужчины, а обрабатывали и сшивали ее женщины. В целом трудовая нагрузка мужчины и женщины была равна. Но во время трудных переходов на охоте мужчина растрачивал много сил, для восстановления которых ему требовался полный отдых, женщину же у хантов редко можно было видеть в праздной бездеятельности.

Отношения членов семьи были ровными и большей частью дружелюбными. Если в жилище проживало несколько семей, то каждая имела определенное место и этот принцип строго соблюдался, лишь дети во время игр могли его нарушить. Женщины не пользовались утварью чужой семьи. Считалось неэтичным пристальное наблюдение за жизнью другой семьи и тем более вмеша-

тельство в ее дела. Эти и другие факты свидетельствуют, на наш взгляд, об устойчивой традиции, сложившейся в длительной практике проживания в одном жилище нескольких родственных семей, имеющих определенную самостоятельность. Молодая женщина в новой семье вначале чувствовала себя неуверенно, лишь с появлением ребенка ее положение и поведение становились более независимыми. Очевидно, в древности существовал обычай, по которому бездетная женщина не смела разговаривать с мужем и членами его семьи, об этом упоминается в сказках. Мужчина с уважением относился к жене — матери его детей. При жестоком обращении с женщиной она могла уйти от мужа, общественное мнение и обычное право были в этом случае на ее стороне.

В кругу родственников было принято называть присутствующих и отсутствующих терминами родства, они же обычно употреблялись при обращении, но могли и упускаться. На Васюгане муж и жена обращались друг к другу термином **ачој**. Было принято также называть родителей по русскому имени старшего ребенка, например, «отец Насти». Этот обычай К.Ф. Карьялайнен считал заимствованным хантами у татар (Karjalainen K.F. 1921. Прим. на С. 65). Антропонимы, носящие характер прозвищ, не употребляли в присутствии их носителей. Отрицательную реакцию вызывало обращение к родственнику по его официальному имени.

Родственники, соблюдающие обычай избегания, обращались друг к другу на «вы» и не употребляли при этом прозвищ или имен. В таких отношениях находились женщина и родители (особенно отец) ее мужа, мужчина и родители (особенно отец) его жены, жены двух братьев, мужчина и жена его младшего брата, женщина и муж дочери ее сестры. Обычай избегания проявлялся неодинаково у разных категорий родственников. Женщины в присутствии таких лиц натягивали на лицо головной платок, поворачивались к ним боком или спиной, молчали или разговаривали очень тихо; однако они могли при этом ходить босыми, кормить ребенка грудью. С уходом таких родственников женщин как будто подменяли, они становились оживленными и веселыми. Мужчина при входе в жилище, где находится избегающая его женщина, предупреждал о своем появлении покашливанием. Он как бы не замечал ее присутствия и не смотрел в ее сторону даже при непосредственном обращении. Мужчины, избегающие друг друга, не должны были вместе купаться или ходить в туалет, а находясь в одной компании, не употребляли нецензурные слова и т.п.

В повседневном быту хантов соблюдались возможные в их условиях правила общественной и личной гигиены. Пол в жилище под-

метали и изредка мыли, постели утром закатывали к изголовью, отходы пищи и мусор складывали в определенном месте. На территории поселения не брали ягоды и снег для питьевой воды. Утром умывались, налив воды в берестяную коробку или чашку и сменяя ее для каждого члена семьи. Изредка расчесывали волосы, мыли все тело и стирали одежду. Из паразитических насекомых у хантов водились только вши, но они не считались большим бедствием. У взрослых членов семьи были индивидуальные сосуды (чашки из бересты или металла) для сплевывания. Обувь не сушили у очага во время приготовления пищи. Проживающие в одном доме имели общее отхожее место; было принято, чтобы мужчины посещали его, когда все женщины находились в жилище, и наоборот.

Целый ряд норм поведения женщины был связан с ее физиологическими особенностями. Хантам, как и многим другим народам, женщина в определенные периоды представлялась «нечистой». Выделения во время менструаций и родов[68], особенно первые, якобы таили в себе опасности для мужчины, и следовало от них оберегаться. Женщине было запрещено переступать через обувь, одежду и орудия труда мужчин, а также и через них самих; нельзя было подниматься на чердак, есть заднюю часть медведя. Во время менструаций нельзя было заниматься охотой и рыболовством, играть на музыкальном инструменте. Женщина тщательно следила за тем, чтобы не было видно ее пояс-повязку или штаны, эти виды одежды стирали в особой посуде, сушили и хранили в укромных местах. Во время менструаций женщина спала отдельно от мужа, а с ее окончанием обмывалась раствором из обожженной и растертой в воде чаги[69], этим же раствором обрызгивала все вещи в жилище, а одежду держала и слегка вытряхивала над огнем. За исполнением подобных обычаев следила мать мужа.

По отсутствию месячных судили о наступлении беременности [70]. Иногда обращались за вычислением срока родов к знающим старикам, но чаще об этом не заботились. Когда ребенок начинал шевелиться, женщина знала, что ему пять месяцев. Пол будущего ребенка мог определить шаман, у некоторых женщин существовали для этого индивидуальные приметы. Во время беременности жизнь женщины шла обычным порядком, она не замечала за собой каких-либо прихотей и не делала ограничений в еде, лишь

---

[68] Их называли ӑтӑм-от — плохая вещь, а не вӑр — кровь.

[69] На Васюгане для отвара брали три куска чаги — один для vulva и два для грудей.

[70] Предвестником появления ребенка в семье считалось самопроизвольное заплетание косички на затылке мужчины, две косички предвещали двойню.

перед самыми родами для их облегчения рекомендовалось уменьшить прием пищи. К избавлению от плода никогда не прибегали, дети были желанны для всех.

Для благополучия будущего ребенка считалось необходимым выполнение ряда предосторожностей. Так, по мнению ваховцев, перешагнувшая через собаку женщина могла родить ребенка, похожего на собаку; если пинать собаку, у ребенка вырастет на спине собачья шерсть; нельзя смотреть вслед далеко уезжающему — роды затянутся до его возвращения. По обычаю хантов Васюгана женщина не должна была есть голову зайца — глаза у ребенка будут большими, некрасивыми; если пилить дрова с вершины — ребенок будет выходить ногами вперед; если женщина отказала кому-то в просьбе лиственничной коры — ребенок мог родиться с красным пятном, а если не дала чаги — с черным пятном. В качестве оберега от болезни в период беременности женщина вешала на чердаке три цветных платка разных размеров — подарок **Анки-ПуYос.**

Во время родов приглашали повивальную бабку (Вю **пуYулунас**, **пуYулун-әнкәсәм**; В **көтонг-ни**, **пӯYлӯн-ни**, **пӯYлӯн-исил'**), нередко эту роль исполняла любая женщина, владеющая необходимыми навыками. Ее могли взять с собой на время длительной поездки в урман. На Васюгане при родах приглашали специалиста, играющего на струнном музыкальном инструменте. При оказании помощи беременной или роженице нежелательным считался осмотр ее половых органов, так как через них, по представлениям хантов, **Анки-ПуYос** вводит детей. Приглашенная помочь женщина могла ощупать живот и поправить положение ребенка, шаману было якобы достаточно положить руку на живот.

Роды внушали хантам страх, любой их исход приписывался воле **Анки-ПуYос**, которая могла наказать роженицу за нарушение запретов. На Васюгане даже считалось, что рожает это существо, а не женщина. Роды происходили внутри жилища или снаружи у костра. На это время мужчин старались отправить на длительную охоту, если же они находились дома, то удалялись вместе с детьми в другое жилище. Если роды происходили в лесу, где не было других женщин, то мог оказать помощь и муж. Женщина надевала старую одежду и помещалась у входа. На Вахе было известно специальное сооружение (**ноYол'**) в виде лестницы с двумя перекладинами, на нее накидывали подстилку. Женщина опиралась спиной на сооружение, ногами упиралась в загородку очага и при схватках приподнималась. Рожали также лежа и стоя на коленях. Повитуха могла поправить положение ребенка или помочь ему

выйти, вытаскивая руками. Обычно роды проходили сравнительно легко, осложнения ханты объясняли нарушением супружеской верности женщиной, полное признание в этом приносило ей облегчение. Иногда на помощь призывали несколько женщин, они надавливали коленями на живот и плечи роженицы.

Рождение ребенка сопровождалось якобы появлением **Анки-ПуYос.** Пуповину ребенка, предварительно перевязав ее ниткой, обрезала специальным ножом или ножницами повивальная бабка. Ей дарили этот нож или ножницы и платок, позднее женщина и принятый ею ребенок обменивались изредка подарками. При благополучном исходе присутствующие облегченно вздыхали, а повитуха выходила и сообщала остальным: **«Тӓтитӓ jəмəки»** — все хорошо. Спустя некоторое время она извещала о том, кто родился: мальчик, девочка или двойняшки. Детям объясняли, что новорожденного нашли в лесу. Послед (В **мӧнки**) в представлении хантов был тесно связан с **Анки-ПуYос** и внушал им страх, так как мог не выйти, но обычно этого не бывало, ведь женщины работали вплоть до самых родов. Повитуха помещала его в берестяную набирку и подвешивала в лесу на дерево (на Васюгане — только на ель) с восточной стороны на недоступной для собак высоте. Считалось, что, если собака съест послед, ребенок может умереть. Послед каждого родившегося позднее привязывали еще выше. На Васюгане его закапывали также и в землю, завернув предварительно в белую тряпку. Рождение ребенка «в рубашке» или «в шапке» считалось хорошим предзнаменованием, последнюю мать хранила вначале сама, а затем отдавала подросшему ребенку, который хранил ее «на счастье» под подушкой. По мнению васюганцев, не мог умереть ребенок, родившийся в новолуние.

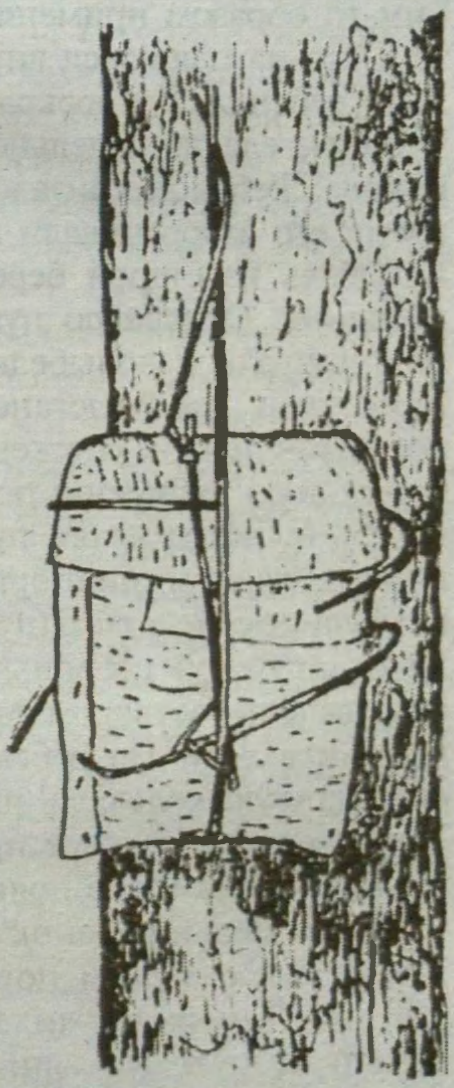


Рис. 38. Коробка с последом на дереве. С фотографии И.М. Мягкова, р. Васюган

После обрезания пуповины устраивали небольшое угощение чаем (Вю **пӱYӱлӱн-парры**), а у богатых — вином. На него могли прийти кроме близких

родственников женщины из ближайших поселений. У васюганцев в честь новорожденного поддерживался в течение недели огонь и подвешивали на дерево игольник. Через несколько дней после рождения родители, повивальная бабка или кто-нибудь еще давал ребенку имя (русского происхождения), никаких обрядов при этом не выполнялось. Обрядовая сторона отсутствовала и при получении человеком прозвища, которое могло быть дано в любом возрасте. По настоянию попов, а иногда и по собственной воле производилось крещение ребенка, крестная мать называлась **пирнӓ-ни**, крестный отец — **пирнӓ-ку** (**пирнӓ** — крест).

О помощи женщине после родов ничего не известно, очевидно, здесь не принималось специальных мер. На Васюгане считали, что закапывание последа в землю предотвращает послеродовые боли, каким-то образом применяли также чагу. Движение матки объясняли тем, что находящаяся внутри женщины **Анки-ПуУос** ищет исчезнувшего ребенка. До прекращения выделений женщина считалась «нечистой», ела из отдельной посуды, не сменяла одежды, в которой рожала. Ребенок считался таковым до отпадения пуповины, в это время его заворачивали в старые тряпки и помещали в маленькую колыбель из старой бересты, которую делала повитуха или другая женщина. Отпавшую пуповину у ваховцев зашивали в мешочек и подвешивали к колыбели, ее хранили даже когда дети становились взрослыми. На Васюгане пуповину смачивали грудным молоком и посыпали пеплом сожженного хвоста белки, а при отпадении клали в берестяную набирку и подвешивали на елку или сосну. Для девочки внутрь набирки клали пуговицу или бусину, а для мальчика рядом подвешивали миниатюрный лук и три стрелы. На Вахе пуповину помещали в мешочек (**пӯУлӯн-от**), вышитый бисером, и подвешивали с наружной стороны спинки колыбели. Затем мать и ребенок обмывались раствором чаги, их одежду и колыбель уносили и подвешивали в лесу. На ребенка надевали первую рубашку и помещали его в другую колыбель из новой бересты, которую делала повитуха. Было принято заранее приготовить ткань для детской рубашки, но шили ее лишь после появления ребенка на свет.

Через месяц ребенок помещался в деревянную колыбель, изготавливаемую мужем повитухи, отцом или другим мужчиной. Берестяная теперь служила в качестве ночной. Подросшему ребенку делали вторую деревянную колыбель больших размеров. Можно было использовать как берестяную, так и деревянную колыбели старших детей, иногда в них вырастало до 20 детей. Нельзя было пользоваться колыбелью умершего ребенка, ее подвешивали в лесу

(васюганцы — только на кедр). В качестве гигроскопического средства ханты использовали наструганные гнилушки тальника или другого дерева, они придавали ребенку приятный запах. Использованные гнилушки складывали в одном определенном месте, обычно у старого пня; избегали класть их под растущее дерево — «ребенка будет качать, как ветром дерево».

В колыбели ребенок проводил большую часть времени до двух-трех лет. Во время игр и ласк обычно брали колыбель с ребенком на колени, это охотно делали не только женщины, но и мужчины. Оставляя ребенка в колыбели надолго одного, туда клали нож или спички как охранительное средство. При кормлении мать ложилась рядом с колыбелью и наклонялась к ребенку либо брала ее на колени и кормила сидя. Детей кормили грудью до шести-семи лет. Особой пищи для них не готовили, а кормили вместе со взрослыми. В дороге ребенку давали в качестве соски лапку белки или сухожилие оленя. Убаюкивали детей булькающим звуком ол-ла-ла, апӧ-ӧ-л-л или носовым м-м-м. Днем колыбель подвешивали к потолку и раскачивали ногой, продетой в ременную петлю, руки женщины были свободны, и она могла выполнять некоторые виды работы.

Причины заболевания детей усматривались в нарушении ими каких-либо запретов. В таких случаях на помощь призывали шамана или специального человека, которые могли «угадать» причину заболевания и дать совет об умилостивлении того или иного духа. За помощь мать дарила тайно этому человеку платок или игольник. Рациональные способы излечивания детей почти не применялись, и детская смертность была очень высока. Если в семье погибали все дети, то виновными, так же как и в случае бездетности, считались родители или ближайшие родственники, нарушившие запреты.

Подрастающие дети охотно приучались к труду. В трехлетнем возрасте они уже подметали пол, выносили мусор или воду после умывания взрослых, помогали носить дрова, собирать ягоды. Четырех-пятилетние девочки расчесывали траву для подстилки в обувь, разминали шкурки мелких пушных зверей, нанизывали бисер, а шестилетние уже могли сшить себе платье; уходя, родители поручали им заботиться о младших детях. Девятилетние мальчики участвовали в охоте на дичь, им доверяли огнестрельное оружие. Вместе с трудовыми навыками детям передавали народные знания, прививали нормы обычного права и этики. При этом широко использовались различные виды фольклора — загадки, поучительные рассказы и сказки. Непосредственно к нравоучениям прибегали ред-

ко, смышленые и любознательные дети большую часть норм поведения усваивали из наблюдений за взрослыми.

Дети не были капризными, но если это случалось, то у ваховцев родители делали зарубку на ножнах или палке, а при очередном капризе укоряли: «Смотри, сколько зарубок». Если ребенок долго не засыпал, его пугали приходом злого существа **Пырнэ**. Для этого кто-либо из взрослых надевал шубу и берестяную маску и входил в жилище. Детей редко бранили, а к физическим мерам наказания прибегали лишь в исключительных случаях, например, при воровстве. Рассказывают также истории о жестоком обращении женщин с пасынками и падчерицами. Негативным было отношение к добрачному ребенку, его называли бранным словом **пӓл'мок**, насмешкам подвергалась и мать такого ребенка.

Во время игр дети большей частью имитировали занятия взрослых. Игрушки девочек представляли собой набор женских предметов быта в миниатюре и кукол, у которых отсутствовали черты лица[71]. У мальчиков любимой игрушкой был лук со стрелами. Погремушками служили высушенный зоб глухаря с насыпанными внутрь камешками либо медные бубенчики, подвешиваемые к колыбели. На Вахе популярными игрушками были фигурки оленя и нарты. Обычными спутниками детства являлись собаки, которые терпеливо сносили все шалости детей и могли охранять их от опасности.

Итак, в конце XIX — начале XX вв. ханты находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Их социальную структуру составляли семья, поселение, **пуч** — порода, **jaY** — народ — и временные объединения. В силу территориальной разобщенности контакты населения были развиты слабо. Низкий уровень развития производительных сил, преобладание натурального характера хозяйства и патриархальный уклад жизни обусловливали относительно слабую социальную дифференциацию общества. Семейно-брачные отношения строились на патриархальной основе, однако в некоторых сферах жизни женщина обладала относительной самостоятельностью. В изучаемый период сохранялось немало пережитков более раннего общественного устройства.

---

[71] Родители препятствовали играм с покупными куклами, у которых были изображены рот, нос и глаза. Такие куклы, забытые детьми в лесу, могли якобы превратиться в духов и, не получая затем жертвоприношений, приносили вред.

Заключение

Каков же итог этнографической характеристики трех групп хантов, расселенных по соседству, весьма близких по языку и составляющих замкнутую эндогамную общность? Во-первых, следует признать, что по культуре они не были близки в такой же мере, как по языку и брачным связям. Каждая из групп обладала рядом особенностей. На Васюгане к ним относились некоторые более примитивные варианты временных каркасных жилищ и хозяйственных построек, широкое применение техники рубки «в паз», лыжи с приподнятой ступательной площадкой и значительная роль ручной нарты с палкой-оглобелькой. В одежде это первый тип женских натазников, мужские штаны с «широким шагом» и подтяжки для прикрепления обуви, камусная обувь длиной до колен и широкое использование обуви из кожи. Для Васюгана характерно более широкое применение утвари из дерева; из всех трех групп только здесь зафиксированы берестяные туеса и орнаментированные фигурные крепилки из рога для сухожильных ниток, а также универсальный тип скобеля для обработки шкур. В пищевом рационе васюганцев большее значение имели черемуха и мясо лося, употреблялся и талган. На Вахе были распространены постройки, не зафиксированные на Васюгане, в том числе полуконические жилища, чумы и оленьи избы; лыжи отличались разнообразием типов, включая и выгнутые; наряду с ручной использовалась и оленья нарта. У ваховцев встречались туникообразные рубахи и платья усложненного покроя, большое значение имела верхняя одежда из оленьих шкур (распашная и глухая), а также длинная обувь из камусов, зафиксированы некоторые виды мягкой утвари, неизвестные на Васюгане. Ряд характерных черт культуры Ваха объясняется наличием у них транспортного оленеводства.

В духовной культуре также возможно выделение локальных особенностей, хотя эта задача более сложная, чем в сфере материальной культуры. Трудность заключается, с одной стороны, в том, что некоторые разделы культуры (народные знания и народное творчество) изучены недостаточно, и имеющиеся данные не дают основания для более или менее определенных выводов. Другая сторона вопроса заключается в том, что вычленение отдельных элементов и особенностей

духовной культуры не может быть основано на таких же формальных признаках, как при анализе материальных объектов. Характеризуя, например, религиозные воззрения, мы стремились показать, что они, с точки зрения хантов, представляют логически стройную и оправданную систему. Если зафиксирован какой-либо элемент, характерный только для одной из групп, то важно выяснить, насколько гармонично он вливается в общую структуру верований или стоит как бы вне ее, является чуждым. Очевидно, что разные ответы на такой вопрос предопределяют вывод о том, насколько существенны различия в религиозных представлениях отдельных групп. Подобная постановка вопроса требует глубокого и всестороннего анализа материала именно с этой точки зрения, что не могло быть выполнено в рамках данной работы. Приведенные ниже факты отражают специфику групп в самом общем виде и могут служить лишь отправными точками для дальнейших исследований.

В области изобразительного искусства васюганцы выделяются большим разнообразием способов украшения бересты и склонностью к резьбе по кости; особенностью ваховцев было плетение бисером и украшение одежды и утвари меховой мозаикой. В исторических преданиях, записанных на Васюгане, чаще рассказывается о борьбе с татарами, а на Вахе — с самоедами. Говоря о мировоззрении, следует заметить, что в целом оно имеет общую основу и, вероятно, общее происхождение, но имеющиеся данные позволяют выявить и весьма существенные различия у отдельных групп. Так, на Васюгане более четко выглядят представления о строении Вселенной, о жизни в загробном мире и вообще о сущности жизни и смерти. Здесь еще не вполне оформились представления о верховном божестве **Торуме,** который на Вахе заметно «нарушил» прежнюю систему сверхъестественных существ, поэтому на Васюгане можно наглядно и с меньшими противоречиями восстановить модель мира без верховного божества. В ней противоречия разрешаются без его участия — всеми остальными сверхъестественными существами. Анализ священных мест показывает, что у васюганцев и александровцев **Торуму** не отводилась роль демиурга. На Васюгане, в отличие от двух других групп, священные места связаны с социальной организацией и частично ее отражают. Существенной особенностью ваховцев является отсутствие у них изображений семейных духов-покровителей. На Васюгане более развитым был культ лося, а на Вахе — медведя. Своеобразие каждой из групп более всего выражается в представлениях о сверхъестественных существах, но они не всегда одинаковы и в рамках отдельной группы.

В социальной сфере жизни различия усматриваются в том, что экзогамные группы (jaY) устойчиво сохранялись на Васюгане и были весьма аморфными на Вахе. Размывание групп произошло, очевидно, в процессе переселений хантов на Вах. Выявляются некоторые малосущественные отличия в свадебной обрядности и в других моментах семейно-брачных отношений.

Следует отметить, что в конце XIX — начале XX вв. положение групп различалось еще и степенью взаимодействия с культурой пришлого русского населения. Более всего русскому влиянию подвергались александровские ханты, затем васюганские и нижневаховские, менее всего — верхневаховские. Ко времени сбора наших полевых материалов васюганцы и александровцы почти полностью утратили традиционную материальную культуру, чего нельзя сказать о ваховцах. В ходе работы мы обратили внимание на то, что у пожилых хантов при почти полном отказе от обычных занятий, транспорта, одежды и пр. традиционное мировоззрение сохраняется с удивительной четкостью и полнотой. Особенно это характерно для Васюгана. Подобное явление может быть объяснено тем, что смена хозяйственной деятельности и материальной культуры произошла здесь в весьма короткий период, за 30—40 лет, а для коренных изменений в мировоззрении таких сроков явно недостаточно. Более того, именно у васюганских, а частично александровских хантов зафиксированы даже нашими материалами самые архаичные обряды и представления. Это особенно любопытно, если учесть, что объективные условия — наступление христианства — должны были способствовать утрате традиционных представлений здесь более, чем на Вахе. Заканчивая краткий обзор различий в культуре исследуемых групп, заметим, что лучше всего они проступают при сравнении васюганцев и ваховцев, а александровские ханты служат как бы промежуточным звеном между ними. Это вполне соответствует территориальному положению последней группы.

Однако общего в культуре васюганско-ваховских хантов, особенно в духовной и социальной сферах, было, несомненно, больше. Это наглядно показано при изложении материала. Для выяснения вопроса о взаимоотношениях исследуемых групп можно привлечь и другие данные. Так, анализ материалов по топонимике, имеющихся в работах Л.И. Калининой (1961 а; 1961 б), дает следующую картину. Одна группа топонимов занимает только район Васюгана, это названия рек на *-игай, -н'ых, -н'ох, -сигат.* Самый большой ареал хантыйских названий рек на *-ёган* залегает на территории александровских и ваховских хантов и в отдельных случаях — на Васюгане (и на Агане).

Группа топонимов с названиями рек на *-сэв*, *-урий*, *-игол*, *-пасол* и названиями озер на *-эмтор*, а также наиболее плотный ареал названий деревень на *-пугол* распространены на территории Васюганско-Ваховского Приобья (и на р. Юган). Л.И. Калинина отмечает, что названия рек на *-ёган* совпадают с ареалом залегания озер на *-эмтор* и одновременно с диалектом ваховских и васюганских хантов.

Интересны данные о тамгах. Васюганские ханты, входившие в XVII в. в Васюганскую волость, выступали как одна общественная группа, имевшая устойчивую тамгу — знак Бобра (Симченко Ю.Б. 1965. С. 133). Это животное считалось у васюганцев священным, его запрещалось убивать. По легендам, бобры пришли на Васюган вместе с хантами. Александровцы, занимавшие территорию трех Лунпукольских волостей, имели более смешанный состав, что хорошо прослеживается по данным тамг и объясняется, очевидно, их расположением на большой водной артерии Оби. В первой Лунпукольской волости зафиксированы в XVII в. знаки Шайтанской рожи, Соболя и Филина, во второй — Ель, в третьей — Рыба, Соболь и Олень; ханты Ваховской волости имели тамги Ель и Лук. Тамга Ель появилась на Вахе, вероятно, с переселением туда части александровских хантов (Долгих Б.О. 1960. С. 83).

При характеристике отдельных подразделений этноса неизбежно встает вопрос об их взаимоотношениях с остальной его частью. Уже указывалось, что васюганские, александровские и ваховские ханты являются территориальными группами более крупного объединения народа — восточной этнографической группы. Материалы, собранные нами в последние годы, показывают, что в ее среде сформировался целый ряд общих черт, отличающих восточных хантов от северных и южных. Не вызывает сомнения наличие и общехантыйских черт культуры. Однако эти вопросы, как и выявление этнокультурных связей с другими народами, должны стать объектом будущих исследований.

При изучении взаимоотношений отдельных территориальных и этнографических групп хантов в настоящее время имеется реальная возможность использования данных по материальной культуре, религиозным представлениям и некоторым другим разделам духовной культуры, например, орнаменту. Почти совершенно неизученными остаются фольклор и музыкальное творчество, мало известно о рациональных знаниях народа. Кроме этногенетического аспекта весьма перспективным в области духовной культуры представляется исследование вопросов, связанных с общим мировоззрением, формами общественного сознания и структурой мышления.

За годы Советской власти в жизни хантов произошли значительные перемены. Для них, как и для других народов Севера, созданы все условия для свободного развития и созидательного труда. На территории проживания хантов возникла лесная, газовая, нефтяная и рыбная промышленности. Развиваются земледелие и новая отрасль животноводства — звероводство. Получили дальнейшее развитие и традиционные виды занятий — охота, рыболовство, оленеводство. Вместе с совершенствованием северного производства изменяется и профессиональный состав хантов. В промыслово-охотничьих хозяйствах, колхозах и совхозах появились свои квалифицированные национальные кадры: учителя, врачи, трактористы, механизаторы. О темпах роста грамотности среди ваховских хантов говорят следующие данные: в 1926 г. среди них было только четверо грамотных (Шатилов М.Б. 1931. С. 36). Сейчас здесь имеется четыре средних, три восьмилетних и девять начальных школ, в которых работает около 300 учителей и воспитателей. Многие из них — ханты. Успешно продолжается и большая работа по здравоохранению, начатая в первые годы установления Советской власти. Из года в год расширяется сеть медицинских учреждений, увеличивается число работников, обслуживающих население. Все это вместе взятое: индустриализация края, успехи народного образования, большая работа по развитию здравоохранения и атеистического воспитания — привело к подъему общего культурного уровня народа.

Литература

Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 37. М., 1965.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1961.

Баландин А.Н. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым объектом» // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Буцинский П.Н. К истории Сибири. Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков, 1893.

Вавра К. Терминология родства венгерского и мансийского языков. Автореф. ... канд. филос. наук. Тарту, 1970.

Васильев В.И. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства обских угров // ТИЭ, н. с. Т. 78. М., 1962.

Воронов А.Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900.

Григоровский Н.П. Производство из крапивы (Нарымский край) // Записки РГО. Кн. 6. СПб., 1882.

Григоровский Н.П. Описание Васьюганской тундры // Записки ЗСОРГО. Кн. 6. Омск, 1884.
Дмитриев-Садовников Гр. Ваховский облас // ЕТГМ. Вып. 21. Тобольск, 1913.
Дмитриев-Садовников Г.С. Лук ваховских остяков и охота с ним // ЕТГМ. Вып. 24. Тобольск, 1915.
Дмитриев-Садовников. Береста и изделия из него у остяков р. Ваха // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1916 а.
*Дмитриев-Садовников Гр.*На Вахе // ЕТГМ. Вып. 26. Тобольск, 1916 б.
Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898.
Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север. Т. 3. СПб., 1911.
Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // СМАЭ, 11. 1949.
Иванов С.В. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси // СЭ. 1952. № 3.
Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв. // ТИЭ, н. с. Т. 22. М.; Л., 1954.
Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963.
Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири (XIX —первой половины XX вв.). Л., 1970.
Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967.
Изделия остяков Тобольской губернии // ЕТГМ. Вып. 19. Тобольск, 1911.
Калинина Л.И. Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири // Уч. зап. ТГУ. № 19. Томск, 1961 а.
Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Западной Сибири. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1961 б.
Карьялайнен К.Ф. У остяков. Путевые записки // Сибирские вопросы. 1911. Т. 7. № 30—62.
Кастрен А.М. Путешествия по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849) // Магазин землеведения и путешествий. Т. 6. М., 1860.
Кононенко В.А. Влияние христианства на религиозные верования народностей Северо-Западной Сибири // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 413. Вопросы научного атеизма, этики и эстетики. 1971.
Костров Н. Нарымский край. Томск, 1872.
Кулемзин В.М. Представления восточных хантов о живых и неживых предметах // Из истории Сибири. Вып. 19. Томск, 1976 а.
Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов в конце XIX—начале XX вв. // Из истории шаманства. Томск, 1976 б.
Куприянова З.Н. К вопросу о жанровом составе фольклора угро-самодийских народностей // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972.
Легенды и сказки хантов / Записки, введение и примечания В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной. Томск, 1973.
Лукина Н.В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972 б.
Лукина Н.В. Оленеводство ваховских хантов // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973 а.

Лукина Н.В. Терминология родства и свойства васюганско-ваховских хантов // Из истории Сибири. Вып. 19. Томск, 1976.
Лукина Н.В., Кулемзин В.М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.
Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского севера в XVIII в. Л., 1941.
Орлова Е.Н. Современное Васюганье // Жизнь Сибири. № 4. Новониколаевск, 1926.
Островских П. Современное Васюганье // Советский Север. 1931. № 9.
Очерк Васьюганской тундры // Журнал министерства внутренних дел. Ч. 37. № 6. СПб., 1859.
Патканов С.К. Волости и населенные места 1893 г. Томская губерния. Изд-во ЦСК, 1893.
Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 1–2. СПб., 1911–1912.
Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
Плеханов Г.В. О религии // Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 7. М., 1939.
Плотников А.Ф. Нарымский край. Историко-статистический очерк // Записки РГО по отделению статистики. Т. 10. СПб., 1901.
Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // СМАЭ. Т. 16. М.; Л., 1955.
Прыткова Н.Ф. Металлическая культовая посуда у угров // СМАЭ. Т. 10. М.; Л., 1949.
Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. Т. 15. М.; Л., 1953.
Прыткова Н.Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири. Л., 1970.
Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах обских угров) // СМАЭ. Т. 27. Л., 1971.
Ремезов С. Чертежная книга, составленная в 1701 г. СПб., 1882.
Садовников Г. С реки Ваха Сургутского уезда // ЕТГМ. Вып. 20. Тобольск, 1911.
Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.
Сирелиус У. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. Вып. 15, 16. Тобольск, 1906–1907.
Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ. 1957 а. № 2.
Соколова З.П. Обско-угорское жилище и его история. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1957 б.
Соколова З.П. Современные селения и жилища ваховских хантов // ТИЭ. Т. 56. М., 1960.
Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ, н. с. Т. 84. М., 1963.
Соколова З.П. О происхождении обско-угорских имен и фамилий // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970 а.
Соколова З.П. Социальная организациия обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Азии. М., 1970 б.
Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. Т. 27. Л., 1971.
Соколова З.П. О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973.

Соколова З.П. Социальная организация обских угров (к истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974.
Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
Соколова З.П. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // СЭ. 1976. № 6.
Старцев Г. Остяки. Л., 1928.
Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М.; Л., 1961.
Терешкин Н.И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
Терешкин Н.И. Ваховский диалект хантыйского языка (фонетика и морфология). Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1967.
Титова З.Д. Дневник Т. Кенигсфельда — этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири // СЭ. 1975. № 6.
Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // СМАЭ. Т. 10. Л., 1949.
Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Т. 51. М., 1959.
Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 1. М., 1964.
Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fen-no-Ugristarum, pt. 2. Helsinki, 1966.
Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М., 1971.
Шатилов М.Б. Ваховские остяки. Этнографические очерки // Труды ТКМ. Т. 4. Томск, 1931.
Шатилов М.Б. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск, 1976.
Шостакович Б. Поездка по р. Васюгану и Чижапке в 1876 году // Томские губернские ведомости. 1877. № 46–48, 50–51.
Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Записки ЗСОРГО. Кн. 6. 1882.
Holmberg U. Die Wassergottheiten der Finnisch-ugrischen Völker // Suomalais-ugrilaisen seuran toimitaska, 32. 1913.
Karjalainen K.F. Wie EGO im Ostjakischen die Verwandten benennt // Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. 13. Th. 2. 1913.
Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker, 1–2, 3. Helsinki, 1921–1922, 1927.
Paasonen H. Über die ursprünglichen Seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen Völkern // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 26. 1909.
Paulson J. Die primitiven Seelenvorstellungen der Nordeurasischen Völker. Stockholm, 1958.
Sirelius U.T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Vogulen. Helsingfors, 1904.
Sirelius U.T. Über die primitiven Wohnungen der Finnisch-ugrischen und ob-ugrischen Völker // Finnischugrishce Forschungen, 6–9, 11. Helsingfors-Leipzig, 1906a–1911.
Sirelius U.T. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906 b.
Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache, Lief. 1, 2–3. Berlin, 1966, 1967.

Словарь местных слов и специальных терминов

Атарма — сооружение для добычи рыбы
Баран — дуга, горизонтально прикрепленная к передку нарты
Ботало — палка для вспугивания рыбы
Варган — губной музыкальный инструмент из костяной пластинки
Голицы — лыжи без меховой подшивки
Долбленка — лодка, выдолбленная из цельного ствола дерева
Дорожка — снасть для ловли щук
Жильник — деревянные планки
Загар — кислородное голодание воды
Запор — сооружение для ловли рыбы, перегораживающее всю реку
Засека — изгородь с самострелами (*см.*) для охоты на крупных животных
Камус — шкура с ног крупных копытных животных
Кисы — обувь, сшитая целиком из камусов (*см.*)
Кляпец — охотничья ловушка ударно-колющего действия
Колек — распашная одежда из оленьих шкур
Корневатик — коробка, плетенная из корней
Котец — гибкое полотнище из жильника (*см.*)
Кулема — охотничья ловушка давящего действия
Кумыш — глухая мужская одежда из оленьих шкур, мехом наружу
Курья — глухой рукав реки
Лабаз — хозяйственная постройка на высоких столбах
Малица — глухая мужская одежда из оленьих шкур, мехом внутрь
Морда — рыболовная снасть из ивовых прутьев
Набирка — посуда для сбора ягоды
Нарта — сани
Облас, обласок — *см.* долбленка
Пальма — большой нож на длинной деревянной рукояти
Подволоки — лыжи с меховой подшивкой
Потяг — лямка собачьей и оленьей упряжи
Ровдуга — замша из шкуры оленя
Сак — черпак для льда и рыбы
Самострел — настороженный на звериной тропе лук
Сарга — ленты из побегов черемухи
Слопец — охотничья ловушка давящего действия
Таган — приспособление для подвешивания посуды над очагом
Тиска — полоса, сшитая из вываренных кусков бересты
Туес — сосуд из бересты с деревянной крышкой и дном
Урман — глухой хвойный лес, охотничье угодье
Фитиль — морда (*см.*) вытянутой формы
Хорей — длинный шест для управления оленями
Черкан — охотничья ловушка ущемляющего действия
Чувал — вид камина из жердей, обмазанных глиной
Шабур — распашная одежда из грубых тканей

Сокращения

Ал — александровские ханты
В — ваховские ханты
вол. — волость
Вю — васюганские ханты
ГО СССР — Географическое общество СССР
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ЗСОРГО — Западно-Сибирское отделение Русского географического общества
им. — имя собственное
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири
нас. п. — населенный пункт
р. — река
РГО — Русское географическое общество
р-н — район
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
СЭ — Советская этнография
ТГМЗ[1] — Тобольский государственный музей-заповедник
ТГУ — Томский государственный университет
ТИЭ, н. с. — Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия
ТКМ — Томский краевой музей
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
ТФ ГАТО[2] — Тобольский фонд государственного архива Тюменской области

---

[1] В настоящее время — ТГИАМЗ, Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. — **Прим. издателя.**

[2] В настоящее время — ГУТО ГА в г. Тобольске, Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». — **Прим. издателя.**

Оглавление

Введение 3

Глава I. **Хозяйство и материальная культура**
Виды хозяйственной деятельности 13
Орудия труда и домашнее производство 30
Транспорт 45
Поселения и жилище 56
Одежда, обувь, головные уборы 71
Утварь и пища 89

Глава II. **Духовная культура**
Народные знания 98
Представления об окружающем мире
и сверхъестественных существах 105
Представления о рождении, жизни и смерти 133
Промысловые культы и почитание животных 147
Народное творчество 159

Глава III. **Социальная организация и семейно-брачные отношения**
Формы социальной организации 170
Брак и семья 180

Заключение 197

Литература 201
Словарь местных слов и специальных терминов 205
Сокращения 206

В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина

Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX вв.

Этнографические очерки

Художник (обложка) А. Кухтерин
Оператор ПЭВМ Д. Никифоров
Корректор Н. Тиунова

Подписано в печать 08.12.2005 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 12,09. Заказ №2755.
Тираж 300.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки:
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО ПК «Зауралье».
640022, г. Курган, ул. К.Маркса, 106.
(zpress@zaural.ru).